

Джеймс ГАНН

БЕССМЕРТНЫЕ

Мастера фантазии

Джеймс Ганн
Бессмертные

«Издательство АСТ»

1964, 1970, 2000, 2004, 2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ганн Д.

Бессмертные / Д. Ганн — «Издательство АСТ», 1964, 1970, 2000, 2004, 2014 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-105391-8

Джеймс Эдвин Ганн (род. 1923) – американский писатель-фантаст, критик, преподаватель, профессор Канзасского университета, основатель мемориальных премий Старджона и Кэмпбелла. Считается пионером литературоведческих исследований в области научной фантастики. Дважды лауреат премии «Хьюго», грандмастер «Небьюлы». Автор почти двух десятков романов и более ста рассказов и повестей. В сборник вошли роман «Бессмертные», циклы повестей и рассказов «Время колдовства» и «Будущее несовершенное». Самая известная повесть сборника, «Где бы ты ни был», с момента публикации (1967 г., легендарная «Антология фантастики» от «Молодой гвардии») пользовалась большой читательской любовью и даже была перенесена на экран: телеспектакль «Психодинамика колдовства» (1990), фильм «Если невеста ведьма» (2002). В последнем снялись Армен Джигарханян, Сергей Безруков, Спартак Мишулин, Леонид Куравлев.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Ганн Д., 1964, 1970, 2000, 2004,
2014

ISBN 978-5-17-105391-8

© Издательство АСТ, 1964, 1970, 2000,
2004, 2014

Содержание

Бессмертные	6
Предисловие	6
Часть первая	9
Часть вторая	29
Часть третья	50
Часть четвертая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Джеймс Ганн

Бессмертные. Сборник

James Gunn

THE IMMORTALS

THE MAN WHO INVENTED TOMORROW

FUTURE IMPERFECT

THE WITCHING HOUR

© James Gunn, 1964, 1970, 2000, 2004, 2014

© Перевод. Н. Виленская, 2020

© Перевод. И. Меньшакова, 2020

© Школа перевода Баканова, 2020

© Перевод. О. Корчевская, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Бессмертные

Посвящается Ричарду

Предисловие

Идеи рассказов приходят неожиданно и так же неожиданно получают развитие, а иногда обретают и собственную жизнь.

Идея *«Бессмертных»* пришла ко мне, когда я второй раз устроился писателем на полный рабочий день. В первый раз, в 1948–1949 годах, я протянул всего двенадцать месяцев и оставил идею писать для театра, а затем и для радио. Я продал несколько историй (первые десять под псевдонимом Эдвин Джеймс), но этого не хватало, чтобы сводить концы с концами. Тогда я решил вернуться в Университет Канзаса и получить степень магистра филологических наук. Два года спустя я устроился редактором в Западную компанию печати и литографии в Расине, штат Висконсин. Она выпускала книги в мягкой обложке и комиксы Диснея по заказу издательства «Делл», а также серию «Маленькие золотые книги» по заказу издательства «Саймон и Шустер». Предполагалось, что я разработаю оригинальную серию научной фантастики. Но когда я побывал на первой в своей жизни Всемирной конвенции научной фантастики (и на пятой конвенции вообще) в Чикаго в 1952 году, а затем узнал, что мой агент, Фред Пол, продал четыре моих рассказа, я снова решил начать писать на постоянной основе.

Где-то в середине этого периода, продлившегося около двух с половиной лет, ко мне и пришла идея *«Бессмертных»*. Привлекательность научной фантастики состоит в поиске удивительного, во всех этих «а что, если?..». Однажды и я начал задумываться, что бы случилось, если бы человечество достигло бессмертия? Этот вопрос стал отправной точкой, с которой и начался мой поиск, оформившийся потом в ряд историй. Я обнаружил, что некоторые создания никогда не умирают естественной смертью. Из другого источника я вынес идею о том, что люди стареют из-за неэффективной работы кровеносной системы; она не обеспечивает клетки необходимым питанием и не удаляет побочные продукты окисления. Что бы случилось, если бы появился человек с более совершенной кровеносной системой? И что, если бы это улучшение передавалось путем переливания крови? И что, если бы омолаживающая клетки сила находилась в протеине крови, таком как гамма-глобулин, который вводится людям для обеспечения приобретенного иммунитета к инфекциям (например, беременным женщинам, чтобы они не заразились краснухой). Тогда и омоложение носило бы лишь временный характер и длилось всего 30–45 дней, как и приобретенный иммунитет, данный гамма-глобулином. Именно эти «а что, если?..» стали причиной создания этой истории.

Я сел и написал «Молодую кровь», которую мой агент отправил Джону Кэмпбеллу, редактору журнала *«Поразительная научная фантастика»*. Рассказ был опубликован в ноябрьском номере 1955 года. К тому времени я уже закончил вторую историю в серии, «Донора», но Кэмпбелла больше не интересовали рассказы про бессмертную кровь, поэтому я продал его журналу *«Невероятные истории»*; предполагалось, что он выйдет в зимнем выпуске 1955 года, но осенний выпуск стал последним (*«Невероятные истории»* не единственный журнал, которому я помог скончаться). Я перепродал его *«Фантастическим вымышленным историям»*, в ноябрьском выпуске которых он и появился в 1960 году.

К моменту публикации «Молодой крови» я перевез семью из Канзас-Сити назад, в Лоуренс, штат Канзас, и был приглашен читать пару курсов по литературной композиции. Еще до окончания семестра меня пригласили на пост редактора университетского *«Журнала выпускника»*. Мне удалось договориться о том, что работать я буду только три недели в месяц

и получу месяц отпуска летом. Таким образом, у меня было время писать. В первое лето я написал «Студента». Боб Миллс опубликовал его в июльском номере *«Захватывающей научной фантастики»*, в 1957 году, под названием «Не самый злейший враг». На следующее лето я написал «Лики бессмертия», опубликованные Фредом Полом в четвертом номере *«Звездной фантастики»* в 1958 году.

К этому времени издательский дом «Бантам Букз» запустил собственную серию научной фантастики. Я продал им романы *«Станция в космосе»* и *«Создатели радости»*. Третьей книгой, которую взял Дик Робертс, были *«Бессмертные»*. Роман был опубликован в 1962 году.

На другом конце страны Роберт Шпехт, будущий сценарист, работал в отделении «Бантам Букз» в Лос-Анджелесе. Каждый месяц с Восточного побережья присылали пачку книг в мягкой обложке; однажды Шпехт выбрал *«Бессмертных»*, чтобы прочитать дома. Позже он говорил мне, что сразу же решил сделать из этой книги сценарий фильма.

Четыре года спустя, будучи редактором сценарного отдела у Эверетта Чэмберса в телесериале «Пейтон Плейс», Шпехт убедил его совместно приобрести права на создание фильма и телесериала по *«Бессмертным»*. Они связались с моим агентом, к тому моменту им был Гарри Альтшулер (Фред Пол ушел из агентского бизнеса). Мы заключили контракт на два года с фиксированными выплатами каждые шесть месяцев. Я получил три чека, но четвертого так и не дождался. Я написал Бобу Шпехту, и он сообщил, что Чэмберс отказался от проекта. Шпехт безуспешно предлагал роман каждому продюсеру, режиссеру и ведущему актеру в Голливуде, однако теперь появились новые перспективы. Мы заключили новый контракт, который – ко всеобщему удивлению – действительно стал началом фильма.

В Эй-би-си решили снимать собственные телефильмы, вместо того чтобы брать их в прокат у Голливуда. Показывать их собирались в передаче «Телефильм недели на Эй-би-си». Внезапно возник спрос на сценарии телефильмов, и Боб Шпехт продал сценарий *«Бессмертных»* компании «Парамаунт». Фильм был снят весной 1969 года под названием «Бессмертный», с актерами Кристофером Джорджем, Барри Салливаном, Ральфом Беллами, Кэрол Линли и Джессикой Уолтер. Режиссером стал Джозеф Сарджент. Фильм вышел на экраны в следующем сентябре. Предполагалось, что он станет первым фильмом в новой серии Эй-би-си, но в последний момент его заменили на «Семеро в темноте» с Милтоном Берлом. Возможно, его решили приберечь на сладкое.

Фильм, очевидно, оценили хорошо («Он был четвертым в рейтинге Нильсена по 80 городам», – как-то сказал мне Боб), хотя, для большей уверенности в успехе, фокус сместился с изменений в обществе на историю преследования Кристофера Джорджа богатыми стариками, жаждавшими его крови. На следующий год Эй-би-си запланировала выпуск сериала – каждая серия длилась по часу – под тем же названием, «Бессмертный». В сериале из фильма остался только Кристофер Джордж (Боба Шпехта даже не рассматривали на роль редактора сценария), к тому же Эй-би-си решила сделать его приключенческим, а не фантастическим. Но я в это не вникал.

Тем временем Боб Шпехт позвонил и сказал, что Эй-би-си хочет, чтобы по сценарию написали книгу для рекламы сериала. Мне предложили третью часть от роялти, и я дал добро. И в последнюю минуту мне позвонили из «Бантам» и сказали, что не могут найти подходящего для переложения писателя, поэтому я все написал сам. Наверное, это единственный случай, когда автор романа, по которому снят фильм, участвует в беллетризации сценария в качестве писателя (наш начальник отдела особо ценных коллекций назвал это «изошренно жестоким наказанием»). Утешает лишь то, что это были легкие деньги: я написал все за шесть дней, чтобы книгу можно было выпустить до начала сериала в сентябре 1970 года.

О'кей, перенесемся на 25 лет вперед. За эти годы тоже произошло кое-что интересное: в «Бантам Букз» переиздали роман в 1968 году, а в «Покет Букз» – в 1979-м, его перевели на итальянский, японский, немецкий, португальский и французский, переиздали в Британии.

А затем, в середине 1990-х, мне позвонила женщина, сказавшая, что выступает от лица кинокомпании «Дисней» и ищет владельца прав на художественный фильм *«Бессмертные»*.

– Вы нашли его, – сказал я.

Еще в 1968 году студия «Парамаунт», перекупая контракт у Боба Шпехта, предпочла купить только права на телефильм, не желая тратить на более дорогие права на художественный фильм.

Затем начались голливудские мытарства (которые Вонда Нил Макинтайр описала как «истерический энтузиазм с последующим полным молчанием»). «Тачстоун Пикчерз», дочерняя компания «Дисней», захотела снять художественный фильм («Мы думаем, это будет блокбастер с какой-нибудь звездой и именитым режиссером, например с Сидни Поллаком или Джеймсом Кэмероном», – сказал мне президент «Тачстоун», когда я был у него со своим агентом, Доррис Халси). Но того, кто заинтересовался этим проектом, похоже, уволили, и «Дисней» не продлил со мной контракт. Тем не менее еще до того, как истек контракт с «Диснеем», другого продюсера заинтересовали права на фильм (говорят, о нем продюсеру шепнул сценарист, которого «Тачстоун» попросила предложить «передачу» фильма), и он перекупил права на тех же условиях. Но затем и он не продлил контракт. Третий, а следом за ним и четвертый продюсеры, заключив контракт, не достигли успеха. Теперь права на художественный фильм по этому роману принадлежат «Уорнер Бразерс».

Пока вокруг прав на фильм закрутилась эта чехарда, я продал права на переиздание «Покет Букз» и по просьбе редактора немного освежил материал, в том числе добавив новую часть из 20 000 слов в середине. Президент «Тачстоун» заметил (довольно проницательно, как мне показалось), что это и правда история доктора, поэтому в середине появилось описание поисков *«эликсира жизни»* доктором Расселом Пирсом.

Люди всё еще не нашли способ стать бессмертными, хотя недавно в «Нью-Йорк таймс» появилась статья, в которой предполагалось, что около 2200 человек, вероятно, могут прожить 600 лет. Ну а пока наш единственный путь к бессмертию – это наше потомство и книги.

*Джеймс Ганн
Лоуренс, Канзас*

Часть первая Молодая кровь

*Ворвется свет туда, где солнца нет;
Где море не шумит, но волны сердца
Плещут яро.
Ворвется свет туда, где солнца нет
И власти нет у смерти над живущим.*

Дилан Томас

Молодой человек развалился на откидывающемся больничном кресле, положив левую руку, загорелую и мускулистую, на столик, стоящий рядом. Широкая плоская лента сфигмоманометра туго обхватывала его предплечье, а сгиб локтя, с узором голубоватых вен, был обработан спиртом и бетадином.

Его глаза следили за специалистом по забору крови, деловито снующей по кабинету. Ее действия были такими же аккуратными, как и ее до хруста накрахмаленный халат.

Она открыла левую дверцу огромного холодильника и достала со второй полки сдвоенный пластиковый пакет, отделения которого соединялись трубкой. На нижнем крае было отверстие, за которое пакет можно было повесить на стойку капельницы. Пакет был пустой, плоский и мятый. К нему с помощью длинной прозрачной пластиковой трубки крепилась игла шприца.

Лаборант сняла защитный колпачок с иглы и вытянула трубку, а затем внимательно осмотрела руку донора там, где она была обработана антисептиком и обезболена лидокаином. Вена на руке была крупной, отчетливо проступающей под кожей, и она ввела в нее иглу быстрым профессиональным движением.

Темно-красная кровь устремилась по трубке прямо в одно из отделений пакета, медленно скапливалась на дне, расправляя смятые стенки.

Лаборант взяла самоклеящийся ярлык с отпечатанными на нем датой и номером и прилепила его на пакет, написав внизу свои инициалы.

– Держите кулак сжатым, – велела она, глядя на пакет.

Когда он наполнился, лаборант закрыла клапан на трубке и вытащила иголку из вены донора, заменив ее ватным тампоном, закрепленным пластиковой повязкой.

– Повязку нельзя снимать в течение часа, – строго сказала она.

Затем слила кровь, оставшуюся в трубке, в пробирки для образцов и приклеила на них такие же ярлычки, как на пакете, только меньшего размера. Пробирки она поместила на подставку в холодильнике.

Трубка и иголка отправились в бак для утилизации отходов.

– Группу крови определяют в Центре, – сказала лаборант. – Если подтвердится, что первая отрицательная, то при случае вы сможете на ней подзаработать. Кровь этой группы нам приходится покупать, когда не хватает донорской.

Донор презрительно скривил губы.

– Мне необходимо записать ваше имя и адрес, – привычно выдала лаборант, поворачиваясь к компьютеру на столе и набирая порядковый номер. Записав продиктованные молодым человеком данные, она добавила: – Мы можем сообщить вам, когда появятся результаты. Анализы на СПИД, гепатит, венерические болезни и другие заболевания, передаваемые через

кровь. Все полностью конфиденциально. Если хотите, ваши данные будут добавлены в наш список постоянных доноров.

Не задумываясь, молодой человек отрицательно качнул головой.

Лаборант пожала плечами и протянула ему листок бумаги.

– Все равно спасибо. Посидите в комнате ожидания минут десять. Там есть апельсиновый сок, кексы и кофе. А это чек на пятьдесят долларов. Вы можете обналичить его в кассе рядом со входной дверью.

Пару секунд после того, как широкая спина парня скрылась за дверью, лаборант смотрела ему вслед. Затем она снова пожала плечами, повернулась и положила упаковку с кровью на левую верхнюю полку холодильника.

Пакет необработанной крови, небольшая прозрачная упаковка может оказаться последним шансом для смертельно больного человека. Через несколько дней в ней начнется отмирание белых кровяных телец, ухудшится свертываемость. Благодаря охлаждению красные кровяные тельца, а точнее, некоторые из них, продержатся до трех недель. После этого кровь прогонят через сепаратор, чтобы получить плазму, если ранее из нее не выделяли эритроцитарную массу. Возможно, ее продадут частной компании для выделения из плазмы протеинов, которых в ней содержится свыше семидесяти. Например, сывороточный альбумин или гамма-глобулин...

Рыночная цена такого пакета 50 долларов. После проведения всех необходимых анализов ее поместят в правое отделение холодильника, на вторую полку сверху, с другими упаковками крови первой группы.

Но *эта кровь* явно выделялась из общей кучи. В ней было все то же, что и в обычной крови, однако кое-что делало ее уникальной. Никогда еще не существовало крови, подобной этой.

Пятьдесят долларов? А во сколько можно оценить жизнь?

Старик прожил уже восемьдесят лет. Его тело безвольно обмякло на жесткой больничной койке. Кондиционер работал так тихо, что тяжелое, неровное дыхание больного было слышно весьма отчетливо. Единственным движением в палате интенсивной терапии оставалось судорожное колыхание простыни, прикрывающей тело старика.

Жизнь еще теплилась в нем – но едва-едва. Помимо отпущенных среднестатистическому мужчине семидесяти, он умудрился протянуть еще десяток лет. И дело даже не в том, что его ждала смерть – кого она не ждет? Просто в его случае она уже стояла у изголовья.

Доктор Рассел Пирс задержал тонкое, иссохшее запястье больного в своей крепкой, полной сил ладони и посмотрел на мониторы, проверяя кровяное давление, работу сердца, пульс, уровень кислорода... Лицо Пирса, бледное, с четкими чертами, было сосредоточенно, а его темные глаза – спокойны.

Лицо старика, с желтоватой кожей и синюшно-серыми тенями на ней, казалось безжизненным. Морщинистая кожа обтягивала череп, как неудачно подобранная маска. Возможно, когда-то он был хорош собой; сейчас его глаза с темными, плотно закрытыми веками ввалились, губы вытянулись в узкую линию, а нос напоминал тонкий, изогнутый клюв.

Все старики похожи между собой так же, как похожи младенцы. Между младенчеством и старостью – двумя крайними точками – все люди разные, но в этих точках их как будто что-то роднит.

В процедурных кабинетах Пирс видел тысячи стариков, чаще всего неимущих, бездомных, грязных, подсевших на наркотики или алкоголь. Их подбирали на Норд-Сайд, когда они были настолько беспомощны, что не могли самостоятельно вылезти из своей коробки или мусорного бака. И вся разница между ними и его нынешним пациентом заключалась в том, что последний имел пару миллиардов долларов. Его снежно-белые волосы были тщательно

подстрижены, а их желтовато-серые космы спускались на морщинистые, тонкие шеи. Его кожа была безукоризненно чистой и ухоженной, а их – покрыта язвочками, ранками и грязью, забившейся в складки.

Пирс аккуратно положил руку пациента вдоль его тела и медленно приподнял простыню. Незначительные отличия. Приближающаяся смерть уравнивает всех. Когда-то этот старик был высок, силен и полон жизни. Теперь его чахлое тело бессильно раскинулось на кровати; подрагивала только грудная клетка, туго обтянутая кожей. На ногах, тонких как спички, выпирали искореженные варикозом, вздутые веревки вен.

– Пневмония? – спросил доктор Истер с профессиональным интересом. Он был старше, на висках уже засеребрилась седина, и весь его облик дышал спокойным достоинством.

– Пока нет. Истощение. Ему следовало бы лучше питаться и вообще тщательнее следить за своим здоровьем. По-моему, с такими деньгами позаботиться о себе легче легкого.

– Совсем не обязательно. Как его личный врач, я давно понял, что нельзя отдавать распоряжения тому, кто сам распоряжается миллиардами долларов.

– Анемия, – продолжил перечислять симптомы Пирс. – Предполагаю, что причина – язва двенадцатиперстной кишки с кровотечением. Мы могли бы его прооперировать, но я не уверен, что он выдержит операцию. Пульс слабый, частый. Давление низкое. Артериосклероз и все сопутствующие ему осложнения.

Медсестра, стоящая рядом, внесла отметки в карту больного. У нее было гладкое, молодое лицо, кожа просто сияла здоровьем.

– Делаем анализ крови, – отрывисто сказал ей Пирс. – И мочи. Найдите две упаковки крови его группы и проверьте их на совместимость. Если получится, возьмите эритроцитарную массу. Как только все доставят, подготовьте один пакет.

– Переливание? – спросил Истер.

– На какое-то время это может помочь. Если сработает, сделаем еще одно, и, возможно, он окрепнет в достаточной мере, чтобы начать операцию.

– Но он умирает.

Это прозвучало почти как вопрос.

– Ну да. Как и все мы, – мрачно ухмыльнулся Пирс. – Наша задача – оттягивать его смерть столько, сколько сможем.

Несколько минут спустя, когда Пирс открыл дверь и вышел из палаты, доктор Истер что-то убедительно втолковывал высокому, широкоплечему и светловолосому мужчине в деловом костюме, явно сшитом на заказ. Они с Истером были приблизительно одного возраста, от сорока пяти до пятидесяти лет. Его лицо странным образом не сочеталось с остальным телом. Возможно, из-за тяжелого, хищного взгляда его грязно-серых глаз.

Звали мужчину Карл Янсен. Он был личным секретарем умирающего в палате старика. Доктор Истер представил мужчин друг другу, и они обменялись рукопожатием. Пирс подумал, что должность «персонального секретаря» включает в себя множество разнообразных обязанностей.

– Доктор Пирс, я задам вам только один вопрос, – заявил Янсен голосом таким же неприятным, как и его пустой, холодный взгляд. – Мистер Уивер умрет?

– Безусловно, – ответил Пирс. – Никому этого не избежать. И если вас интересует, случится ли это в ближайшую пару дней, то при выборе между «да» и «нет» я бы ответил «да».

– Что с ним? – спросил Янсен. В этом вопросе явно слышалось подозрение, как, впрочем, и во всем, что он говорил до того.

– Его тело исчерпало свои ресурсы. Как любой механизм, оно изнашивается и теперь просто распадается на куски.

– Его отец дожил до девяноста одного года, а мать – до девяноста шести.

Пирс спокойно, не мигая, посмотрел на Янсена.

– Но они не нажили несколько миллиардов долларов. Мы живем в век, когда болезни практически побеждены, но скорость жизни с лихвой это компенсирует. Постоянные стрессы просто рвут нас на части. Каждый миллиард, который заработал Уивер, стоил ему пяти лет жизни.

– И что теперь – вы просто позволите ему умереть?

Взгляд Пирса заledenел так же, как у Янсена.

– Мы сделаем ему переливание, как только это станет возможным. У него есть родственники, близкие друзья?

– Никого ближе меня.

– Нам нужны две пинты крови взамен каждой пинты, что мы отдадим Уиверу. Организуйте это.

– Мистер Уивер оплатит все, что потребуется для его лечения.

– Если есть возможность, кровь необходимо возместить. Это правило больницы.

Янсен опустил глаза.

– В офисе найдется множество добровольцев.

Когда Пирс отошел достаточно далеко, чтобы не слышать низкий голос Янсена, он спросил:

– Его можно кем-нибудь заменить? Мне он не нравится.

– Это потому, что он жестче вас, – заметил Истер. – Из него вышел бы достойный противник старику, когда тот был в самом расцвете сил.

– Он слишком молод.

– Этим он и хорош. Лучший гериатр на Среднем Западе. Беспристрастный, объективный специалист. Все доктора должны быть немного безжалостными. А Пирс – тем более; он рано или поздно теряет каждого своего пациента. В нем это есть.

Истер глянул на Янсена и сочувственно улыбнулся.

– Достигая нашего возраста, люди неизбежно слабеют. В смерти для них теперь слишком много личного.

Запрос на одну упаковку крови прибыл в хранилище. И начался обычный для больницы процесс. Лаборант, в накрахмаленной до хруста белой униформе, пришла из хранилища, размещенного в цокольном этаже. Из узловатой вены старика она взяла пять кубиков крови, отличающей пурпуром за тонкой стенкой шприца.

Он не шелохнулся. Тишину комнаты нарушало лишь его хриплое дыхание.

Вернувшись на свое рабочее место, она мазнула три образца крови на две стеклянные пластинки, одна из которых была разделена на две части – А и В. Затем положила образцы на подсвеченную крышку светового короба; к одному из них добавила каплю прозрачного раствора из стоящей на стеллаже зеленой бутылки с ярлыком «Анти-А». «Анти-В» взяла из коричневой бутылки; «Анти-О» – из прозрачной.

Она слегка качнула короб из стороны в сторону. По истечении шестидесяти секунд в образцах, помеченных буквами А и В, красные кровяные тельца распределялись все так же равномерно. А вот в третьем образце они явно склеились друг с другом.

Она ввела результаты в компьютер: имя больного, дата, номер палаты, лечащий врач... Тип: О. Резус: отрицательный.

Она нажала следующую клавишу. На экране появился список имеющейся в наличии крови, сформированный по группам. Лаборант открыла правую дверцу холодильника и просмотрела все этикетки на пластиковых упаковках, лежащих на второй полке сверху. Затем выбрала упаковку и поместила образцы крови донора и пациента в две маленькие пробирки.

Смешение капли сыворотки из крови донора с кровью пациента показало их совместимость: красные кровяные тельца не слиплись, и даже под микроскопом, после помещения в центрифугу, клетки оставались идеально ровной, округлой формы. Пара капель сыворотки из

крови пациента в образец с кровью донора – и вспомогательный тест на совместимость пройден.

На этикетке она написала:

ДЛЯ
ЛЕРОЯ УИВЕРА 9–4
Отделение интенсивной терапии
Доктор ПИРС

Она позвонила дежурной сестре и сообщила, что готова предоставить кровь по первому требованию. Уже спустя пару минут сестра пришла за ней. Вместе с лаборантом она проверила имя получателя, группу крови и порядковый номер на упаковке, а затем расписалась на ярлыке, прикрепленном к пакету. Лаборант оторвала один экземпляр ярлыка для своих записей, и медсестра унесла упаковку. На сестринском посту она сняла второй экземпляр и внесла данные в картотеку. Затем вместе со второй медсестрой пошла в отделение интенсивной терапии и вклеила заполненную копию в карту пациента, еще раз просмотрев перед этим информацию из запроса доктора и данные пациента, а также сверив комбинацию цифр на опознавательном браслете пациента с цифрами на упаковке с кровью и на ярлыке.

Доктор Пирс изучал историю болезни с пометкой «Лерой Уивер». Он просмотрел результаты анализа крови из клинично-диагностической лаборатории. Количество эритроцитов: 2 360 000/мм³. Определенно анемия. Хуже, чем он мог предположить. Причиной такой кровопотери стала язва двенадцатиперстной кишки.

Переливание может помочь. Это временная мера, как, впрочем, и любая другая. В конечном итоге все это лишь вопрос времени. Может быть, благодаря переливанию состояние Уивера настолько улучшится, что получится дать ему хоть немного обычной пищи. Он еще может удивить их всех и уйти из госпиталя на своих ногах.

Доктор забрал историю болезни и результаты анализов и вышел в коридор – длинный, тихий, с прорезиненным напольным покрытием и неизменным запахом спирта и анестетика, вечных бойцов с бактериями и болью. Открыв дверь в отделение интенсивной терапии, он окунулся в прохладу.

Отстраненно кивнул дежурной сестре на посту. Она была не из персонала больницы. Ее, как и еще двух медсестер, Янсен нанял для круглосуточного дежурства у постели Уивера.

Пирс вытащил планшет, помещенный в специальное отделение в изножье кровати, и заглянул в него. Без изменений. Он тщательно изучил лицо старика, напоминавшее посмертную маску. Пациент дышал все так же тяжело, с хрипами; и бесцветные веки по-прежнему прикрывали запавшие глазные яблоки.

Чем он был? Назовем его мистер Пять миллиардов долларов. Он олицетворял собой Деньги. В данный момент его жизни он был совершенно бесполезен; он ничего не давал ни обществу, ни своему народу. Он был слишком занят, чтобы жениться, слишком поглощен делами, чтобы стать отцом. Основное занятие: накопительство. Он копил деньги и власть; ему всегда было мало.

Пирс вовсе не считал, что человек с деньгами непременно должен быть злодеем. Но любой, кто сделал состояние в один или несколько миллиардов долларов, точно был отчасти хищником, отчасти сорокой.

Пирс знал, почему волновался Янсен. Когда умрет Уивер, вместе с ним умрут Деньги и Власть. Деньги и Власть далеко не вечны, и когда им приходит конец, вместе с ними обычно рушатся империи.

Пирс изучающе рассматривал Уивера, и все эти мысли проносились в его голове. Но это ничего не меняло. Несмотря ни на что, он являлся личностью, человеком. И он все еще был

жив. А значит, его стоило попробовать спасти. Никакие другие соображения здесь роли не играли.

Три пластиковых пакета были закреплены на капельнице – один с пятипроцентным раствором глюкозы для внутривенного питания, другой с физраствором, а в третьем находилась та самая темная живительная влага. Тройники сводили множество трубок в одну, проходящую через инфузионную помпу, закрепленную на капельнице и подключенную к ближайшей розетке. Трубка, выходящая из помпы, соединялась с катетером, введенным в латеральную вену, выступающую на сгибе локтя пациента.

– В хранилище не оказалось готовой эритроцитарной массы первой отрицательной группы, – сказала сестра. – Пришлось брать цельную кровь.

Пирс кивнул, и медсестра перекрыла зажимом трубку с внутривенным питанием и ослабила зажим, закрывающий трубку с физраствором, прежде чем сделать то же самое на трубке с кровью. На короткое время жидкости смешались, а затем чистая кровь потекла, преодолевая длинный путь по прозрачной трубке со встроенным фильтром к вене пациента, даря новую жизнь старому, изношенному механизму на жесткой больничной койке.

Молодая кровь для старика, – подумал Пирс. – За деньги можно купить что угодно.

– Чуть побыстрее.

Медсестра настроила помпу. Время от времени помпа издавала предупреждающий сигнал, и медсестра вносила изменения в настройки. Уровень живительной влаги в пакете начал понижаться быстрее.

Жизнь. Капающая. Текущая. Обновляющая старое.

Старик глубоко вздохнул. Его грудная клетка, до сих пор едва шевелящаяся, стала опускаться и подниматься быстрее.

Пирс изучал лицо старика, его нос, похожий на клюв, тонкие, бескровные губы, даже сейчас придающие этому лицу выражение жестокости. Возможно, новая жизнь? Но ничто не обернет вспять разрушительное воздействие прожитых лет. Тела изнашиваются. И новым старое тело сделать невозможно.

Капля за каплей текла кровь из пакета по трубке в вену старика. Кто-то отдал или продал ее. Кто-то молодой и здоровый, чей организм может выработать сколько угодно красной жидкости, насыщенной эритроцитами, активными белыми чистильщиками, тромбоцитами, неисчислимыми протеинами; кто-то способный восстановить отданное меньше чем за девяносто дней.

Пирс вспомнил о жившем в XVII веке в Англии враче, Ричарде Лоуэре, который произвел первое в мире переливание крови, и об иммунологе из Вены, Карле Ландштейнере, который в начале XX века открыл группы крови и их совместимость, сделав переливание крови более безопасным.

И вот теперь совместными усилиями Лоуэра, Ландштейнера и неизвестного донора этот старик получал новую кровь. Кровь тем более необходимую ему, поскольку его организм был уже не в состоянии производить красные кровяные тельца так быстро, как он их терял.

По трубкам капельницы струилась сама жизнь, дар молодого старому, здорового больному.

Веки старика дрогнули.

* * *

Когда Пирс завершал свой утренний обход, старик уже смотрел на него своими выцветшими голубыми глазами. Пирс удивленно моргнул и привычным движением снова взял высохшее запястье пациента.

– Вам лучше?

Тут Пирс удивился еще больше. Старик кивнул.

– Отлично, мистер Уивер. Сейчас мы вас немного покормим, а там, глядишь, вы уже и к работе сможете вернуться.

Пирс внимательно посмотрел на показания мониторов, закрепленных на стене. С выражением удивления на лице, он аккуратно положил руку старика рядом с тощим телом, укрытым простыней.

Затем присел у кровати в глубокой задумчивости, не обращая внимания на хлопочущую медсестру. Учитывая ужасное состояние здоровья Уивера, нынешнее улучшение было весьма неожиданным. Пульс – сильный и ровный. Кровяное давление поднялось. Как будто переливание запустило некие скрытые механизмы сопротивления в его организме, высвободило спрятанную в нем энергию.

Уивер начал бороться.

Пирс ощутил странный и крайне непрофессиональный прилив восторга.

На следующий день Пирсу показалось, что глаза старика странным образом прояснились и не выглядят такими выцветшими, как раньше.

– Вам удобно? – спросил он.

Старик кивнул. Пульс был практически идеальным для человека его возраста; кровяное давление упало; уровень кислорода в крови повысился.

На третий день Уивер заговорил.

Слабым, еле слышным голосом старик озвучивал свои несвязные, порой бессмысленные воспоминания. Пирс кивнул ему, делая вид, что понимает. Затем кивнул сам себе, осмысливая процесс, который явно двигался к завершению. Артериосклероз оставил свои следы: хронический цирроз почек, повреждение левого желудочка сердца, нарушение работы мозга, вызванное одним или двумя кровоизлияниями в мозг.

На четвертый день Уивер уже сидел на кровати и разговаривал с сиделкой слегка надтреснутым, но бодрым голосом.

– Таа-ссс, – прошепелявил он. – В тот день я утер им нос. Показал им, это уж точно. Вдарил прямо между глаз. Всегда терпеть не мог этих сопляков. А вы, наверное, доктор, – внезапно повернулся он к Пирсу. – Вы мне нравитесь. Прослежу, чтобы вам как следует заплатили. Забочусь о тех, кто мне нравится. Да и о тех, кто не нравится, тоже.

И он хихикнул; это был злой смешок избалованного ребенка.

– Вам не стоит об этом беспокоиться, – мягко заметил Пирс, взяв Уивера за запястье. – Сосредоточьтесь на выздоровлении.

Старик кивнул с довольным видом и засунул палец в рот, чтобы почесать десны.

– Вам жаплатят, – пробормотал он. – Уж *вы* не бежпокойтесь.

Пирс взглянул на запястье, которое держал. Оно как будто налилось силой. Ничего подобного раньше видеть ему не доводилось.

– Что с вашими деснами?

– Чешутся. – Уивер вытащил палец изо рта. – Просто-таки огнем горят.

На пятый день Уивер самостоятельно дошел до туалета.

На шестой день принял душ. Когда Пирс вошел, Уивер сидел на кровати, свесив ноги. Он настороженно глянул на Пирса, и тот заметил, что глаза старика уже не выглядят запавшими. Его кожа будто светилась здоровьем изнутри. И так же как его запястье и рука, лицо тоже налилось и округлилось. Даже его ноги теперь выглядели более крепкими, почти мускулистыми.

Здоровое сбалансированное больничное питание помогло ему окрепнуть, нарастить жирок и увеличить мышечную массу.

Теперь со своими ухоженными белоснежными волосами он стал походить на идеального дедушку из рекламы.

На следующий день его волосы потемнели у корней.

– Сколько вам лет, мистер Уивер? – спросил Пирс.

– Восемьдесят, – гордо ответил Уивер. – Как раз исполнилось восемьдесят 5 июля. Родился в Вайоминге, парень, в горной хижине. В те года там еще медведи вокруг бродили. Не раз видел их – вот как тебя сейчас. И волков тоже. Хотя к нам они никогда не лезли.

– Какого цвета были ваши волосы?

– Цвета воронова крыла. Самые черные, самые блестящие волосы во всей стране. Помнится, девчонки в очередь выстраивались, чтобы их потрогать. – Он ностальгически усмехнулся. – А я был не против. Кучу черноголовых ребятишек оставил, прежде чем уехал из округа Уошеки.

Он сунул палец в рот и начал ожесточенно тереть десны.

– Все еще чешутся? – спросил Пирс.

– Будто вайомингский клещ цапнул. – Он снова хихикнул. – Ты знаешь, что со мной, парень? У меня второе детство. Вот так. Зубы режутся.

На вторую неделю Уивера перевели из интенсивной терапии в частную палату, и он снова вспомнил о бизнесе, оставив воспоминания о прошлом позади. Рядом с его кроватью установили телефон, и, пока он бодрствовал, добрую половину его времени занимали короткие, резкие разговоры о непонятных сделках и сложных махинациях. Другую половину он посвящал Янсену, который всегда столь уместно оказывался у босса под рукой, будто поселился прямо в больнице. По крайней мере, Пирсу казалось, что он точно прикупил здесь комнату.

Уивер выбирал наследника своей империи.

И пока его мозг был занят вопросами сохранения и приумножения его владений, тело восстанавливалось, как хорошо отлаженная самодостаточная машина. Вылез его первый зуб – это был клык. За ним довольно быстро прорезались остальные. Его волосы ощутимо потемнели; когда парикмахер пришел подравнять их, Уивер велел ему срезать всю седину и остался с ежиком таких черных волос, какими они, по его словам, были раньше. Его лицо округлилось, морщины разгладились, как воды озера в безветренный день. Тело стало мускулистым и полным энергии; вены больше не выделялись, просвечивая сквозь кожу тонкими нитями. Даже в его глаза будто синьки плеснули.

Лабораторные анализы только подтвердили то, что начал подозревать Пирс. Артериосклероз никогда не поражал эти вены; или, точнее, каким-то невероятным образом, все скопления бляшек рассосались сами собой. Почки работали превосходно. Сердце, словно помпа, работало, как никогда, мощно и бесперебойно. Не осталось и следа от кровоизлияния в мозг.

К концу недели Уивер выглядел на тридцать с небольшим, и его тело было телом зрелого, полного сил и энергии мужчины.

– Карл, – говорил Уивер, когда Пирс вошел в комнату. – Мне нужна женщина.

– Какая-то конкретная женщина? – кивнув, спросил Янсен.

– Ты не понимаешь, – заявил Уивер тоном, полным нетерпения, который он использовал в разговоре с теми, кто напрямую зависел от его прихоти. – Я хочу жениться. Я уже допустил ошибку однажды и не собираюсь ее повторять. Человеку с моим положением необходим наследник. И он у меня будет. Да, Карл, – и свой скептицизм, будь добр, прячь тщательнее – «в моем возрасте»! – Он резко повернулся к Пирсу: – Не так ли, доктор?

Пирс пожал плечами:

– Нет ни одной физической причины, препятствующей вам стать отцом.

– Вот так, Карл. Я умен и силен, как прежде, а может быть, даже больше. И некоторые скоро почувствуют это на своей шкуре. Мне дан второй шанс, правда, доктор?

– Можно и так сказать. И как вы собираетесь его использовать?

– Я все сделаю наилучшим образом. Не так, как раньше. На этот раз я не допущу ни одной ошибки. А вы, доктор, знаете, чем займетесь?

– Тем же, чем занимался до сих пор: буду делать свою работу настолько хорошо, насколько это возможно.

Уивер впился взглядом в лицо Пирса.

– Думаете, я тут просто болтаю? Ошибаетесь. Вы должны выяснить причину.

– Причину чего?

– Причину моего выздоровления. Не пытайтесь меня надуть. Вы с таким никогда прежде не сталкивались. Мне больше не восемьдесят лет. Моему телу тоже. И мозгу. Почему?

– У вас есть какие-либо догадки?

– Мне не нужно гадать. Мне нужно знать. Я получаю факты от тех, у кого они есть, а потом решаю, как с ними поступить. И вот что мне от вас нужно – факты. Я омолодился.

– Вы разговаривали с доктором Истером?

– Конечно. Он мой личный врач. С него-то я и начал.

– Но вы говорите не его словами. Он бы никогда не стал использовать слова вроде «омоложение».

Уивер исподлобья глянул на Пирса.

– Что со мной делали?

– Какое это имеет значение? Если вы «омолодились», этого должно быть достаточно для любого человека.

– Когда мистер Уивер задает вопросы, – холодно вставил Янсен, – мистер Уивер привык получать ответы.

Уивер отмахнулся от него.

– Доктор Пирс не из пугливых. Но он разумный человек. Он верит фактам. Основа его жизни – логика, так же как и у меня. Поймите меня, доктор! Сейчас-то мне, может быть, и тридцать, но мне же снова будет восемьдесят. И к этому времени я хочу знать, как снова стать тридцатилетним.

– А, – вздохнул Пирс. – Вы сейчас говорите не об омоложении. Вы говорите о бессмертии.

– А почему нет?

– Оно не для людей. Тело изнашивается. Семьдесят лет. Примерно столько всем нам отпущено. После этого мы начинаем разваливаться на части.

– Я прожил свои семьдесят и даже немного больше. А теперь начну заново, с тридцати. У меня впереди еще сорок, может, пятьдесят лет. А что потом? Еще сорок-пятьдесят?

– Мы все умрем, – заметил Пирс. – Этого ничто не сможет изменить. Ни один рожденный человеком не минует могилы в итоге. Эту болезнь мы подхватываем при рождении, и ни одному из нас ее не победить; она неизлечима. Это смертность.

Похоже, кто-то все-таки смог с ней справиться?

– Не нужно понимать мои слова слишком буквально. Я не имел в виду, что смертность – это какая-то определенная болезнь, – пояснил Пирс. – Мы можем умереть по многим причинам: несчастный случай, инфекция.

И старение, – подумал Пирс. – Насколько нам известно, это болезнь. Точнее, могла бы быть болезнь. Этиология: Вирус, открытый, латентный, попадает в организм при рождении или вскоре после него – может передаваться при зачатии.

Процент заболеваемости: 100 %.

Симптомы: медленный распад физической сущности, проявляющийся вскоре после вступления в зрелость, растущая слабость, нарушения в работе кровеносной системы, вызванные атеросклерозом и болезнями сердца, отказ иммунной системы, нарушение работоспособности органов, в том числе и органов чувств, потеря способности клеток к восстановлению, восприимчивость к внешним вторжениям ...

Прогноз: 100 %-ная вероятность летального исхода.

– Все умирает, – продолжил Пирс без паузы. – Деревья, планеты, звезды... Это естественно, неизбежно...

Хотя нет. Естественная смерть – это сравнительно новое понятие. Оно появилось только тогда, когда жизнь стала многоклеточной и сложной. Может быть, такова цена за сложность, за способность мыслить.

Простейшие не умирают. Многоклеточные – губки, плоские черви, кишечнорастворимые организмы – не умирают. Некоторые виды рыб не умирают, не считая несчастных случаев. Полёвки никогда не перестают расти и не стареют. Где же я это читал? И даже ткани высших позвоночных бессмертны при определенных условиях.

Каррел и Эбелинг это доказали. Обеспечить клетке бесперебойное правильное питание, и она никогда не умрет. Клетки каждой части тела сохранялись живыми в пробирке неопределенно долгое время.

Дифференциация и специализация – вот причина того, что отдельно взятая клетка никогда не развивалась в идеальных условиях. Помимо сохранения жизнеспособности, у клетки, как у части целого, было множество других функций. Правдоподобное объяснение, но соответствовало ли оно истине? Оно так же правдиво, как и утверждение, что клетка умирает потому, что нарушается работа кровеносной системы?

Если кровеносная система будет здоровой, действующей, регенерирующей, то все тело может стать бессмертным.

– Когда мы называем что-то естественным, это значит, что мы отчаялись понять, что это такое, – сказал Уивер. – Вы сделали мне переливание. Истер сказал мне, что иммунитет может передаваться с кровью. Кто был донором этой крови?

Пирс вздохнул:

– Данные доноров конфиденциальны.

Уивер насмешливо фыркнул.

* * *

Хранилище располагалось в подвале. Пирс прокладывал путь по людным, шумным коридорам, заполненным пациентами на колясках, которые ждали своей очереди на рентген или другие исследования. Некоторых пациентов в лаборатории и назад в комнаты доставляли на каталках.

– Если вы достаточно умны, – сказал ему Янсен, спускаясь по ступеням, – то вы поймете необходимость сотрудничества с мистером Уивером. Сделайте то, о чем он просит. Скажите ему то, что он хочет знать. И вы не останетесь внакладе. А если нет... – Лицо Янсена искривила неприятная ухмылка.

Пирс рассмеялся:

– И что же Уивер может мне сделать?

– Лучше бы вам этого никогда не узнать, – посоветовал Янсен.

Хранилище отличалось от других кабинетов чистотой, высокой функциональностью и в данный момент было пустым, не считая лаборанта. Когда Янсен попросил предоставить информацию о переливании крови Уиверу, лаборант ввела его имя в компьютер.

– Уивер? – уточнила она. – Вот здесь. На четвертой.

Ее палец скользил по экрану.

– Первая отрицательная.

– Были ли поступления крови из офиса мистера Уивера? – спросил Пирс лаборанта.

– Ни одного, кто назвал бы себя.

– Вы все усложняете, – сказал Янсен. – И, хотя правила о возмещении крови не существует, не волнуйтесь: будет вам кровь прямо завтра. Кто был донором?

– Такую информацию мы не предоставляем, – сказала лаборант.

– Мы можем в течение двух часов предоставить вам распоряжение суда, – ответил Янсен.

– Ответьте ему, – сказал Пирс. – Под мою ответственность.

Лаборант нажала еще одну кнопку, и на экране компьютера замелькали данные.

– Маршалл Картрайт, – сказала она. – Первая отрицательная. ЭДС в норме. Теперь припоминаю. Он пришел на следующий день после выхода на экраны нашего объявления. Нам не хватало первой отрицательной, и из списка постоянных доноров уже не к кому было обратиться... Реакция на объявление была довольно слабая.

– Помните его? – спросил Янсен.

Она наморщила лоб и отвернулась к окну.

– Он приходил третьего числа. К нам приходит более двадцати доноров в день. А с тех пор прошла неделя.

– Вспоминайте! – потребовал Янсен.

– Я *пытаюсь*, – бросила она. – Что вы хотите узнать?

– Как он выглядел. Что говорил. Его адрес.

– Какие-то проблемы с кровью?

Пирс внезапно усмехнулся:

– «Задом наперед, совсем наоборот», – сказал Траляля».

Быстрая улыбка скользнула по лицу лаборанта:

– Нечасто к нам поступают подобные жалобы. Я легко найду вам его адрес. – Она нажала несколько клавиш на компьютере.

– Забавно. Он продал свою кровь однажды, но больше решил этого не делать.

– Картрайт. Маршалл Картрайт. «Эббот-отель». Телефон не указан.

– «Эббот», – задумчиво повторил Янсен. – Похоже на какую-то ночлежку. Что-нибудь еще вспомнили? – настойчиво спросил он лаборанта. – Он не захотел, чтобы его имя вносили в список доноров?

Она медленно, с явным сожалением покачала головой.

– К чему все это? Уивер? Это не тот ли богатый старичок из триста пятой, который чудесным образом поправился?

– Верно, – угрюмо буркнул Янсен, отмечая дальнейшие расспросы. – Мы бы хотели получить копии компьютерных данных.

– Вы получите эти данные, как только лаборант подготовит их к передаче.

– Не позднее чем через час, – заявил Янсен.

– Не позднее чем через час. – Пирс не стал спорить.

– Тогда на этом все, – сказал Янсен. – Если что-нибудь вспомните, свяжитесь с мистером Уивером или со мной. Меня зовут Карл Янсен. Вам это может быть полезно.

Полезно, полезно, – подумал Пирс. – *Жизненное кредо людей подобного типа.*

– Полезно ли это человеческой расе? Не важно. Главное, чтобы вы получили то, что нужно вам.

– Как всегда, – жестко ответил Янсен. – И мистер Уивер, и я – мы оба получаем то, что нам нужно. Запомните это!

Пирс помнил об этом, пока помолодевший старик по имени Лерой Уивер отрачивал новые зубы, ослепительно белые по контрасту с его черной шевелюрой, пока он управлял своей империей из больничной палаты. Не забывал, и когда Уивер начинал нервничать из-за того, что Пирс все еще не дал ему ответа, из-за постоянных анализов и вынужденного безделья, и когда тот приставал к медсестрам, дежурившим днем. Пирс не пытался выяснять, что тут происходило ночью.

Еще до конца недели Уивер решил покинуть больницу, а Пирс нашел частного детектива. Черные буквы на матовом стекле двери складывались в надпись:

ДЖЕЙСОН ЛОКК
ЧАСТНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Однако сам Локк нисколько не соответствовал представлениям Пирса о сыщике. Он не выглядел крутым парнем, по крайней мере снаружи, тем не менее явно был покрепче многих других, но никак не выказывал своих скрытых достоинств.

Локк был крупным человеком средних лет, с проглядывающей в волосах сединой и строгим, загорелым лицом, одетым в хорошо сидящий летний костюм цвета какао с молоком; он выглядел как руководитель процветающего предприятия. Но предприятие, похоже, не слишком-то процветало: обшарпанный офис, мебель среднего качества и ни секретаря, ни приемной.

Именно такой человек и был нужен Пирсу.

Он выслушал Пирса, не сводя с него взгляда своих темных, спокойных глаз.

– Мне нужно, чтобы вы нашли человека, – начал Пирс. – Маршалл Картрайт. Последний адрес: «Эббот-отель».

– Зачем?

– Это имеет значение?

– Я хотел бы сохранить лицензию – как, впрочем, и свою свободу.

– Никакого криминала, – сказал Пирс, – но это может быть опасно. Я не обманываю вас, речь идет о медицинской проблеме, суть которой я не могу объяснить. Для меня очень важно, чтобы вы нашли Картрайта. И для него тоже – от этого может зависеть его жизнь. Более того, это может быть важно для всего человечества. Опасность состоит в том, что его ищут и другие люди; и если они вас засекут, то могут применить силу. Я хочу, чтобы вы нашли Картрайта раньше их.

– А кто это «они»?

Пирс пожал плечами:

– Пинкертон, Бернс, Международное детективное агентство – я точно не знаю. Одна из крупных фирм, скорее всего. Может быть, частная группа.

– По этой причине вы к ним и не обращаетесь?

– Это одна из причин. Хотя я не стану ничего скрывать от вас. Их наниматель – Лерой Уивер.

В глазах Локка зажегся огонек интереса.

– Я слышал, старикашка снова в деле. У вас есть фото, описание или еще что-нибудь, что может помочь мне в поисках этого Картрайта?

Пирс уставился на свои руки.

– Ничего, кроме имени. Он молод. Он продал пинту своей крови третьего числа. Он отказался от внесения его имени в список постоянных доноров. Тогда он указал отель «Эббот» в качестве места проживания.

– Я знаю это место, – сказал Локк. – Клоповник на Девятой улице. Я бы сказал, что он уже уехал из города.

– Почему вы так считаете?

– Для того он и сдавал кровь. Чтобы выбраться из города. Он отказался сдавать кровь повторно, потому что не собирался здесь задерживаться. А те, кто обычно останавливается в местах вроде «Эббота», никогда не упустят шанс время от времени урвать денег без особого напряжения.

– Я так и подумал, – согласился Пирс. – Так вы возьметесь за это дело?

Локк крутанулся в кресле и уставился в окно, на фонарные столбы, трансформаторные будки и линии электропередач Двенадцатой улицы. Смотреть там было не на что, но ему этот вид, казалось, помог принять решение.

– Двести пятьдесят долларов в день плюс расходы, – заявил он, повернувшись к Пирсу. – И пятьдесят сверху, если придется выехать из города.

Во второй половине дня Пирс обнаружил, что за ним следят.

Было тепло, он не спеша шел по осенней улице – мимо безразличных ко всему толп неизвестных, спешащих куда-то покупателей, которые расступались в стороны и смыкались за его спиной, – и с каждым шагом его уверенность крепла. Он проходил через кондиционированные помещения магазинов, иногда быстро, иногда задерживаясь, чтобы рассмотреть выставленные на стойке дезодоранты, невзначай оглядываясь в попытке скрыть свое беспокойство, ничего не замечая, но все больше убеждаясь в том, что он под наблюдением.

Симптомы были ему знакомы. Они характерны для паранойи, для того мучительно-тревожного периода в жизни, когда человек, достигая средних лет, понимает, что нереализованные планы оборачиваются сожалениями, и ищет, кого бы в этом обвинить, кроме себя. Пирс не ожидал, что ему придется столкнуться с подобным: неприятное покалывание в районе затылка и лопаток, вызывающее желание передернуть плечами, сковывающее шаг желание поторопиться, пуститься бегом, нырнуть в дверной проем, в лифт...

Пирс кивнул своим мыслям и замедлил шаг. К своей машине он шел медленно, перед отъездом остановился на минуту поболтать с охранником на парковке и направился напрямик домой.

Он так никогда и не узнал, что за человек или, может быть, несколько незнакомцев следили за ним тогда. Это чувство не отпускало его пару недель, и после того, как оно в итоге пропало, Пирс ощутил непривычную пустоту и одиночество.

Когда он вошел в квартиру, телефон звонил. Это было неудивительно. Телефон у врача звонит намного чаще, чем у обычных людей.

Это был доктор Истер. Смысл всей беседы сводился к тому, что Пирс не должен делать глупости; ему следует сотрудничать с мистером Уивером.

– Конечно же, я сотрудничаю, – согласился Пирс. – Я сотрудничаю со всеми своими пациентами.

– Я совсем не то имел в виду, – сказал Истер. – Работайте *с ним*, а не против него. И вы поймете, оно того стоит.

– Мне стоит заниматься медицинской практикой в меру моих скромных сил, – спокойно ответил Пирс. – Помимо этого ни у кого нет и не будет права ничего от меня требовать.

– Весьма достойные убеждения, – согласился Истер добродушно. – Вопрос в том, посчитает ли мистер Уивер, что вы занимаетесь вашей медицинской практикой *правильно*? Подумайте об этом.

Пирс аккуратно положил телефонную трубку на рычаг, размышляя о своей практике и профессии врача в целом – он знал, что не сможет быть счастливым, занимаясь чем-то другим. Он обдумал завуалированную угрозу, прозвучавшую в словах Истера; вполне осуществимая угроза. Призрак врачебной ошибки всегда витал где-то рядом, а деньги в сочетании с респектабельностью – могущественная сила, с помощью которой легко можно лишить врача лицензии или, допустим, сделать так, чтобы его услуги сильно подорожали. Цены на страхование профессиональной ответственности и так были чрезмерно высоки – некоторым его коллегам, особенно в акушерстве, пришлось в результате сменить профессию или стать перестраховщиками, в результате чего стоимость госпитализации и амбулаторного лечения взлетала до небес – а судебный иск, выигранный или проигранный, мог привести к тому, что расходы на страховку превышали бы его доходы.

Он обдумал слова Истера и понял, что лучше рискнет должностью, чем прогнется под такую реальность.

Всю следующую неделю он ждал, волновался и пытался чем-нибудь занять себя – а с такой проблемой докторам приходится сталкиваться крайне редко. За это время ни одно событие не нарушило больничную рутину.

А затем на него обрушилось все и сразу.

Когда он шел от машины к парадному своего дома, из вечнозеленого декоративного кустарника высунулась рука и утащила его в темноту.

Прежде чем он успел хоть слово сказать, не говоря уже о сопротивлении, рука запечатала его рот, и рядом с ухом раздался шепот:

– Тихо! Это Локк. Частный сыщик, помните?

Пирс постарался кивнуть. Рука медленно разжалась. Когда глаза Пирса привыкли к темноте, он смог разглядеть Локка. Тот зарос густой темной щетиной, и что-то было явно не так с его носом. Было похоже, что Локк с кем-то подрался; нос был сломан, а лицо всё в ссадинах и синяках.

– Не беспокойтесь обо мне, – прохрипел Локк. – Посмотрели бы вы на тех, кто это сделал.

Отодвинувшись немного, Пирс увидел, что Локк одет в какое-то тряпье, похожее на обноски из запасов Армии спасения.

– Простите, что втянул вас в это, – сказал он.

– Это часть моей работы. Послушайте. У меня не так много времени, а я хотел бы предоставить вам полный отчет.

– Это может подождать. Давайте поднимемся ко мне. Позвольте мне взглянуть на ваши ушибы. Можете потом отправить мне письменный...

– Не выйдет, – мрачно заявил Локк. – Я не стану ни под чем подписываться. Слишком уж опасно. С этого момента я умываю руки. Пару дней все было довольно легко. Потом они меня поймали. Ну, об этом они тоже сожалеют. Нужны подробности?

Пирс кивнул.

Сначала Локк думал, что напал на след. Он вселился в «Эббот», завязал знакомство с портье и как-то между делом спросил о своем дружке, Картрайте, который зависал тут пару недель назад. Портье был не прочь поболтать. Проблема была в том, что знал он немного, но и этого не стал бы рассказывать незнакомцу. Постояльцы «Эббота» чаще всего скрывались от полиции и коллекторов, поэтому портье подозревал, что все любопытствующие – из соответствующих органов.

Картрайт оплатил счет и съехал внезапно, не оставив обратного адреса. Они ничего о нем с тех пор не слышали, однако этим человеком уже интересовались.

– Вляпался в неприятности, да? – прозорливо спросил портье.

Локк кивнул с серьезным видом.

Портье доверительно придвинулся к нему и прошептал:

– Есть у меня подозрение, что он отправился в Де-Мойн. Вроде бы он что-то такое говорил – сейчас точно не вспомню.

Локк направился в Де-Мойн с образцом почерка Картрайта, взятым из журнала регистрации «Эббота». Он прошерстил все отели, мотели и ночлежки Де-Мойна. Наконец он увидел запись «Маршалл Картер» в одном из высококлассных отелей.

Картрайт выехал из «Эббота» девятого числа. Картер вселился в отель Де-Мойна десятого. Почерк казался похожим.

Локк нашел Картера в Сент-Луисе. Он оказался торговым агентом средних лет, продающим фотооборудование, и вот уже год как не бывал даже рядом с Канзас-Сити.

След прервался.

– Кто-нибудь другой может его найти? – спросил Пирс.

– Нет, если он сам того не захочет, – ответил Локк. – Общенациональный розыск – большая рекламная кампания – мог бы помочь делу. Но если он сменит имя и не станет светить его там, где это могут увидеть сыскные агенты, никто его не найдет. Вы же этого хотели, не так ли?

Пирс спокойно смотрел на него, не говоря ни слова.

– У него нет приводов, – продолжил Локк. – Это его спасает. Я пробивал по базе полиции и ФБР. Совпадений нет. Ни приводов, ни отпечатков пальцев. Не под этим именем.

– Как вы получили ваши травмы? – спустя секунду спросил Пирс.

– Они ждали меня у моего офиса, когда я вернулся. Двое. Хороши, конечно. Но недостаточно. «Не лезь!» – сказали они. Ладно. Я же не тупица. Я и не лезу, просто хотел довести дело до конца.

Пирс медленно кивнул.

– Меня все устраивает. Пришлите мне счет.

– Как же, счет! – проворчал Локк. – Пять тысяч. Кладете наличку в конверт, понемногу, чтобы не было заметно, и отправляете в мой офис – никаких чеков. Следовало бы взять с вас больше за то, что использовали меня для слежки, но у вас, наверное, были свои причины. Будьте осторожны, док!

Затем он исчез, растворился в тенях так быстро и тихо, что Пирс, начав ему что-то говорить, не сразу заметил его отсутствие. Пирс задумчиво смотрел ему вслед несколько долгих секунд, а затем открыл дверь парадного.

Поднимаясь на лифте, он был задумчив. Перед дверью в квартиру рассеянно достал ключи и вставил их в замочную скважину. Когда ключ не повернулся, Пирс вытащил его, чтобы посмотреть, в чем дело. Секунду спустя до него дошло, что дверь просто была не заперта.

Пирс повернул ручку и легонько толкнул дверь. Она тихо качнулась внутрь квартиры. Свет из холла попадал в квартиру, но освещал только небольшую часть погруженной во тьму комнаты. Пару мгновений он вглядывался в эту тьму, напрягая плечи, как будто это могло как-то помочь.

– Входите, доктор Пирс, – мягко произнес чей-то голос.

Вспыхнул свет.

Пирс моргнул.

– Добрый вечер, мистер Уивер. И вам, Янсен. Как поживаете?

– Замечательно, доктор, – сказал Уивер. – Просто замечательно.

Замечательно он не выглядел, подумал Пирс. Он выглядел постаревшим, истощенным, уставшим. Он был обеспокоен? Уивер сидел в любимом кресле Пирса, зеленом, кожаном, стоящем около камина. Янсен стоял рядом с выключателем.

– Я вижу, вы неплохо тут устроились.

Уивер хихикнул.

– Мы сказали управляющему, что мы ваши друзья, и, конечно, у него не было повода сомневаться в наших словах. Такие солидные граждане обычно не лгут. Но мы ведь и правда друзья, не так ли?

Пирс посмотрел на Уивера, а затем на Янсена.

– Сомневаюсь. Есть ли у вас вообще друзья – или только наемники? – Он снова повернулся к Уиверу: – Вы плохо выглядите. Я бы рекомендовал вам прийти ко мне на осмотр...

– Я же сказал, у меня все замечательно. – Уивер слегка повысил голос, прежде чем вернуться к прежнему ровному тону. – Мы бы хотели немного побеседовать – о сотрудничестве.

Пирс взглянул на Янсена.

– Забавно – я совсем не настроен на беседы. У меня был тяжелый день.

Уивер уставился в лицо Пирсу.

– Выйди, Карл, – сказал он спокойно.

– Но, мистер Уивер... – начал Янсен, сузив свои серые глаза.

– Выйди, Карл, – повторил Уивер. – Подожди меня в машине.

После того как Янсен ушел, Пирс устроился в соседнем кресле лицом к Уиверу. Его взгляд скользил по комнате, задержавшись на темном, отполированном пластике музыкального центра и чуть более светлой древесине стола в углу.

– Что-нибудь нашли? – поинтересовался он.

– Не то, что искали, – ответил Уивер.

– А что искали?

– Разумеется, Картрайта.

– Почему вы думаете, что я что-то об этом знаю?

Уивер легко хлопнул ладонью по колену.

– Может, будем работать вместе?

– Конечно. Что бы вы хотели узнать – что-то касательно вашего здоровья?

– Что вы сделали с образцами крови, взятыми у меня? Вы, наверное, выщедили всю ту пинту, что мне перелили.

– Почти. Часть ее мы обработали. Получили плазму. Из плазмы при помощи цинка выделили гамма-глобулин. Тестировали его на разных животных.

– И что выяснили?

– Иммунитет – в гамма-глобулине. Так и должно быть. Это один из иммунных факторов. Вы бы видели мою старую крысу. Игривая, как самый юный крысеныш в лаборатории.

– Так во мне это тоже есть? – спросил Уивер.

Пирс отрицательно покачал головой.

– Ваш глобулин растворил все постороннее в вашей крови.

– Тогда, чтобы жить вечно, мне периодически нужно делать переливание?

– Если вообще возможно жить вечно, – заметил Пирс, пожав плечами.

– Возможно. И вы это знаете. По крайней мере один человек точно будет жить вечно – это Картрайт. Если с ним ничего не случится. Это стало бы настоящей трагедией, правда? Несмотря на все предосторожности, несчастные случаи время от времени происходят. Людей убивают. Только представьте, что какой-нибудь неосторожный парень может пролить эту золотую кровь в сточную канаву. Какая-нибудь ревнивая женщина воткнет нож в это бесценное тело.

– Чего вы хотите, Уивер? – спокойно спросил Пирс. – Вы получили отсрочку смерти. Чего же больше?

– Еще одну. И еще. Без конца. Почему какому-то ничтожеству по воле случая достался такой дар? Что хорошего он ему принесет? Или миру? Этому парня нужно защищать – и использовать. Если с ним правильно обращаться, он будет стоять – да, столько, сколько человек готов заплатить за жизнь. Я бы платил по миллиону в год – и больше, если нужно. И другие тоже бы платили. Мы бы сохранили жизни лучшим людям планеты, тем, кто доказал свою способность быть успешным. Ах да. Ученым тоже – мы бы выбрали кого-то из этой братии. Людям, не занимающимся бизнесом, – главам государств, политическим деятелям...

– А как же сам Картрайт?

– А что с ним? – Уивер моргнул, будто бы возвращаясь в реальность из прекрасного сна. – Вы думаете, у кого-либо из живущих была бы лучшая жизнь, защита, уход? Да ему даже просить ни о чем не пришлось бы! Ему бы никто не посмел ни в чем отказать из опасения, что он убьет себя. Он был бы курицей, несущей золотые яйца.

– У него было бы все, кроме свободы.

– По-моему, ее значение слишком преувеличено.

– Единственный бессмертный на весь божий мир.

– В этом вся суть, – наклонившись вперед, сказал Уивер. – Но вместо *одного* было бы *много*.

Пирс покачал головой, словно не слыша последних слов.

– Случайное сочетание генов – небольшое воздействие космических лучей или чего-то еще более неуловимого и непредсказуемого – и появилось бессмертие. Иммуитет к смерти – способ поддерживать молодость, способность к восстановлению, к обновлению у кровеносной системы. «Человек стар настолько, насколько стары его сосуды», – сказал Касали. Позаботьтесь о ваших артериях, и клетки вашего организма будут бессмертны.

– Скажи мне, парень! Скажи мне, где Картрайт, пока не стало слишком поздно. – Уивер наклонился вперед, будто бы пытаясь таким образом передать свою жажду.

– Человек, знающий, что способен прожить тысячу лет, будет чертовски осторожен, – заметил Пирс.

– В том-то вся и загвоздка, – сказал Уивер, сузив глаза. – Он не знает. А если бы знал, ни за что не пошел бы сдавать кровь.

Его лицо неуловимо изменилось.

– Или он знает – теперь?

– О чем вы?

– Ты ему все рассказал?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Не понимаешь? И не помнишь, как ходил в «Эббот-отель» вечером девятого числа, спрашивал Картрайта, разговаривал с ним? А должен бы помнить. Портье узнал тебя по фотографии. В ту же ночь Картрайт съехал.

* * *

Пирс прекрасно помнил «Эббот-отель», узкий, темный холл, кишачий мухами и тараканами. Когда он проходил через него, то думал о холере и бубонной чуме. Он помнил и Картрайта – это мифическое создание, на деле выглядевшее довольно обычно, даже несколько потрепанно. Однако Картрайт его выслушал, поверил, взял деньги и уехал...

– Я этому не верю, – сказал Пирс.

– Я должен был сразу догадаться, – вкрадчиво сказал Уивер, будто бы разговаривая сам с собой. – Ты умен. Ты, наверное, что-то заподозрил сразу, как только я проснулся, а затем понял, что это могло бы значить.

– Допустим, так и было. Если я и проделал всё, что вы сейчас перечислили, думаете, мне это легко далось? Для вас он – разменная монета. Как вы думаете, кем он стал бы для меня? Этакой невероятной ходячей лабораторией! Чего бы я только не отдал за возможность изучать его! Выяснить, как работает его организм, попытаться синтезировать вещество, подобное его крови. У вас свои мотивы, Уивер, но и у меня есть свои.

– Так почему бы нам не объединить усилия?

– Наши мотивы слишком разные.

– Не строй из себя праведника, Пирс. Жизнь – не райские кущи.

– Жизнь такова, какой ее делаем мы, – мягко заметил Пирс. – Я не хочу участвовать в том, что вы задумали.

Уивер резко поднялся из своего кресла и шагнул к Пирсу.

– Некоторые из вас, профессионалов, верят в эти бредни об этике, – приглушенно прорычал он. – Их не так много. Скорее наоборот. В вашей работе нет ничего от священного таинства. Вы просто ремесленники, механики – выполняете ту работу, за которую вам платят. Не нужно делать из этого религию.

– Не городите чушь, Уивер. Если ваша профессия так и не стала вашей религией, нужно было сменить профессию. Ваша религия – деньги. Они для вас священны. Ну а для меня священна жизнь. Вот с чем я имею дело дни напролет, без перерыва. Смерть – мой старый враг. И с ним я буду бороться до конца.

Пирс вытолкнул себя из кресла, встал лицом к лицу с Уивером, пронзая его свирепым взглядом.

– Попробуйте понять, Уивер. То, что вы задумали, просто невозможно. А что, если бы каждый смог вернуть себе молодость? Вы имеете хоть малейшее представление, что бы тогда произошло? Задумывались ли вы, чем бы это обернулось для всей нашей цивилизации?

Нет, вижу, не задумывались. Начнем с того, что все общество стало бы плясать вокруг золотого тельца. Цивилизация уничтожила бы себя, как разлетается на куски разбалансированный маховик. Вся наша культура основана на предположении, что два десятилетия мы растем и учимся, следующие несколько десятилетий обзаводимся потомством и увеличиваем свое благосостояние, а последнее десятилетие или два медленно угасаем, прежде чем умереть.

Оглянитесь! Посмотрите, что наука и медицина сотворили за столетие. К средней продолжительности жизни добавилась пара – и всего-то! – лет, а наше общество вынуждено мучительно перестраиваться. Только подумайте, что принесут дополнительные сорок лет! Представьте, что случится, если люди перестанут умирать!

Такие изменения человечество может принять только постепенно, чтобы общество смогло адаптироваться, не подозревая о процессах, бурлящих в его недрах. Все дети Картрайта унаследуют эту мутацию. Непременно. Она должна быть доминантной. И они выживут, потому что в мире никогда еще и никто не был так приспособлен к выживанию.

– Где он? – спросил Уивер.

– У вас ничего бы не вышло, Уивер, – повысил голос Пирс. – И я могу объяснить почему. Потому, что вы просто убили бы его. Вы думаете, я не прав, но вы бы убили его. Это так же точно, как то, что вы – человек. Вы бы выцедили всю его кровь или прикончили его потому, что вам стала бы невыносима мысль о бессмертном рядом с вами. Вы или другие ущербные особи человеческого рода. Вы бы убили его сами, или он погиб бы во время восстаний тех, кому отказано в бессмертии. Рано или поздно его бы просто разодрали на куски. Люди уничтожают то, чем не могут обладать.

– Где он? – повторил Уивер.

– Это не тянет на решающий аргумент. – В дрогнувшем голосе Пирса теперь слышались нотки жалости. – Но я вам этого не скажу. Я позволю вам догадаться самому.

– Где он? – с мягкой настойчивостью спросил Уивер.

– Я не знаю. Вы мне не поверите. Но я действительно не знаю. Я и не хотел этого знать. Признаю: я рассказал ему правду, дал немного денег и велел покинуть город, сменить имя, спрятаться – сделать всё, чтоб его не нашли; плодиться и размножаться, заселяя планету...

– Я тебе не верю. Ты спрятал его для себя. Ты бы не дал ему тысячу долларов просто так.

– Вам и сумма известна? – спросил Пирс.

Уивер скривил губы.

– Я знаю о каждом взносе и снятии денег с твоих счетов за последние пять лет. Ты ничтожество, Пирс, дешевка, и я тебя раздавлю.

Пирс беззаботно улыбнулся.

– Вы этого не сделаете. Вы не посмеете применить насилие, пока думаете, что мне известно местонахождение Картрайта. Тогда вы потеряете всё. Ничего другого вы делать тоже не станете, иначе я опубликую статью, которую написал о нем, – я вам пришлю экземпляр, – и вот тогда-то эту лавину будет уже не остановить. Если бы все узнали о Картрайте, то у вас больше не было бы шанса контролировать процесс, даже доведись вам его найти. Вы – большая

пишка с огромной властью в руках, но в этом мире есть люди, организации и страны, которые проглотят вас и не подавятся.

Уивер поднялся с кресла и сказал:

– Ты бы этого не сделал. Тогда Картрайта искали бы тысячи, а не один я.

Он повернулся к двери и спокойно добавил:

– Но ты прав – я не могу упустить этот шанс. Я приду еще не раз.

– Я и не сомневаюсь, – согласился Пирс и подумал: «Хотя помочь не могу, потому что вы никогда не поверите, что ни одна ниточка не тянется от меня к Картрайту».

Но жаль мне вовсе не вас.

Через два дня после этой встречи появились слухи о том, что Уивер женился на двадцатипятилетней девушке из богатейшего района Канзас-Сити по имени Патриция Уоррен. Это стало главной новостью уик-энда – богатство и красота, старость и юность.

Пирс посмотрел на фото девушки в воскресной газете и подумал про себя, что она наверняка получила то, чего хотела. Как и Уивер – Пирс знал о нем достаточно, чтобы быть уверенным, что он добился того, что ему было нужно. Можно с уверенностью утверждать, что наследник у Уивера будет. Иначе он бы никогда не доверил себя и свою империю женщине. Есть тесты, надежные даже на таком сроке.

Четвертая неделя с момента переливания прошла без событий, пятая была отмечена только вызовом от Янсена, который Пирс проигнорировал. А в начале шестой недели позвонил доктор Истер, его голос дрожал от нескрываемой тревоги. Пирс отказался ехать в новоприобретенный особняк Уивера.

Расчищая улицы перед собой истерически воющей сиреной и вспышками мигалки, проравшись сквозь бешеное движение, «Скорая» привезла в больницу бесценный груз: деньги во плоти.

Пирс стоял рядом с жесткой больничной койкой, проверяя пульс на иссохшем запястье, и смотрел на истощенное тело перед ним. Сейчас оно не производило большого впечатления. В тишине палаты тяжелое, неровное дыхание больного было слышно весьма отчетливо. Единственным движением оставалось судорожное колыхание простыни, прикрывающей тело старика.

Жизнь еще теплилась в нем – но едва-едва. Помимо отпущенных среднестатистическому человеку семидесяти, он умудрился протянуть еще немного. И дело совсем не в том, что его ждала смерть. Кого она не ждет? Просто в его случае она уже стояла у изголовья.

Пульс прослушивался слабо. Юность, только что подаренную, снова отняли. За несколько дней Уивер словно выпцвел, лишившись пятидесяти лет жизни разом.

Он снова стал стариком на грани смерти. Его лицо, с желтоватой кожей и синюшно-серыми тенями на ней, казалось безжизненным. Оно осунулось, и морщинистая кожа теперь обтягивала череп, как неудачная маска. Возможно, когда-то он был хорош собой. Сейчас его глаза с темными, плотно закрытыми веками ввалились, губы вытянулись в узкую линию, а нос напоминал тонкий изогнутый клюв.

На этот раз, отстраненно подумал Пирс, отсрочки не будет.

– Ничего не понимаю, – бормотал доктор Истер. – Я думал, у него в запасе еще лет пятьдесят...

– Он сам так решил, – сказал Пирс. – А на деле вышло всего сорок дней. Тридцать-сорок дней – именно столько гаммаглобулин остается в кровеносной системе. Этот иммунитет был приобретенным. Единственный человек с врожденным иммунитетом к смерти – Картрайт, и передаст он его только своим детям.

Истер оглянулся, проверяя, не подслушивает ли медсестра, и шепнул:

– Может, мы бы организовали этот процесс лучше? Удаче иногда тоже нужна помощь. Учитывая наличие банков спермы и возможность искусственного оплодотворения, мы могли бы изменить лицо человечества за пару поколений...

– Если бы нас не уничтожили до этого, – сказал Пирс и отвернулся.

Он ждал, прикрыв глаза, слушая тяжелое дыхание Уивера, размышляя о трагедии жизни и смерти – о рождении и угасании, неразрывно связанных, как две стороны одной медали. Вот лежит доживающий свои последние дни Уивер, а где-то его ребенок будет ждать рождения еще долгие месяцы. В этом и есть целостность, равновесие – жизнь за жизнь. Этот принцип помогает человечеству уже миллионы лет стабильно существовать.

И все-таки – бессмертие? Что бы это могло значить?

Он подумал о Картрайте, бессмертном, преследуемом беглеце. Пока есть те, кто помнит о нем, его не оставят в покое, и, если он устанет прятаться и убегать, он обречен. Поиск будет продолжаться – к счастью, затрудненный тем, что Уивер выбыл из игры, – и Картрайт, несущий свое тяжкое бремя, никогда не сможет жить как обычный человек.

Он подумал о Картрайте, пытающемся скрыть бессмертие посреди торжества смерти, и понял, что оно – самое ценное из всего, что может получить человек – требует достойной оплаты, как и все в этом мире. Приобретая бессмертие, ты теряешь право на жизнь.

Именно тебя мне жаль, Картрайт.

– Переливание, доктор Пирс? – повторила медсестра.

– Да, – ответил он. – Можно и его.

Он еще раз взглянул на Уивера.

– Найдите две упаковки крови его группы и проверьте их на совместимость. Как только все доставят, подготовьте один пакет. Группу крови мы уже знаем – первая отрицательная.

Часть вторая

Донор

Поиск был рассчитан на сотню лет. Половина этого срока уже прошла, а успех был так же далек, как и в самом начале. Только предельное отчаяние способно поддерживать надежду, если не появляется и тени результата.

Национальный исследовательский институт был уникален. У него не было клиентов, он ничего не производил. Его годовой отчет отражал его убыточность. И все же тайные спонсоры регулярно и без жалоб делали взносы. Если кто-либо из них умирал, все его имущество переходило Институту.

Целью Института было знание, но не обучение. Он, как всеядное чудовище, с неизменным аппетитом поглощал информацию всех видов, записанную и на бумаге, и на всевозможных электронных носителях, предпочитая данные статистики естественного движения населения, необычные сообщения в газетах, истории болезни, отчеты сыскных агентств... Река данных, широкая как Потомак, протекала через это серое, похожее на куб и способное выдержать прямое попадание бомбы здание недалеко от Вашингтона, округ Колумбия. Здесь она сужалась до тонкого ручейка невнятных сигналов, на основании которых компьютеры могли строить бездоказательные предположения и проводить смутные параллели.

Возможно, единственный человек в Институте знал, каков смысл этой работы. Тысячи других работников, фамилии которых часто не фигурировали в ведомостях на зарплату, слепо исполняли свои обязанности, получали более чем щедрое вознаграждение и не задавали вопросов. Конечно, если хотели сохранить работу.

Институт вырос благодаря надежде и развивался благодаря смерти.

* * *

В главном компьютерном зале царило столпотворение, до сих пор не перешедшее в хаос разве что чудом. Текущую почту вскрывали, регистрировали, подшивали и передавали дальше, как на конвейере. Старые газеты пропускались через сканеры, компьютеры находили в них ключевые слова, а затем люди проверяли совпадения, читая строчку за строчкой. Компьютерные диски всех видов вставлялись в разнообразные слоты и информация с них, как в клетках ДНК, выстраивалась в одинаковые экземпляры, с новым содержанием. Мальчишки-копировальщики гоняли по проходам на роликах. Клерки редактировали, сокращали и добавляли комментарии к информации, выдаваемой компьютерами. Операторы выбивали искры из клавиш...

Эдвин Сиберт прокладывал себе путь между столами, с трудом сдерживая волнение, как будто шел на свидание с самой желанной женщиной в мире. Для него копировальный зал был вчерашним днем; проведя здесь полгода, он так ничего и не узнал. Не оглядываясь, он поднялся по лестнице в офис, нависший над копировальным залом, как сторожевая вышка над тюремным двором.

Приемную заполняли запертые картотечные шкафы с бесполезным содержимым. Пожилой и как будто выцветший делопроизводитель перебирал бумажки в одном из них.

– Привет, Сандерс, – беззаботно поздоровался Сиберт.

Стол перед дверью в кабинет руководителя был оснащен коммутатором, шифратором, диктофоном и весьма миловидной темноволосой секретаршей. Когда она увидела Сиберта, ее глаза удивленно округлились.

– Привет, Лиз, – выдал он, с интонацией столь же эффектной, как и его внезапное появление.

– Локк у себя?

Он прошел мимо нее к двери, не дожидаясь ответа.

– Тебе нельзя, Эд... – начала она, подскочив с места. – Мистер Локк будет...

– ...очень зол, если немедленно не узнает мои новости, – закончил фразу Сиберт. – Я нашел ключ, Лиз. Поняла, в чем соль – ключик к замочку?¹ Шутка дешевая, но зато придумал сам.

Его чуткие пальцы скользнули по мягкому изгибу шеи на скулу девушки.

Она поймала его руку, прижав ее на мгновение к щеке.

– О, Эд! – отрывисто шепнула она. – Я...

– Будь хорошей девочкой, Лиз, – легко перебил он, и в голубых глазах, освещавших его выразительное лицо, мелькнула улыбка. – Может быть... чуть позже... кто знает?

Но оба знали, что никакого «позже» не будет. Он потратил на нее целый месяц, прежде чем окончательно убедиться, что ей ничего не известно. Он высвободил руку, открыл дверь и шагнул в кабинет.

Стена за спиной Локка была сделана из стекла, зеркального с внешней стороны. Отсюда директор Института мог видеть, что происходит в копировальном зале, или, если пожелает, перейти на скрытое наблюдение за другими комнатами и кабинетами этого здания без окон. Локк говорил с кем-то по личному телефону.

– Терпение – наше главное богатство, – сказал он. – Все-таки Понсе де Леон...

Сиберт быстро повернулся, но смог лишь мельком увидеть лицо человека, старого настолько, что он выглядел бесполом. Оно было морщинистым, серым и неподвижным, и только в глазах горели жизнь и страсть.

– Помеха, – мягко заметил Локк. – Я перезвоню позже.

Экран, установленный в стене напротив его стола, погас, как только он коснулся подлокотника своего кресла.

– Сиберт, – заявил он, – ты уволен.

Локк и сам уже не молод, подумал Сиберт. Ему наверняка под девяносто, хотя он смотрится бодрячком. Медицина сохранила его тело здоровым; гериатры и гормональные препараты не дали его плечам согнуться, а мышцам стать дряблыми и слабыми. Скорее всего ему пересадили молодое сердце и еще какие-нибудь органы, но вот омолодить его изношенные артерии и умирающие клетки не смогли.

– Хорошо, – отрывисто бросил Сиберт, совсем не тем тоном, которым любезничал с Лиз в приемной. – Тогда и то, что я узнал, вам неинтересно...

– Возможно, я немного поторопился, – сказал Локк. Эти непривычные для него слова он произнес с явным трудом. – Если информация стоящая, то я пересмотрю свое решение.

– А вознаграждение? – намекнул Сиберт.

– Посмотрим, – буркнул Локк, сузив глаза. – Чего такого сногшибательного ты узнал, что нельзя было передать обычным путем?

Сиберт пристально разглядывал лицо Локка. По нему было видно, что тот явно не провел в офисе всю жизнь. Шрамы вокруг глаз, еще один, пересекающий щеку почти до челюсти; нос, сломанный как минимум один раз. Локк был старым матерым медведем. Нужно быть осторожнее, подумал Сиберт, и не слишком дразнить его.

– Похоже, я нашел одного из детей Маршалла Картрайта.

На мгновение лицо Локка дрогнуло, но он тут же взял себя в руки.

– Где? Под каким именем он живет? Что он...

¹ Lock – замок (англ.).

– Помедленнее, – спокойно сказал Сиберт. Он расположил свое молодое, сильное тело в мягком кресле, стоящем возле стола, и беззаботно прикурил сигарету. – Я пять лет горбатился в потемках. Прежде чем что-то рассказать, я хочу узнать, ради чего.

– Тебе отлично платят, – холодно ответил Локк. – А если твоя информация подтвердится, ты больше никогда не будешь нуждаться в деньгах. Но не пытайся влезть в эту игру, Сиберт. Ставки слишком высоки для тебя.

– Вот об этом-то я и думаю, – задумчиво протянул Сиберт. – Пара сотен тысяч баксов – разве это сумма для организации, ежегодно тратящей больше ста миллионов? А за пятьдесят лет, выходит, все пять миллиардов. На то, чтобы найти чьих-то там детей.

– Информацию из тебя можно и выбить.

– Упустите время. Чего у вас нет, так это времени. Я оставил письмо. Если я не вернусь в отпущенный срок, письмо доставят адресату. И ребенок Картрайта узнает, что на него открыта охота...

– Повтори свои слова под сывороткой правды.

– Нет. Не потому, что я солгал. Просто вы можете задать и другие вопросы. К тому же это займет часы и часы. Поэтому я и не мог ждать, пока мне назначат время. Если хотите, можете попробовать выдавить из меня то, что я знаю.

Он вытащил левую руку из кармана куртки и продемонстрировал крохотный десятизарядный пластиковый пистолет.

– Но опять же это займет много времени. И вы, возможно, потеряете все, к чему стремились, будучи в шаге от успеха. Может быть, умрете вы. А может быть, и я.

Локк тяжело вздохнул и расслабил напряженные плечи.

– Что ты хочешь узнать?

– Что особенного в детях Картрайта?

– Если исключить несчастные случаи, они могут жить вечно.

Мужчина средних лет с озабоченным выражением лица медленно пересек зал станции, засунув руки глубоко в карманы. Он вытащил небольшую сумку из шкафчика и пошел с ней в ближайшую уборную, где занял свободную кабинку. Из уборной он так и не вышел. И бронь на Тальго-экспресс до Торонто не была выкуплена.

Молодой человек в шляпе с мягкими полями и с испанской бородкой поймал такси рядом со станцией и вышел, когда оно встало в пробке в деловой части города. Он лавировал между неподвижными машинами, пока не добрался до смежной улицы и не поймал другое такси, поехавшее в обратном направлении. В аэропорту он выкупил чью-то неподтвержденную бронь на ближайший рейс.

В Детройте он пересел на рейс до Сент-Луиса. Оттуда полетел в Уичито на тихоходном самолетике, рассчитанном на две дюжины пассажиров. Там он нанял старую двухместную авиетку и заполнил план полета, которому не собирался следовать. Два часа спустя он приземлился в полупустом Международном аэропорту Канзас-Сити, поймал старенький автобус, пылящий по магистрали между штатами, через обветшалый мост Нью-Ганнибал, в центр города.

Эта часть города умирала. Деловая жизнь переместилась в пригород вслед за средним классом. Здания и магазины не ремонтировались уже десяток лет. На улицах почти не было людей, но молодой человек с бородкой старался как мог: пробежал через пассажи, притормаживал у выходов и, наконец, нырнул в лифт универмага за секунду до закрытия дверей.

Лифт поскрипел наверх. Когда он достиг пятого этажа, внутри остался только молодой человек. Он быстро пересек этаж, направляясь в мужской туалет.

Две минуты спустя он смыл отвратительную массу черных волос в унитаз, закопал шляпу под горой бумажных полотенец и улыбнулся своему отражению в зеркале.

– Мои поздравления, мистер Сиберт, – весело заявил он. – Что там Локк сказал тебе?

- Ты же был актером, не правда ли, Сиберт?
- Когда-то. Боюсь, довольно посредственным.
- И почему бросил?
- Не получал того, чего хотел.
- Чего же?

– Если ваши психологи этого не выяснили, я им не помощник. Не хочу упрощать вам работу.

– В этом твоя ошибка, Сиберт. Живой актер – пусть и бедный – лучше, чем мертвый авантюрист. А именно им в конце концов ты и станешь, если потянешь одеяло на себя. Ты – наш с потрохами, Сиберт. Ты – набор данных, записанных на пленку и бумагу, просто трехмерная картинка. В какую бы нору ты ни забился, мы тебя отовсюду вытащим...

– Если сможете меня найти, Локк, – обратился к зеркалу Сиберт. – А сейчас вы меня потеряли.

Он пробежал по служебной лестнице к выходу на Мэйн-стрит, прошел через несколько отделов подержанной одежды, пару раз поднялся на эскалаторе и спустился по ступеням и, наконец, через запасный выход выбрался на Двенадцатую улицу. Когда едущий на восток автобус приподнялся на колodках и рванул со стоянки, Сиберт ужом проскользнул в закрывающиеся двери. На милю отъехав от мэрии, он вышел, пробежал через две аллеи и нырнул в свободное такси.

– Едем на запад. Я скажу, когда остановиться, – выдал он, немного запыхавшись.

Таксист кинул на него быстрый взгляд в зеркало заднего обзора, круто развернул дребезжащий «Мерседес» 44-й модели и двинулся на запад. В этот момент Сиберт сравнил лицо водителя с голографической проекцией на заднем сиденье. Они совпали, хотя уверенности Сиберту это не добавило.

Отпустив такси, он подождал, пока оно скроется из глаз, и только потом направился на север. Улица была пустынной, а небо – ясным. Он быстро миновал пять кварталов, чувствуя, что по мере приближения к многоэтажкам Кволити Тауэрс в нем растет нездоровое волнение.

Он не смог разглядеть то место, где река Канзас впадает в Миссури. Дым из промышленной части города заволакивал долину.

Когда город был еще молод, в районе Кволити Хилл жили состоятельные люди, но с тех пор он уже дважды приходил в упадок и возрождался снова. Когда город разросся, здешние дома превратились в трущобы. Их снесли, чтобы построить комплекс Кволити Тауэрс, но за пятьдесят лет небрежение, уменьшение вложений и безответственные арендаторы сделали свое черное дело.

Сейчас настало самое время для района возродиться опять, но шансов на это не было. Очередная волна дыма достигла района, и Сиберт зашелся кашлем.

Деньги уходили из города. Те, кто мог себе это позволить, переезжали в пригород, где воздух был чище, а жизнь удобнее и безопаснее. В городе оставались те, кому некуда было деться. Оставалось только вместе умирать.

Сиберт направился к двери, на ходу оглянувшись на дорогу, по которой пришел сюда. На целые кварталы позади никого не было видно. Он поднял глаза на холм, возвышающийся за проезжей частью. Там находилось единственное за последние несколько лет новое сооружение в городе.

Госпиталь на Больничном холме вырос в огромный комплекс. Среди повсеместного упадка он сиял новизной. Он протягивался все шире и шире, захватывая серые трущобы и превращая их в крепкие, чистые строения из стекломagneйного листа, в которых торговали здоровьем и даже жизнью.

Возможно, он не прекратит расти до тех пор, пока не поглотит весь город. Жизнь была всем. Без нее ничего не имело смысла. Люди никогда не будут экономить на медицине и боль-

ницах, от чего бы им ни пришлось отказаться. И все же, несмотря на огромные вложения и успехи в медицине, достигнутые в последнем столетии, теперь сохранять здоровье на желаемом уровне человеку обходилось все дороже и дороже.

Может быть, однажды здоровье будет стоить больше, чем человек сможет заработать. Поэтому люди искали детей Картрайта. Это – а еще и неутолимая жажда жизни вместе с непреодолимым страхом смерти – стало причиной начала охоты на эти мифические создания.

Все люди, не только дети, боятся надолго остаться в темноте, – подумал Сиберт. – *Абсолютно все.*

Поежившись, он вошел в дверь.

Лифт, как обычно, не работал. Сиберт быстро взбежал по ступеням. Он остановился на пятом этаже, переводя дыхание и радуясь, что выше подниматься не нужно. Подъем по лестнице – даже для молодого человека занятие опасное, заставляющее сердце биться чаще.

Но от одного вида женщины, стоящей перед ближней дверью с длинным белым конвертом в руках, его сердце едва не выскочило из груди.

Секунду спустя Сиберт наклонился к ней и аккуратно высвободил конверт из ее пальцев.

– Его нужно было доставить не раньше шести, – мягко попенял он женщине, – а сейчас только пять.

– Мне приходится следить за целым зданием, – обиженно пожаловалась она. – И мне есть чем заняться, кроме того чтобы носиться вверх-вниз по лестнице с письмами. Я была наверху и решила отнести его по пути, как вы и просили.

– Я бы не просил, не будь это важным.

– Ну, – на маленьком, сморщенном личике появилась слабая улыбка, – извините. Но ничего страшного же не случилось.

– Нет. Доброй ночи, миссис Джентри.

Когда шаги домовладелицы стихли в глубине голого, пропахшего чем-то непонятным коридора, который освещался единственной лампочкой где-то на верхней лестничной площадке, он повернулся, чтобы посмотреть на табличку с именем на двери: Барбара Мак-Фарланд.

Мысленно он дополнил надпись: Бессмертная.

* * *

Быстрые, энергичные шаги приблизились к двери и остановились. Пальцы нащупали замок. Сиберт подумал о бегстве и тут же отбросил эту мысль. Дверь открылась.

– Эдди! – Голос у молодой женщины был мягкий, с нотками радостного удивления. – Я не знала, что ты уже вернулся.

Она не красавица, – подумал Сиберт отстраненно. Черты лица обычные, ничего яркого. Для нее, с ее мышино-каштановыми волосами и светло-кариими глазами, самой щедрой характеристикой было «привлекательная». Но женщина просто лучилась здоровьем. *Сияла.* Это слово подходило ей больше.

Или так ему казалось в свете его нового знания?

– Бобс, – нежно сказал он и взял ее руки в свои. – Я только зашел. Просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке.

– Глупый, – шепнула она робко, заметно обрадовавшись его вниманию, но из смущения стремясь избежать его. – Что со мной могло случиться?

Она слегка откинулась назад, с улыбкой глядя в его глаза.

На мгновение он опустил взгляд, и тут же встретился с ней глазами снова.

– Не знаю и знать не хочу. Собери небольшую сумку с самым необходимым. Мы уезжаем.

– Я же не могу просто собраться и уехать, – быстро возразила она, с удивлением глядя на него. – В чем...

– Если ты любишь меня, Бобс, – сказал он низким, сдавленным голосом, – ты сделаешь, как я прошу, без вопросов. Я вернусь не позже чем через полчаса. Надеюсь, ты будешь полностью готова к этому времени. Объясню все позже.

– Хорошо, Эдди.

Ее согласие было вознаграждено мягкой улыбкой.

– Тогда за дело. Запри дверь. Не открывай никому, кроме меня.

Он легонько толкнул ее в квартиру, захлопнул дверь снаружи и подождал, пока щелкнет замок.

Его комната была в конце коридора. Внезапно внутри его приливной волной поднялась усталость, и он упал в кресло, полностью расслабившись. Пять минут спустя поднялся и вскрыл письмо, которое забрал у миссис Джентри. Оно начиналось со слов:

«Дорогая Бобс!

Если я прав – а ты получила бы это письмо только в таком случае, – ты стала объектом величайшей охоты, когда-либо устраиваемой за всю историю человечества...»

Он торопливо пробежал письмо глазами, порвал на мелкие кусочки и сжег их в пепельнице. Разбив пепел на нераспознаваемые ошметки, он сел за стол, к переносному компьютеру. Его пальцы заплясали по клавиатуре, и на экране появились слова:

«Недалеко от Капитолия, в семиэтажном, хорошо защищенном здании, находится штаб-квартира организации, тратящей по 100 000 000 долларов в год и не производящей ровным счетом ничего. Так продолжается уже пятьдесят лет. И продолжится еще столько же, если ее цель не будет достигнута раньше.

Ее цель – охота.

Охота за бессмертием.

Если вы читаете эти строки, значит, теперь вы третья сторона, знающая этот секрет, помимо меня и основателей организации. Сделайте так, чтобы это перестало быть секретом.

Имя организации – Национальный Исследовательский Институт. Он ведет охоту за детьми Маршалла Картрайта.

Почему же на поиск этих детей потрачено уже пять миллиардов долларов?

Маршалл Картрайт – бессмертный. Предполагается, что его дети унаследовали его иммунитет к смерти.

Это само по себе является достаточным основанием, а ведь есть еще и тот факт, что иммунитет передается через кровь. Один из гамма-глобулинов борется с болезнями. Организм Картрайта вырабатывает антитела к самой смерти. Его кровеносная система постоянно омолаживается; при достаточном питании его клетки никогда не погибают.

Через кровь. А ведь кровь можно переливать; гамма-глобулин можно вводить в организм. Результат: новая молодость для стариков. К сожалению, как и гамма-глобулин, эта кровь дает только вторичный иммунитет, который сохраняется до тех пор, пока в крови живут введенные протеины – то есть 30 или 40 дней.

Для того чтобы человек был вечно молодым, как Картрайт, ему требуется ежемесячное переливание бессмертной крови. Это может привести к смерти Картрайта. И, безусловно, в этом есть что-то нездоровое. Его придется держать в заточении, чтобы быть уверенным в том, что он всегда под рукой.

Пятьдесят лет назад, случайно сдав кровь, Картрайт узнал о своем бессмертии. И бежал, спасая свою жизнь. Сменил имя. Скрылся. И, вероятно, последовал библейской заповеди плодиться и размножаться.

Такова была его цель: распространить семя новой жизни так широко, чтобы его уже не смогли уничтожить. Он надеялся, что в конце концов все люди станут бессмертными.

Другого способа прожить больше пары веков для него не существовало. Он мог погибнуть вследствие несчастного случая или из-за людской жадности. Если бы его обнаружили, его судьба была бы предрешена.

Картрайт исчез без следа, хотя последние свидетельства его существования были найдены около двадцати лет назад. В Институте на стене висит карта, на которой отмечены бесцельные блуждания беглеца, спасающегося от самого главного страха человечества, страха смерти. Агенты проверили и перепроверили этот маршрут в поисках детей, отцом которых мог быть Картрайт.

Если найдут хотя бы одного, то из него *буквально* выпустят всю кровь – но прежде его основной задачей будет зачать как можно больше детей, чтобы гамма-глобулина в итоге хватало на омоложение почти пятидесяти человек.

Когда-то их было сто, сотня богатейших людей мира. Теперь больше половины уже нет в живых, а их состояния – с их согласия – перешли в распоряжение Института для продолжения поиска.

Эти люди оказывают огромное влияние на правительства всего мира. Они не боятся ничего – кроме смерти. Если они преуспеют, будет не важно, сможет ли Человек достичь бессмертия.

Ему больше незачем будет жить».

Сиберт перечитал написанное, внес небольшие поправки и ухмыльнулся. Нажал на клавишу, и компьютер выдал ему печатный экземпляр. Сиберт сложил листы пополам и еще пару раз в обратную сторону. На маленьком конверте он написал: *Я направляю это Вам, доверяя вашей сознательности и журналистской чести. Не открывайте этот конверт в течение тридцати дней. Если я пришло за ним до того – подтверждением моей просьбы станет повторение этих слов, – я надеюсь получить назад невскрытый конверт. Я доверяю Вам.*

Он вложил листы с отпечатанным текстом в конверт и заклеил его. На конверте размером побольше он написал: *Главному редактору, «Звезда Канзас-Сити».*

Доверять госслужащим больше не было смысла. Их не просто могли подкупить, они прямо-таки находились в свободной продаже. Может быть, и газетчики продавались тоже, но покупателю сначала пришлось бы найти того, чья информация действительно стоила денег.

Сиберт достал маленький пистолет, чтобы убедиться, что магазин полон и предохранитель снят, а затем снова сунул его в карман куртки. Осторожно открыв дверь, он оглядел темный коридор и нахмурился. Единственная лампочка, освещавшая лестницу, погасла.

Он скользнул в коридор, сунув под куртку руку с зажатым в ней конвертом, чтобы его белизна не привлекла внимания. Наверху лестницы он помедлил, а затем повернул к почтовому ящику. Выудив монетку из кармана, он кинул ее в щель. Через пару секунд она звякнула, ударившись о стенку ящика.

Тот был пуст. Решительным жестом Сиберт сунул письмо в щель.

– Страховка, Эдди?

Сиберт резко обернулся, сунув руку глубже в карман куртки. Медленно прислонившись к стене, он наблюдал как из теней под лестницей выступила темная фигура и двинулась к нему, превращаясь в подтянутого смуглолицего мужчину с тонкими губами, сложенными в мягкую, будто извиняющуюся улыбку.

– Так и есть, Лес, – беззаботно заявил Сиберт. – Что ты здесь делаешь?

– Брось, Эдди, – беззлобно усмехнулся Лес, – хватит этих игр. Ты знаешь, что мне нужно. Парень, Эдди.

– Понятия не имею, о чем ты, Лес.

- Не хитри, Эдди. Меня послал Локк. Все кончено.
- Как ты меня нашел?
- Я тебя и не терял. Я твоя тень, Эдди. Ты в детстве учил такой стишок?

Со мною рядом ходит тень,
То впереди, то позади.
Зачем она мне? Каждый день
Ответ хочу найти.

– Локк, может, и старик, Эдди, но из ума пока не выжил. На самом деле совсем наоборот. Уж он-то в курсе всех уловок. Тебе не стоило переходить ему дорогу, Эдди. У всех есть тень. Я думаю, и у меня тоже. Интересно, кто это. Мне не нужно было преследовать тебя, Эдди. Локк сказал, что ты возвращаешься домой. А теперь, Эдди, парень. Где он?

Так вот почему Лес снял квартиру прямо на первом этаже, уныло размышлял Сиберт. И поэтому он торчал под дверью час за часом, в темноте.

– Ты прекрасно знаешь сам, Лес. Я тебе не могу ничего сказать. Слишком уж много мне известно.

– Локк сказал то же самое, – негромко подтвердил Лес. – Парень в здании, Эдди, и мы это знаем. Может быть, даже на этом этаже. Ты бы не позволил ему далеко уйти. И первым делом ты бы поспешил к нему. Я хочу облегчить твою участь, дружок. Но если тебе больше по вкусу страдания...

В его поднимающейся руке оказался карманный пистолет.

Сиберт сжал под курткой свое оружие. В пустом коридоре звук сдвоенного выстрела прогремел как раскат грома. Удивление застыло на скуластом лице Леса; боль скрутила его, когда он качнулся к Сиберту, сгорбив плечи и прижимая руку с пистолетом к простреленному животу.словно в замедленной съемке он рухнул на пол.

Сиберт вытащил пистолет и начал сбивать пламя с дыры в кармане, когда прогремел третий выстрел. Стреляли с лестницы. Пуля попала в Сиберта, прижавшегося к почтовому ящику. Зажимая рану на груди левой рукой, он трижды выстрелил в сторону вспышки.

В наступившей тишине раздался вздох. Как мешок со старыми костями, с верхней лестничной площадки по ступенькам скатилось тело. Внизу оно остановилось, и голова его, словно в поисках опоры, откинулась к стене.

В старом, морщинистом лице, обрамленном седыми волосами, не осталось ни капли жизни. Несмотря на боль, Сиберт не смог сдержать улыбку.

– Какая у вас замечательная гостиница, миссис Джентри, – негромко заметил он.

Он засмеялся, но смех тут же перешел в приступ кашля. На губах выступила розовая пена.

Кто-то шлепал его по лицу, повторяя при этом:

– Эдди! Эдди!

Снова и снова.

Его голова качнулась в попытке подняться, и он изо всех сил попытался открыть глаза.

Позади него был почтовый ящик. Он все еще прислонялся к нему, но тела своего не чувствовал, как будто был в другом месте, и все ощущения, достигающие его мозга, смягчались и ослаблялись расстоянием. Похоже, он на минуту потерял сознание, пришла в голову горячая мысль. Если ему дадут еще пару минут, он снова будет в полном порядке.

– Эдди! – В голосе прорезались истерические нотки. – Что случилось? У тебя кровь!

– Привет, Бобс, – слабо прошептал Сиберт. – Забавная штука... – Он засмеялся и тут же зашелся кашлем.

Когда приступ прошел, вся его рука была забрызгана кровью. Это его отрезвило.

– Ты... опасный спутник, Бобс, – едва выговорил он, задыхаясь. – Давай... пора убираться отсюда.

Он поймал ее руку и двинулся к лестнице. Она потянула его назад.

– Ты ранен. Тебе нужен врач. Мы не можем никуда пойти, пока тебе не окажут помощь. И эти тела... там же лежит миссис Джентри...

– Прекрасная женщина, эта миссис Джентри, – сказал Сиберт. – Особенно мертвая. Это она меня подстрелила. Давай, Бобс – нет времени. Объясню все позже. Им нужна... ты.

Она покорно дошла с ним до лестницы. И тут ноги перестали его держать. Тогда она закинула его правую руку себе на плечи, левой рукой обняв его за талию. Она оказалась на удивление сильной. Его левая рука отчаянно цеплялась за перила, пока они вместе спускались по бесконечным ступеням – вниз, площадка, вниз – и наконец добрались до первого этажа. Его колени подогнулись.

Широкий холл первого этажа расплывался перед глазами, как на старой фотографии. Сиберт нахмурился, пытаясь сфокусироваться и думая: так вот каково это – стареть, терять остроту чувств, силу мышц, чувствовать, как постепенно внутренние органы приходят в негодность. И в конце концов умирать.

Кто-то что-то говорил. Опять Барбара, понял он, настойчиво добивалась его ответа.

– Куда мы теперь? – снова и снова спрашивала она.

Он попытался обдумать вопрос, но любая мысль была пыткой.

– Прятаться. Где угодно. Не верить никому. Все... против нас.

А потом все воспоминания исчезли, оставив лишь одну, полную иронии, мысль, преследующую его даже во снах. Она была о парне, который охотился за жизнью, а нашел попутчика-тень.

Он проснулся, окруженный жемчужно-серой затхлостью, и решил, что еще спит. Он был один. В груди полыхал пожар, который он попытался унять, прижав к ней руку. Когда он отнял ее, рука была в чем-то темном. Попытка определить цвет в полумраке не удалась, в его состоянии это оказалось слишком сложно. И он снова провалился в беспамятство.

Во второй раз он понял, что уже не спит. Абсолютно точно. Он был в подвале. Ему удалось найти в себе силы, чтобы слегка приподняться на локте. Он лежал на койке. Барбара стояла на коленях около него. Рядом с койкой, тоже на коленях, стоял незнакомец в белом халате. В руке у него был шприц.

– Прочь от меня! – хрипло крикнул Сиберт. – Бесполезно...

Барбара легонько толкнула его назад на койку.

– Это врач, Эдди. Я привела врача.

Он лег, пристально глядя на незнакомца и чувствуя прилив сил. Может, тот и был доктором, а может, кем-то еще. Все были под подозрением.

Его рука скользнула в карман, но тот был пуст. Пистолет пропал.

Шприц отправился в коробку, а коробка – в свой отдел в черной сумке. Значит, укол ему уже сделали, подумал Сиберт.

– Я сделал все, что смог, – угрюмо сказал врач. – Подлатал дыры в плече, но до пробитых легких мне не добраться. Ему помогло бы время и правильный уход. Но, думаю, теперь уже слишком поздно. Этот человек умирает. По-моему, чудо уже то, что он в сознании.

– Переливание поможет? – тихо спросила Барбара.

– На данном этапе вряд ли. Все равно что лить воду в сито. К тому же у меня нет с собой крови. Если бы вы позволили забрать его в больницу...

– Используйте мою кровь.

– Исключено! Мы даже не можем проверить вашу совместимость, не говоря уже о полнейшей антисанитарии...

– Я сказала, используйте мою кровь. – В голосе Барбары зазвучал металл.

Сиберт посмотрел на нее. В руках она держала пистолет – его пистолет. Он был направлен на врача, и, хотя ее руки не дрожали, костяшки пальцев, сжимающих рукоять, побелели от напряжения.

Врач нахмурился, скрывая неуверенность.

– Какая у вас группа крови? – спросил он Сиберта.

– Первая отрицательная, – ответил тот. Казалось, что голос его доносится издалека.

– А ваша? – повторил вопрос врач, повернувшись к Барбаре.

– Какая разница? Если вы этого не сделаете, он все равно умрет.

Это было жестоко, отстраненно подумал Сиберт. Он и не подозревал, что Барбара может быть такой суровой.

Врач молча достал из сумки маленькую квадратную коробочку. Центрифуга, догадался Сиберт. Следом появились пластиковые трубки, снабженные иглами, и он прикрепил их к коробке...

– Цельную кровь, – заявила Барбара, – не только плазму!

Реальность опять уплывала. На Сиберта накатила слабость, и он почувствовал себя старым и выжатым как лимон. Он изо всех сил пытался остаться в сознании.

Барбара присела рядом с койкой, по-прежнему крепко сжимая пистолет. В подвале было темно и грязно, повсюду высились горы мусора, скопившегося за годы запустения.

Сиберт смутно ощущал, как врач протирает его руку и вводит иглу. Но когда в его венах потекла чужая кровь, он почувствовал прилив сил. Как будто внутри его забурила жидкая жизнь.

– Литр, – сказал врач.

– Хорошо, достаточно.

– Мне придется сообщить об этом, вы же знаете. Ранение огнестрельное.

– Не имеет значения. К этому времени нас здесь уже не будет.

– Если вы только попытаете сдвинуть раненого с места, он умрет от шока.

Голоса затихали. Он опять засыпает, билась в голове Сиберта испуганная мысль. Он пытался бороться с широкой, темной волной, накрывающей его, но это было бесполезно.

Прямо перед тем, как нырнуть в эту волну с головой, он увидел, что врач отвернулся, убирая свое оборудование. Перед глазами Сиберта мелькнула рука с зажатым в ней металлическим предметом. При ударе о голову врача он издал странный, глухой звук.

– Просыпайся, Эдди! Ты должен проснуться!

В лицо снова повеяло прохладой, остужая жар внутри его. Он шевельнулся, и стон вырвался изо рта.

– Нужно вставать, Эдди! Нам придется искать другое укрытие.

Он с трудом открыл глаза. Прямо над собой он увидел измученное лицо Барбары с широко распахнутыми, полными тревоги глазами.

Она снова протерла его лицо влажной тканью.

– Постарайся, Эдди! – поторопила она. – Мы больше не можем здесь оставаться.

Я умру, – подумал он. – *Так сказал врач*. Затем он вспомнил Локка, а также то, за что боролся, и попытался встать. После нескольких бесплодных попыток он со стоном рухнул назад. Во второй раз Барбара помогала ему. Она просунула руку ему под спину и приподняла его. Он сел, и темный подвал пошатнулся, а затем бешено закрутился перед глазами.

Немного погодя он уже стоял, хотя так и не смог вспомнить, как ему удалось подняться на ноги. Казалось, что ноги от него за тысячу миль. Он велел им идти, а они не слушались. Ему пришлось по очереди аккуратно поднимать и не менее аккуратно опускать каждую ногу. Только поддержка Барбары помогала ему удержаться в вертикальном положении.

К старому, темному осьминогу, который оказался древней газовой печью, прислонился врач. Его голова лежала на груди.

– Мертв? – спросил Сиберт тонким, будто чужим голосом.

– Не болтай. Он просто без сознания. Его скоро хватятся. Он только что вышел из больницы, когда я его перехватила. Нас никто не видел, но они забеспокоятся, когда он не придет на следующее дежурство. Я дала тебе отдохнуть, сколько смогла, но теперь нам надо уходить.

Кое-как они добрались до шатких ступенек, ведущих наверх, к свету. Рядом, все так же обнимая и поддерживая его, внезапно всхлипнула Барбара.

– Эдди, Эдди! Что же нам теперь делать?

Сиберт молча собрался с силами, расправил плечи и постарался опираться на нее не так сильно.

– Брось, Бобс, – сказал он, – мы не можем сдать сейчас.

– Хорошо, Эдди. – Ее голос стал тверже, уверенней. – Они ведь хотят убить тебя, правда, Эдди? Не меня?

– Откуда ты... знаешь?

– Ты бредил. И пытался мне что-то рассказать.

– Ага.

Они с трудом взбирались по шатким ступенькам. Старые доски опасно прогибались под их весом.

– Это точно, меня они убьют. Тебя – нет. Кого угодно, кроме тебя.

Когда они выбрались на свет, безжалостно выставляющий на обозрение пустыню потрескавшегося асфальта, заваленного всяким мусором – пеплом, досками, консервными банками, бутылками, коробками, – Сиберт почувствовал головокружительный прилив сил. Он пришел и ушел, оставив пробелы в памяти.

Они внезапно оказались посреди аллеи, миновав горы мусора. Здесь стоял сверкающий новизной, изящный турбированный пятисотый «Кадиллак». Когда он оперся на гладкий бок, Барбара распахнула дверь.

– Где ты его взяла? – спросил он слабым голосом.

– Украла.

– Это плохо. Слишком заметный. Нас засекут.

– Не думаю. В любом случае менять его нет времени. Лезь назад. И ложись на пол.

Пластиковая поверхность машины была восхитительно прохладной по сравнению с его горячим телом. Он попытался найти другой вариант, но голова отказывалась думать. Тогда он позволил Барбаре затолкать его в машину и с огромным облегчением прижался к полу. Грудь была липкой и горячей; снова открылось кровотечение.

На заднем сиденье лежали чемоданы. Барбара поставила их вокруг так, что он был совсем незаметен.

Единственное пятнышко света пробивалось в щель между ними. Он бездумно смотрел на него, когда завелся мотор и машина тронулась с места, увлекаемая вперед турбиной мощностью в 500 лошадиных сил. Оно начало прыгать и расплываться, когда машина поехала. Сиберт заснул.

Когда он проснулся, машина стояла, и резкий голос прямо у него над ухом произнес:

– Извините, мисс. У меня приказ останавливать все машины, покидающие город. Мы ищем раненого мужчину. Он не один.

Они не знают о Барбаре и о том, как сильно он ранен. Они порядком отстали.

И тут вмешался холодный голос рассудка. Глупый оптимизм. Они могущественны настолько, что могут привлечь к поискам полицию; они на шаг от поимки. И, как только доктор придет в сознание, информации у них станет намного больше. Разумнее было бы убить его.

– Тут я вам ничем помочь не могу.

Голос Барбары звенел нежным, чистым колокольчиком.

– Раненые мужчины – это не по моей части. Я предпочитаю, чтобы они были как вы, офицер, – крепкими и здоровыми парнями. Но, – добавила она беззаботно, – если хотите, можете сами заглянуть.

Полицейский хмыкнул.

– Не нужно меня соблазнять. Могу поспорить, под юбкой вы его не прячете. А в этой машинке место осталось только для двигателя. Сколько она выжимает по прямой?

– Я лично разгоняла ее до двухсот, – мимоходом заметила Барбара. – Двести пятьдесят вроде бы предел.

– Поверить не могу.

В его голосе отчетливо звучало благоговение.

– Смотрите!

Машина сорвалась с места, как ракета. Через пару секунд загудели шины. Сиберт почувствовал, как машина взлетела, когда воздух, рвущийся через крепкий, крылообразный стабилизатор, приподнял ее. Он был уверен, что она вот-вот остановится, но машина по-прежнему набирала и набирала скорость.

Разве все может быть так легко? – подумал он.

Скорость начала падать. Они мчались по дороге под шум колес. Он сливался в колыбельную, которая снова убаюкала Сиберта.

Вскоре Сиберт проснулся от толчка, разбередившего рану. Машина опять остановилась, и шум стих.

Пришла та же мысль: *я умираю. Доктор так сказал.* С ясностью, которой не ощущал с тех пор, как его подстрелили, он понял: пуля миссис Джентри прошла сквозь легкое. Он истечет кровью до смерти. Каждое движение делает такой исход более вероятным.

Он почувствовал, как в нем поднимается злость на Барбару, которая так легко отнеслась к его ранению, которой было наплевать, жив он или нет, из-за которой ему пришлось слепо метаться в поисках убежища, буквально умирая на ногах.

Незамедлительная медицинская помощь могла бы его спасти. Так предполагал доктор.

Она поделилась с ним своей кровью, это верно. Но что значила пинта крови, когда из его тела непрестанно и неизбежно утекал целый поток красной жидкой жизни. Даже если это кровь бессмертного.

Беспричинный гнев разгорался все сильнее. *Черт ее возьми!* – подумал он. – *Я умираю, а она будет жить вечно.*

Смерть была странным действием, очень похожим на рождение, с длинными периодами дремы и серыми, полубессознательными периодами бодрствования. Каждый раз, когда эта серость на мгновение отступала, Сиберт удивлялся тому, что все еще жив. Картинки из жизни тонули в долгой, тяжелой дреме, пока наконец он не проснулся полностью, с абсолютно ясным сознанием.

Серый свет падал сквозь пыльное окно и освещал пестрые квадраты тяжелого одеяла, которым он был накрыт. *Я буду жить,* – подумал он.

И, повернув голову, увидел Барбару, спавшую в массивном кресле рядом с его кроватью. Его старая обивка была изодрана; поролон торчал наружу серыми, отвратительными комками.

Лицо Барбары, измученное и усталое, казалось почти уродливым. Ее одежда была мятой и грязной. Сиберту не нравилось то, что он увидел. Он хотел отвести взгляд в сторону, но ее глаза открылись, и он улыбнулся.

– Тебе лучше, – сказала она хрипло. Ее рука прикоснулась к его лбу. – Жара нет. Ты скоро поправишься.

– Думаю, ты права, – тихо сказал он. – Благодаря тебе. Как долго?

Она поняла.

– Прошла неделя. А сейчас засыпай.

Он кивнул, закрыл глаза и с головой нырнул в глубокий, темный, освежающий омут сна. В следующий раз, когда он проснулся, появилась еда, наваристый куриный бульон, который легко скользнул в желудок, согревая и придавая сил – сил для дальнейшей беседы.

– Где мы? – спросил он.

– На старой пустой ферме. Заброшена уже лет десять или больше, я думаю.

Она нашла время, чтобы вымыться и переодеться в платье, которое, должно быть, нашла в чулане; оно было хоть и старым, но чистым.

– Гидропоника, наверное, выдавила фермера с рынка. По дороге сюда мне никто не встретился. Вряд ли кто-то вообще заметил, что я сюда поехала. Я спрятала машину в амбаре. Там гнездятся куры. Кем были те люди, которых ты застрелил?

– Позже, – сказал он. – Сначала скажи, ты помнишь своего отца?

Она озадаченно покачала головой.

– У меня не было отца. По крайней мере настоящего. Это важно?

– Не для меня. Мать тебе ничего о нем не рассказывала?

– Совсем немного. Она умерла, когда мне было десять.

– Тогда почему ты настояла, чтобы доктор взял твою кровь для переливания?

Барбара на мгновение задержала взгляд на старом дощатом полу. Когда она снова посмотрела на Сиберта, ее светло-карие глаза были спокойны.

– Кое-что мне мама все же рассказала, но заставила поклясться, что я этого никому не скажу. Это было для нее очень важным.

Сиберт мягко улыбнулся.

– Вот и не нужно мне ничего говорить.

– Но я хочу, – быстро возразила она. – В этом суть любви, правда, – ты хочешь делиться всем, ничего не утаивая?

Ее лицо озарила застенчивая улыбка.

– Мама сказала, это мое наследство – дар от отца. Его кровь. В ней есть особое волшебство, которое не даст мне состариться, и я всегда буду молодой. Если я с кем-нибудь поделюсь этим волшебством, он снова станет здоров и молод. Но если я кому-нибудь расскажу об этом или сдам кровь – волшебство исчезнет.

Улыбка Сиберта стала шире.

– Ты смеешься надо мной, – сказала она, отодвигаясь. – Ты думаешь, это были просто девчоночьи глупости или моя мать была сумасшедшей.

– Нет, нет.

– Может, это и были глупости, – мягко продолжила она, отсутствующе глядя перед собой. – Может, это все было придумано, чтобы утешить маленькую некрасивую девочку, с которой никто не хотел играть. Может, ее просто пытались убедить в том, что она заколдованная принцесса, которая со временем из гадкого утенка станет прекрасным лебедем. Я тогда в это верила. И когда ты умирал, поверила вновь. Мне хотелось верить в то, что я могу спасти тебя, что это волшебство настоящее.

– Твоя мама говорила правду, – сонно пробормотал Сиберт. – Ты и правда принцесса, прекрасный лебедь. И волшебство – настоящее. В следующий раз...

В следующий раз на обед Сиберту досталось белое куриное мясо с бульоном, в котором плавали хлопья яичного желтка. Он смог ненадолго сесть. Немного дергало рану, и болели мышцы плеча.

Он быстро утомился и спустя пару минут снова рухнул на подушку.

– Твоя мама говорила правду, – повторил он. – Только ничего сказочного в этом нет. В действительности в тебе течет кровь, чьи иммуномодулирующие протеины – гамма-глобу-

лин – способны предотвращать клеточную дегенерацию, побеждая смерть как самую обычную болезнь.

Он рассказал ей историю Маршалла Картрайта, легендарного существа, путешествовавшего по стране и оставлявшего после себя бессмертных детей, как Джонни Эпплсид когда-то оставлял за спиной яблоневые сады. Он рассказал ей об Институте и его основателях, а также об их цели. Рассказал, что был невольным участником всего этого, пока случайно не обнаружил, что ищут остальные.

– Как ты меня нашел? – спросила она, побледнев.

– Я занимался старыми медицинскими документами – записями докторов, историями болезни и тому подобным. Одной из них была карта течения беременности: Дженис Мак-Фарланд, незамужняя. Она родила дочь, Барбару. Ей нужно было переливание; она умирала. Лечащим врачом был доктор Рассел Пирс. Вероятно, он знал твоего отца.

– Почему?

– На обороте одного из бланков с результатами анализов я обнаружил такую запись: *Ребенок здоров, но мать умирает. Связаться с Картрайтом. Единственный шанс.*

– Кажется, это такой пустяк.

– Когда я вытащил информацию из Локка, я узнал, что был прав. Все сошлось.

– Получается, ты обнаружил меня до этого, – сказала она отстраненно.

– Да, – тихо согласился Сиберт, – но произошла забавная вещь: я влюбился в девушку, которую искал.

Выражение ее лица изменилось.

– Ох, слава богу! – с чувством выдохнула она. – На минуту я испугалась...

– Что меня, как вампира, влечет только твоя кровь?

Сиберт с упреком покачал головой.

– Бобс, Бобс...

– Прости! – Барбара сжала его руку, полная искреннего раскаяния.

– Затем ты вернулся за мной, – подсказала она.

– Лес – по крайней мере, я знал его под этим именем – ждал меня, ведя слежку из своей квартиры на первом этаже. А миссис Джентри следила за ним, может быть, даже и не зная, каким было его задание.

– А потом он пытался застрелить тебя потому, что ты не сказал ему мое имя, – быстро продолжила Барбара.

– Нет, не поэтому. Он знал, что я ничего не скажу, но это был самый быстрый способ заткнуть мне рот. Раз уж я сразу направился в этот дом, они были уверены, что смогут найти в нем тебя. Но я выстрелил первым. Миссис Джентри ранила меня и погибла сама, попав под ответный огонь. Все остальное ты знаешь.

– Все остальное? – На ее лице медленно расцветала улыбка; она сияла так, что в комнате становилось светлее. – Все остальное – это награда за то, что нам пришлось пережить. Все будет прекрасно, Эдди, так замечательно, что это кажется невозможным, нереальным. Если то, что ты сказал, – правда, значит, я никогда не умру и смогу сделать тебя вечно молодым, и мы будем вместе всегда.

– Если бы все было так просто! – Он вздохнул.

– А что не так?

– Богатство и страх смерти – чудовищное по своей мощи сочетание. После пятидесяти лет сплошных разочарований, в Институте почуяли кровь. И они не сойдут со следа до тех пор, пока не найдут тебя – и не уничтожат меня.

– Но что же нам тогда делать?

– Я все думаю: каким человеком был твой отец? И вот что приходит мне в голову: он, должно быть, что-то приготовил, чтобы защитить тебя – убежище, помощь. Как только я встану на ноги, мы приступим к собственному поиску.

Электрический «Форд», пытаясь, полз по хайвею со скоростью меньше восьмидесяти миль в час. Это был старенький, пыльный, иссеченный дождями фермерский автомобиль. Поравнявшись со стариком, тяжело плетущимся по обочине, он дернулся и встал.

Седой, бородатый старик не спеша дошел до машины. За рулем сидел фермер средних лет. Старик коротко кивнул в знак приветствия, забираясь внутрь. Захлопнув за собой дверцу машины, он прислонился к ней, угрюмо уткнувшись головой в сложенные руки.

– Незнакомое лицо, – дружелюбно начал фермер. – В наших местах недавно или просто проездом?

– Проездом, – ответил старик надтреснутым голосом.

– Многие нынче куда-то едут, – сказал фермер, размеренно качая головой. – Даже пожилые вроде вас. Гидропоника их задавила, да еще эти рыболовецкие хозяйства, вроде как морские фермы – через пару лет человеку негде будет добыть денег даже на медицинские счета. Так откуда вы, говорите, родом?

– Не говорил.

Фермер пожал плечами и уставился на дорогу.

Десять минут спустя «Форд» проехал мимо того же места. Двигался он в обратном направлении, на перекрестке повернул налево и затормозил. Фермер исчез, а за рулем сидел старик.

Молодая блондинка с практически бесцветными волосами вышла из рожицы и быстро подбежала к машине. Машина тронулась прежде, чем она устроилась на сиденье. Когда она повернулась к старику, стрелка спидометра замерла на отметке в 120 миль.

– Почему ты изменил планы? – задала вопрос Барбара. – Ты сказал мне подождать час, поймать попутку и ждать тебя в Джоппине.

– По уму так и надо было сделать, – ответил Сиберт, – но я не смог. Не смог отпустить тебя одну так далеко.

Он глянул на себя в зеркало обзора и кивнул. Борода и вакса радикально изменили его внешность. После болезни его лицо сморщилось и осунулось. Он выглядел стариком. А его навыки помогли ему ходить и говорить, как старик. Он почти что чувствовал себя стариком.

Хмурый взгляд Барбары прояснился.

– А что ты сделал с фермером?

Сиберт быстро глянул на нее. Почти не прилагая усилий, она изменилась сильнее его. Просто невероятно, что старый добрый пероксид делает с людьми. Она осветлила волосы, и все лицо стало другим. Контраст с ее темными глазами был поразительный. Сиберт почувствовал, как зачистил его пульс.

– Я его вырубил и оставил в каких-то кустах. С ним все будет в порядке. Он придет в себя и найдет помощь, может, доктора.

– Если мы все равно едем вместе, могли бы взять и «Кадиллак».

– К этому времени они уже связали его пропажу с нами, а с вертолета его будет заметно за десять миль. На данном этапе поисков вся территория поделена на сектора и перекрыта. Оставаясь на месте, мы были в безопасности до тех пор, пока они не начали бы прочесывать все вокруг. Но, двинувшись, мы можем привлечь внимание, вызвать тревогу, попасть под наблюдение.

Барбара посмотрела на свои руки, сцепленные в замок на колене.

– Мне все это не нравится – ни стрельба, ни воровство, ни насилие...

– Бобс! – резко прервал ее Сиберт. – Посмотри на меня!

Она подняла глаза, и он встретился с ней взглядом.

– Думаешь, мне это нравится? Но от этого нам никуда не деться. Это всё время, в которое нам приходится жить. И *ты*. Ты просто магнит для жестокости. Ты же принцесса, помнишь, и наследница величайшего сокровища на земле – вечной жизни. Куда бы ты ни пошла, люди будут драться ради тебя, лгать ради тебя, убивать ради тебя.

– Я никогда такого не хотела.

– Ты получила этот подарок при зачатии. Имя ему – жизнь. Так же, как все остальные получают в подарок смерть. С этим ничего не сможешь сделать ни ты, ни кто-либо другой.

После этого салон наполнило молчание.

Когда они подъезжали к Джоплину, Сиберт сбросил скорость.

– Мне это ужасно не нравится, но теперь выбора нет – нам придется разделиться. Они будут искать двух людей и, возможно, уже знают, что это мужчина и женщина. Выходи здесь. Поймай такси и поезжай в аэропорт. Там купи билет на первый самолет до Вашингтона...

– Почему Вашингтон? – быстро встала она.

– Сейчас некогда объяснять. Поверь мне. Я постараюсь сесть на тот же самолет. Ты не должна показывать, что знаешь меня, или заговаривать со мной. Независимо от того, буду я на борту или нет, по прибытии в Вашингтон сними комнату в мотеле рядом с аэропортом под тем же именем, на которое будешь брать билет – скажем, Мария Кассата. С такими темными глазами ты легко сойдешь за одну из этих крашенных итальянок с севера. Если я не появлюсь в течение суток, забудь обо мне. Значит, ты теперь сама по себе.

Она молча выбралась из машины и двинулась прочь. Сиберт не оглянулся.

Старик проковылял по трапу нетерпеливо ждущего самолета так быстро, как только позволяли его больные ноги. Когда он наконец поднялся на борт, самолет подъехал к началу взлетной полосы. Спустя две минуты он был уже в воздухе.

Устроившись на сиденье, Сиберт огляделся с типичным старческим любопытством. Когда он увидел Барбару позади себя, то с трудом сдержал вздох облегчения. Их глаза встретились, но Барбара, не изменившись в лице, тут же вернулась к чтению газеты.

Остаток полета Сиберт не оборачивался – сойти она не могла.

Хотя он не засек наблюдателей в аэропорту Джоплина, без сомнений, они там были. И когда он выполз из самолета в Вашингтоне, украдкой осматриваясь, ни одного знакомого по Институту не увидел.

Он устроился на обшарпанном пластиковом кресле в зале ожидания и наблюдал, как поток людей то увеличивается, то уменьшается, пока не почувствовал, что не в силах больше сидеть спокойно. Почти час прошел, и он не увидел ни одного человека, задержавшегося в зале. Все проходили к билетным автоматам или к выходу.

Он сел на ближайший отъезжающий до мотеля автобус, и тот доставил его прямо к вестибюлю. В компьютере на стойке регистрации он нашел номер комнаты Марии Кассата, поднялся на лифте, спустился по коридору и тихо назвал себя в переговорник на двери. Барбара молча впустила его. Как только дверь за ним закрылась, он распрямил согнутую спину и подхватил ее в объятия.

– Мы это сделали, – радостно объявил он.

Она не отреагировала, оставаясь все такой же напряженной.

– Правда?

– Конечно. Что с тобой?

Она оттолкнула его и взяла газету со столика. Это была газета из Джоплина. Заголовок гласил:

МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ УБИТ НЕПОДАЛЕКУ ОТ АВТОСТРАДЫ

– Ты мне соврал, – сказала она тусклым голосом.

Он медленно кивнул, глядя в ее лицо и пытаясь оценить степень ее разочарования.

– Зачем ты убил его?

– Думаешь, я хотел его убивать? Этого добродушного старикана? – Сиберт скорчил гримасу. – Но это был единственный безопасный путь. Я же говорил тебе, как это все будет. Я не мог допустить, чтобы он поднял тревогу до того, как мы сбежим.

– Да, ты мне говорил.

– Бобс, я сделал это для тебя.

– Да? – Она утомленно прикрыла и тут же вновь открыла глаза. – Ну, может, так и есть. Но теперь ты должен сказать мне правду – хватит с меня лжи – зачем мы приехали в Вашингтон?

Сиберт пожал плечами:

– Абсурдная догадка, предчувствие, интуиция. Я попытался поставить себя на место Картрайта. Он не имел возможности следить за своими детьми; не мог даже связаться с ними и рассказать, кто они на самом деле. Любая необычная мелочь отразилась бы в бумагах или в компьютерах Института и направила бы все ресурсы этой организации на поиски тех, кого Картрайт попытается прикрыть.

– Как это связано с Вашингтоном?

– Перед Картрайтом стояла та же задача, что и у Института: найти своих детей, разбросанных по всем Соединенным Штатам, а то и по всему миру. Ему нужна была штаб-квартира, из которой он мог бы следить за всеми необычными явлениями в стране: значит, она в Вашингтоне. Но он не создавал организацию; любой намек на организованность насторожил бы Институт. Он привлек только нескольких людей, которым мог доверять – одного, максимум двоих. Где должен был бы находиться такой человек, чтобы успешно выполнять свою задачу? Только в одном месте это возможно: в самом Институте. До тех пор пока Институт не обнаружил никого из детей Картрайта, они в относительной безопасности. Но если Институт обнаружит кого-то из них – вот тут-то и придет время действовать агенту Картрайта.

Барбара медленно кивнула.

– Звучит логично. И что ты собираешься делать?

– Связаться с агентом – кем бы он ни был. Я его выкурю, а ты станешь моей дымовой завесой. Я сообщу о тебе в Институт, как обещал, и предложу продать им тебя – за определенную сумму. Агент это услышит – его должность скорее всего позволяет ему слышать много всякого-разного – и непременно свяжется со мной.

А ты, как только я уйду, сразу же съезжай отсюда. Найди комнату в другом месте – по возможности, в частном доме. Используй другое имя. Нет, не называй его мне. То, чего я не знаю, Локк из меня не выбьет. Когда я захочу выйти на связь, я выложу сообщение в Сети. Адресатом будет Леон, Понсе де Леон². Это будет нашим знаком.

– К чему такие предосторожности?

Сиберт мрачно усмехнулся.

– Отныне ты – моя страховка. Пока ты на свободе, они не посмеют убить меня.

Как только такси доползло до остановки перед похожим на куб зданием, Сиберта схватили. Четыре человека с оружием в руках выскочили из машины, ехавшей сзади. Еще четверо выбежали из самого здания.

Они аккуратно и быстро взяли его в кольцо, отобрав маленький пистолет, а затем притащили в кабинет Локка подземным ходом, о котором Сиберт даже не подозревал.

Только Сандерс, делопроизводитель, и Лиз, секретарь Локка, были в приемной, когда они проходили через нее, но и те даже не взглянули на него: как будто его не существовало.

² *Xuán Póncе de León* (исп. Juan Ponce de León; ок. 1460 – июль 1521) – испанский конкистадор, который основал первое европейское поселение на Пуэрто-Рико и во время поисков источника вечной молодости открыл в 1513 году Флориду.

Локк не изменился, а вот кабинет был другим. Один угол скрывался за непреодолимым барьером сияющего света. Локк взмахом руки выставил сопровождающих Сиберта людей из комнаты.

Сиберт распрямил плечи и расправил смятое пальто, а затем тщетно уставился в скрытый светом угол.

– Кто там? – спросил он.

– Для тебя это не имеет значения, – охотно ответил Локк.

Он пристально посмотрел на Сиберта. Затем медленно улыбнулся.

– Итак, блудный сын вернулся, бородатый, изможденный, но такой долгожданный? А постарел-то как. Может, нам заколоть откормленного тельца?

– Зависит от того, кто, по-вашему, этот откормленный телец.

Лицо Локка посерьезнело.

– Что привело тебя назад?

– Деньги.

– За что?

– За ребенка Картрайта.

– И ты можешь доказать, что это – ребенок Картрайта?

– Как вам наверняка известно, – начал Сиберт, расстегивая рубашку, – меня подстрелили чуть больше двух недель назад.

Он распахнул полы рубашки. Шрам на его груди был похож на розовую звездочку.

– Довольно?

Локк поднял на Сиберта взгляд, в котором отразились все прожитые им годы и неутолимый, яростный голод.

– Чего ты хочешь?

– Безопасности: денег и гарантии того, что я останусь в живых и мне сделают переливание по первому требованию.

– Деньги – это легко. Как ты намереваешься добиться остального?

– Мне нужна история Картрайта, целиком, – ровно сказал Сиберт, – документы, письменные свидетельства, все полностью. Я хочу, чтобы она хранилась там, где ее никто не достанет. И в день, когда я не подтверждаю, что жив-здоров, она будет разослана во все новостные издания Соединенных Штатов.

Локк кивнул, обдумывая сказанное.

– Тогда ты решил бы, что в безопасности, да? Любой бы так решил. Ведь мы бы сохранили тебе жизнь даже ценой жизни любого другого. Нам бы это было крайне неудобно, но выбора бы у нас не осталось. Если бы ребенок Картрайта был у тебя.

– Он у меня.

– *Был* у тебя, – мягко возразил Локк.

Он дотронулся до подлокотника кресла.

– Приведите девочку.

Три человека привели ее в кабинет. Она вошла с высоко поднятой головой; глаза обежали комнату. Локк кивнул, и сопровождающие вышли. Как только дверь закрылась, из скрытого светом угла выкатилось электрическое инвалидное кресло. В нем сидел старейший человек, которого Сиберт когда-либо встречал.

Он был абсолютно лыс, лицо и голова казались бесформенной массой серой, сморщенной плоти, покрытой старческими пятнами. На нем выделялись выцветшие глаза, как мраморные шарики на засыхающей плесени. Из вялого рта бесконтрольно текла слюна.

Его взгляд был прикован к Барбаре. Несмотря на всю свою выдержку, она слегка отпрянула назад.

– Не сейчас, мистер Тейт, – сладко пропел Локк, будто бы разговаривал с малышом. – Ее необходимо полностью обследовать, прежде чем мы сможем взять еще крови. Она недавно отдала литр, а ее здоровье на первом месте. Дети, вы же понимаете.

Барбара посмотрела на свое будущее в лице мистера Тейта и вздрогнула. Когда она перевела взгляд на Сиберта, в ее лице не было ни кровинки.

– Зачем ты это сделал? – спросила она.

– Ты все не так поняла, Бобс... – начал он оправдываться.

– Нет, – без всякого выражения сказала она, – я наконец все поняла именно так. До сих пор просто не позволяла себе задумываться, почему ты влюбился в такую посредственность, как я. Все-таки заколдованные принцессы не должны сомневаться в своих рыцарях. Теперь мне все ясно.

– Нет, Бобс! – хрипло возразил Сиберт. – Я действовал по плану...

– По собственному плану, должно быть. Финал ты немного изменил. Ты и правда собирався меня продать. Мне не следовало вообще верить той абсурдной истории, которую ты рассказал в мотеле. Я должна была догадаться, что ты и сам в нее не веришь. Ты слишком жесток, чтобы понимать человеческие порывы. Ты уже убил троих...

– Бобс, я клянусь, это не было частью плана!

– О, в это я верю. Ты оказался хоть и умен, но недостаточно. Они победили. А ты проиграл все. Мне жаль тебя, Эдди. Я любила тебя. И могла сделать бессмертным. Но ты сам упустил свой шанс.

Сиберт не смог выдержать ее взгляда, отвернулся, чтобы не видеть холодного понимания в ее глазах. Когда он снова посмотрел на нее, рядом с девушкой стояли трое сопровождающих. Они повели Барбару к двери; она ушла, не оглянувшись.

– Отведите ее в квартиру под нами, – велел Локк. – Вы знаете, в которую, – она давно готова. По человеку на каждый пост; за ней должны наблюдать каждую секунду. Она попытается покончить с собой. Тот из вас, кто это допустит, будет умирать день за днем целый год.

И вот ее увели. Локк повернулся к Сиберту. На лице его играла улыбка.

– Тебе не победить организацию; ты должен был это понимать. Никто на это не способен. Он на секунду замолк.

– Ты как-то сказал мне, что был не очень хорошим актером, Сиберт. Ты был прав; мы засекли тебя в Джоппине. Когда ты вышел из мотеля, мы схватили девчонку. И теперь мне осталось решить, что же делать с тобой.

– У меня есть страховка, – быстро вставил Сиберт.

– Письмо, которое ты написал перед тем, как тебя ранили? – Локк с жалостью покачал головой. – Обычное дело – проверить почтовый ящик после твоего побега.

Губы существа в коляске шевельнулись; прерывистый шепот просочился в комнату. Локк кивнул.

– Мистер Тейт не видит здесь проблемы: ты должен умереть. Ты видел его лицо. Конечно, ты должен умереть. Вопрос в том, как? Мы могли бы сдать тебя властям за убийство, но ты слишком много знаешь. Отложим пока этот вопрос. У тебя есть время подумать о своем грехе. Одним из старейших грехов – Адам и Ева тоже совершили его – и непростительном к тому же. Это грех излишнего познания.

В камере на одном из бесчисленных этажей под зданием не было ничего, кроме пластиковой койки. Сиберт неподвижно сидел на ней, неспособный ни заснуть, ни перестать думать.

Где-то он допустил ошибку. Однако он был не в силах вспомнить ни одного момента, где он мог бы поступить по-другому. Он должен был позаботиться о себе; кроме него некому. Он должен был заключить единственно возможную сделку, дающую ему бессмертие и защиту от мучительной смерти.

Нельзя победить Организацию. Они с Барбарой не смогли бы постоянно ускользать и вечно прятаться. Однажды их бы обнаружили, и тогда ему пришел бы конец, а ее настигла бы нынешняя судьба. Она была уникальна – слишком редкой вещью, чтобы считаться личностью, и слишком ценной, чтобы не стать чьим-то имуществом. Она предназначалась для использования.

Да, Барбара его любила; его любили многие женщины. Но только потому, что он их изучил, умело играл на их чувствах, ухаживал с неизменным терпением.

Где же он допустил ошибку?

За крепкой стальной дверью – единственным выходом из камеры – скрипнул засов. Сиберт молча поднялся на ноги, и все его тело напряглось, готовясь к чему угодно. Дверь перед ним открылась.

– Лиз!

Она стояла в дверном проеме, впившись взглядом в его лицо. Он в два шага подлетел к ней.

– Я думал, что ты... Лиз! – отрывисто бормотал он. – Я так рад тебя видеть!

В руках у нее был пистолет. Она выставила его перед собой. Он накрыл рукой и пистолет, и ее руку, сжимавшую его. Свою руку она высвободила.

– Лиз! – повторил он. – Я не знаю, что...

– Не говори этого! – велела она. – Ты меня использовал, как использовал всех, кто попался на твоём пути. Ты хладнокровный гад и убийца. Но я не смогла допустить, чтоб тебя убили. Теперь все зависит только от тебя. Больше не попадайся мне на глаза, или я сама тебя убью.

Она отвернулась и быстро пошла прочь, не оборачиваясь.

– Лиз! – шепотом окликнул ее Сиберт. – Где девушка?

Тогда она взглянула на него, ткнула пальцем вверх и пропала из виду.

Сиберт осторожно крался за ней по темному коридору. Когда он добрался до пандуса, ведущего наверх, даже ее шаги стихли. Сиберт легко миновал один пандус. Коридор перед ним был пуст. Он взобрался на второй пандус, удивляясь тишине.

Во втором коридоре на холодном, бетонном полу скрючился человек. Сиберт склонился над ним. Человек тяжело дышал, но на голове и лице не было никаких следов насилия.

Внезапно коридор наполнился лязгом!

Сиберт мгновенно выпрямился и побежал. Через несколько метров он увидел у окна во внутреннюю комнату второго поверженного охранника. Сиберт не остановился.

На верхнем пандусе он опять рванул вперед – и наткнулся на спускающийся вниз отряд охраны. Они тут же выбили оружие у него из рук. После секундного обсуждения двое из них повели его к Локку.

В кабинете бушевала гроза. На стенных экранах мелькали изображения различных комнат, и в каждой царил хаос. Тут и там раздавались крики бестолково суетящихся мужчин и женщин. Локк, отвернувшись от стола к стене и зажав между ухом и плечом телефон, рыча, отдавал приказы прямо в воздух. В углу обмяк в своем кресле мистер Тейт, прикрыв пергаментные веки ввалившихся глаз.

В конце разговора Локк злобно сжал подлокотник своего кресла, и экраны на стене потухли. Вслед за молнией грянул гром – в полнейшей тишине раздался его болезненный стон.

– Она исчезла.

– Исчезла? – эхом отозвался Сиберт.

– Где она? – резко бросил Локк. – Как ты это провернул?

– С чего ты решил, что это я?

– Ты как-то выбрался из камеры. Вырубил пятерых охранников и увел девчонку. Почему ты сам остался, я не знаю, но лучше бы тебе начать говорить прямо сейчас.

Сиберт медленно покачал головой.

– Трудно найти курицу, несущую золотые яйца, – мягко начал он, – но еще труднее сохранить ее.

– Отведите его в переговорную, – приказал Локк.

Охранники крепче перехватили его руки. Существо в коляске выехало вперед; его рот приоткрылся.

– Подождите! – сказал Локк.

Охранники остановились.

– Мистер Тейт прав. Ты упрям, Сиберт, но ты – единственная ниточка, ведущая к девочке. Мы будем сотрудничать с тобой. Если потребуется, выполним все твои требования. Ты все время будешь под наблюдением, ни единого шанса на побег. Я хочу знать только одно: кто тебе помог?

– А разве больше никто не пропал? – негромко спросил Сиберт.

– Сандерс, – рыкнул Локк. – Это не мог быть Сандерс. Он здесь уже двадцать лет.

– И что? – спросил Сиберт, пожимая плечами.

Пожалуй, он прикроет Лиз, она еще может ему пригодиться.

Он потерял Барбару, но получил отсрочку. И она продлится до тех пор, пока не иссякнет терпение этих людей, которые день за днем все ближе к смерти и уже боятся спать по ночам.

Теперь им не поймать Барбару. Только не девушку, протащившую смертельно раненного человека сквозь их кордоны, спрятавшую и выхотившую его, попавшуюся в их лапы только потому, что этот самый человек притащил ее прямо в их логово.

Теперь она станет умнее. Никакого доверия – никому. Этому бессмертные учатся быстро.

Возможно, подумал Сиберт, скоро ему представится шанс сбежать; и он должен быть готов. Он сыграет в эту игру, подождет, посмотрит, и, прежде чем они поймут, что он не связан с побегом Барбары, его время придет.

Конечно, потом его не ждет ничего приятного. Сколько бы ни продлилась его жизнь после побега, он станет дичью для могущественных, ослепленных страхом людей. А сам в то же время будет продолжать бесполезные поиски заколдованной принцессы, скрывающейся под маской простой смертной – той, чей бесценный дар он отверг.

Но сейчас он не будет думать об этом. Размышляя о том, как повернулась ситуация, он иронично ухмыльнулся: невероятная история, которую он сочинил для Барбары, оказалась правдой!

Сандерс! Двадцать долгих лет этот бесцветный, почти безликий человечек ковырялся в пыльных бумажках и ждал случая, который мог никогда не представиться. *Двадцать лет!* Картрайт пропал как раз двадцать лет назад. Совпадение слишком поразительное, чтобы быть случайностью.

Ему не в чем было упрекнуть себя. Кто бы мог подумать, что человек, имеющий в распоряжении вечность, рискнет ею ради ребенка, которого никогда не видел?

Часть третья

Эликсир

*...Мы благодарно славим
Известных всех богов...*

Алджернон Чарльз Суинбёрн

Мышь, лежащая на столе из нержавеющей стали, была мертва, и ее темные, пустые глаза слепо взирали на мир, для нее и ее сородичей состоявший из клетки, в которую прямо с небес падали нектар и амброзия, и руки, которая время от времени спускалась, чтобы погладить по шерстке и ввести им неизвестную жидкость. Но так ли уж заметно отличалась ее жизнь от жизней тех, кто использовал ее в своих экспериментах?

Изолированная лаборатория без единого окна сверкала стерильной чистотой. Она совсем не напоминала лаборатории из фильмов, с их пробирками, загадочно дымящимися ретортами и мигающими лампочками. Будучи биологической лабораторией в крупном госпитале, она вся состояла из нержавеющей стали и стекла. Тут и там на вымытых столах стояли различные приборы: микроскопы, автоклавы, центрифуги, холодильники, чашки Петри и компьютеры, и все это оборудование ежедневно утром и вечером обрабатывалось антисептическим раствором. Ко всему этому добавлялось невидимое глазу излучение ультрафиолетовых ламп, а единственный вход представлял собой шлюзовой отсек, в котором давление было ниже атмосферного.

Посреди этих символов современной науки доктор Рассел Пирс выглядел неуместно – пожилой, носящий в себе множество различных микроорганизмов, помятый и унылый. Его последняя попытка создать эликсир жизни искусственным путем провалилась. Сначала этот синтетический протеин крови казался весьма многообещающим; некоторые мыши, которым в ходе двойного слепого эксперимента вводился тестируемый препарат, стали более активными, а слабеющие и умирающие, как выяснилось, получали плацебо. Но теперь прямо перед собой он видел доказательство провала – умершую от старости мышь, чей номер на маркировке означал, что она получала препарат, являющийся, как надеялся Пирс, эликсиром жизни. В действительности эта мышь была последней из группы, получавшей только что разработанную панацею – чудесную жидкость, лечащую болезни, дающую молодость старикам и неограниченно увеличивающую срок жизни.

Пирс вздохнул, внес результаты в компьютер и устался на заставку экрана взглядом таким же пустым, как и у мертвой мыши, лежащей перед ним. Это был долгий путь, начавшийся пятьдесят лет назад, когда безработный бродяга сдал 500 кубических сантиметров крови и эта магическая красная жидкость вернула молодость умирающему миллиардеру. Но молодость вернулась только на то время, пока чужой гамма-глобулин давал ему иммунитет, то есть всего на тридцать-сорок дней. И вот уже пятьдесят лет Пирс искал секрет бессмертия, наверное, так же истово, как стареющие сильные мира сего искали Маршалла Картрайта и его детей.

Заместитель директора по административной части занимала один из наиболее удобно расположенных угловых кабинетов в здании Медицинского центра. Окна, выходящие на запад и юг, позволяли насладиться осенним солнцем и прекрасным видом на зеленеющий пригород, а не на протянувшийся с севера на запад город, похожий на огромную раковую опухоль. Все в этой комнате, напоминавшей английскую библиотеку семнадцатого века, включая полки светлого дерева и массивный письменный стол, на самом деле было куплено в одном из поместий

Британии, доставлено в разобранном виде и собрано вновь на Среднем Западе США, в городе-высочке. Это была своеобразная дань, которую молодость платит былым традициям.

Заместитель директора выглядела юной и неискушенной, к тому же испытывала явную неловкость не столько от необходимости поговорить с Пирсом, сколько от того, что вынуждена была ему сообщить, и он ждал, пока она начнет, с выработанным годами терпением. Вот она отодвинула кресло подальше от окон и спросила:

– Сколько вы уже работаете над воплощением мечты Понсе де Леона?

– Пятьдесят лет, – ответил Пирс.

– Не слишком ли долго вы преследуете цель, больше похожую на болотные огни?

– Неисчислимые богатства и бессмертие – две главные мечты человечества. Я просто пытаюсь воплотить одну из них.

– Но ведь даже сам Понсе де Леон в итоге сдался.

– Его поиски прервала смерть от рук дикарей.

– Превращение свинца в золото и создание эликсира жизни, – задумчиво произнесла она, нахмутив гладкий лоб. – Алхимики оставили свои бесплотные поиски, когда было научно доказано, что воплотить эти идеи в жизнь невозможно.

– Не совсем так, – поправил ее Пирс. – Алхимики превратились в химиков и физиков и научились превращать свинец в золото, но это оказалось очень дорого. А некоторые из них, став биологами, придумали, как увеличить срок жизни, но поняли, что тогда придется снизить рождаемость, чтобы избежать перенаселения, глобального загрязнения, голода и эпидемий.

– Похоже, вы интересуетесь и историей медицины, – заметила она. У нее на уме, безусловно, было что-то еще, помимо знакомства с профессорским составом центра. – Теперь мне понятно, почему вы стали старшим гериатром в штате госпиталя.

Она заглянула в папку, открытую перед ней.

– Более того, старшим терапевтом в Медицинском центре.

Пирс печально улыбнулся.

– Не так уж трудно стать старшим. Тут весь фокус в том, чтобы пережить остальных. Когда-то я был молодым гериатром. А теперь вполне могу стать собственным пациентом.

– Именно поэтому мне нелегко сказать вам то, что я должна. – Ее щеки вспыхнули румянцем. – Вы – легенда. Вы так много сделали для этого госпиталя и как наставник, и как врач...

Пирс не торопился, хотя уже понял, к чему она клонит. Он не собирался облегчать ей задачу, несмотря на то что она была явно смущена.

– Денежные средства на ваши исследования не поступили.

– Национальный исследовательский институт решил прекратить финансирование?

Она кивнула.

– Кстати, а что за организация этот Национальный исследовательский институт? В первый раз о нем слышу.

– Несмотря на слово «национальный» в названии, это целиком и полностью частная благотворительная организация, спонсирующая исследования в области изучения причин старения и способов их предотвращения. Больше мне ничего неизвестно. Они сами обратились ко мне много лет назад, и с тех пор нас с ними связывают только мой ежегодный отчет и запрос на продление финансирования. До сих пор в Институте живо интересовались отчетом и с готовностью выделяли фонды на дальнейшие исследования. Очевидно, теперь перестали.

– Мы получили уведомление о прекращении финансирования только сегодня.

Пирс задумался.

– А о провале последнего эксперимента стало известно вчера. Странно.

– Что странно?

– Совпадение. Судя по моему опыту, большинство совпадений вовсе таковыми не является.

– А вот так называемые заговоры чаще всего оказываются совпадениями, – добавила она. Пирс рассмеялся.

– Верно, и это, без сомнений, можно отнести к нашей ситуации.

– Как бы то ни было, уведомление пришло в положенное время, в ответ на наш запрос.

– Они сообщили причины отказа?

– Нет. Просто не возобновили грант. Может быть, вам удастся достичь каких-либо результатов за те месяцы, что будет действителен предыдущий грант. Или же вы сможете убедить Институт возобновить финансирование.

Пирс улыбнулся.

– После пятидесяти лет без мало-мальски удачного результата? В общем, меня не удивляет, что у них кончилось терпение. И спасибо вам, госпожа заместитель.

– Пожалуйста, зовите меня Джулия, – попросила она. – Кстати, вы забыли о третьей главной мечте человечества.

– О какой?

– О любви, – сказала она, залившись краской смущения. Румянец шел ей необыкновенно, однако мог изрядно затруднить исполнение ею служебных обязанностей.

– Эту мечту алхимики отдали на откуп волшебникам, – заметил Пирс. – Может быть, не считали ее одной из главных. А возможно, надеялись купить любовь за золото.

– Или за обещание бессмертия, – добавила она.

Он уже собрался уходить, но ее голос заставил его остановиться в дверях.

– Пятьдесят лет, – протянула она. – Вам сейчас, должно быть...

– Девяносто, – закончил Пирс.

– Вы выглядите максимум на пятьдесят, – уверила она. – Если бы я не знала точно, что эликсира не существует, решила бы, что вы все-таки его нашли, но скрываете для личного использования.

– Хорошие гены, – пояснил он, – и сила позитивного мышления.

А затем, когда массивная деревянная дверь захлопнулась за его спиной, он остановился в коридоре, пропитанном тем особым больничным запахом, который для Пирса был более ярким символом медицины, чем стетоскоп и скальпель, и задумался о том, что же ему теперь делать.

Он опоздал к началу обхода, но вызов от Джулии Хадсон был срочным. Теперь ему показалась удивительной та спешка, с которой его уведомили о прекращении финансирования. И непонятно было, почему заместитель директора по административной части сообщила об этом лично, а не передала обычным путем. Возможно, после всех этих лет, правление все же решило от него избавиться. Это бы объяснило, почему Хадсон не предложила финансировать его исследования за счет их Центра. А может быть, она просто старалась таким образом смягчить удар, а у него снова разыгралась паранойя.

Но скоро все это отошло на задний план, вытесненное из головы мыслями о пациентах, ждущих его в каждой палате гериатрического отделения госпиталя. Старение населения стало причиной того, что его отделение теперь занимало столько же места, сколько два соседних, вместе взятых.

Группа студентов третьего года резидентуры, которой он руководил, опередила его на обходе. Но его ординатор и ассистент, Том Барнетт, прекрасно справлялся и с руководством группой, и с временным замещением самого Пирса. Тот был уверен, что Барнетт надеется однажды занять его место на постоянной основе. Одной из главных проблем долголетия, особенно в профессиональной среде, было то, что молодые пробивались наверх с трудом: дорогу загромождали тормозящие, а то и вовсе заглохшие развалюхи. Смерть служила эволюции для улучшения биологических видов, и если она не приходила вовремя, течение основных жизненных процессов нарушалось.

Будучи одним из препятствий на пути у прогресса, Пирс чувствовал некоторую неловкость из-за того, что не бросал ни практику, ни исследовательскую деятельность. Но он никогда не был женат, и работа все эти годы оставалась для него смыслом жизни. К тому же он совсем не чувствовал себя девяностолетним стариком. На самом деле в душе ему осталось столько же лет, сколько было на момент истории с омоложением Лероя Уивера. Он совершенно точно был не хуже любого врача в госпитале – напротив, на порядок лучше, учитывая его пятидесятилетний опыт работы. А его исследовательские навыки в разы превосходили те, которыми он обладал в сорок, когда феномен Маршалла Картрайта заставил его взяться за эти исследования.

Теперь, переходя из палаты в палату, от койки к койке, слушая пульс тут, шупая лоб там, заглядывая в бланки с историями болезней, радостно приветствуя, называя пациентов по именам, тепло прощаясь, он отмечал их возраст. Сейчас шестидесяти- и семидесятилетние среди них встречались реже, чем в то время, когда он только начинал работать. Большинство из них отметили восемьдесят или девяносто, а некоторым и вовсе было уже под сотню лет.

Люди стали жить дольше, но теперь те болезни и сбои в работе организма, с которыми ранее человечество не сталкивалось, в старости делали их жертвами различных дегенеративных и раковых заболеваний. Пусть ты не страдаешь от сердечной недостаточности, но с годами заработал рак простаты; почки и печень в отличном состоянии, но мозг поражает инсульт или болезнь Альцгеймера. А лечение стариковских болезней обходится намного дороже, чем быстрая и легкая смерть в молодости или зрелом возрасте. Даже если учесть болезни, связанные с синдромом приобретенного иммунодефицита. Неудивительно, что общественные издержки на медицинское обеспечение выросли до небес и сегодня лечить берутся только тех, кто готов платить. А остальным приходится прибегать к традиционной медицине: различного рода панaceaм, услугам целителей и тех немногих клиник – таких как эта, – где принимают всех больных. Если речь идет о пожилых пациентах, то на них в основном испытывают новые средства лечения возрастных болезней. Однажды, подумал Пирс, те немногие, кто способен оплачивать лучшее лечение, станут полностью от него зависимы, и тогда медицина, пытаясь найти источник вакцин, антител и даже антибиотиков, снова повернется к другим, которые сейчас лишены всех преимуществ современного здравоохранения.

Пирс предвидел наступление тех времен, когда медицина станет новой религией, обычные люди начнут поклоняться врачам, а те – точь-в-точь как знахари со своими трещотками для успокоения злых духов – станут священнослужителями при новом божестве. Место алтаря займет хирургический стол, а причастие станут проводить антибиотиками и витаминами.

Пирсу удалось догнать свою группу до того, как обход закончился. С каждым годом студентов у него становилось все больше, и причиной тому был рост гериатрического отделения. Гериатрия была перспективной отраслью, и студенты, знакомые с последними трендами в медицине, не жалели время и старания на получение связанной с ней специальности. Пирс задумался, не это ли когда-то повлияло и на его выбор, но тот был сделан так давно, что тогдашний Пирс казался незнакомцем Пирсу нынешнему, и никаких ярких воспоминаний не осталось.

Он незамеченным остановился в задних рядах группы, пока Барнетт заставлял всех по очереди ощупывать пациента, несчастного мистера Сэма Айкенса, страдающего хроническим нефритом, а затем забрасывал будущих врачей каверзными вопросами, как будто пытаясь подловить их на ошибке и продемонстрировать собственные эрудицию и остроумие, показать всем не только важность образования, но и свою правоту. Таким был один из методов обучения, и Пирс испытал его на себе в медицинской школе, а затем и в посменном, три через три, аду резидентуры, но сам он этот метод никогда не применял. Мгновенный ответ не всегда оказывался верным, а тщательность зачастую была важнее скорости.

Мистер Айкенс был из тех, кто не в состоянии самостоятельно оплатить лечение. К платному пациенту Барнетт отнесся бы более внимательно.

Барнетт соображал быстро, но, так же как и тщательность Пирса, это не принесло никакого результата в разработке формулы эликсира. Конечно, печально подумал Пирс, все неудачи похожи, в них нет особой разницы.

– Я продолжу, доктор Барнетт, – сказал он, продвигаясь в первые ряды группы. Он заметил и облегчение на лицах студентов, и неохоту, с которой Барнетт освободил свое место. Нужно что-то придумать для Барнетта, решил про себя он, рассказывая студентам о мистере Айкенсе, его жизни и семейном положении, а затем обращаясь к нему с просьбой описать свои ощущения. Он попросил каждого студента взять пациента за запястье и посчитать пульс, хотя для таких измерений существовало специальное устройство, чьи данные фиксировались на мониторе над кроватью вместе с прочими показателями жизнедеятельности. Затем предложил мягко ощупать спину мистера Айкенса, чтобы почувствовать его боль, *увидеть болезнь изнутри*.

– Все эти устройства, – сказал он, обводя комнату рукой, – замечательны, но они не заменяют чутья врача, его заботливого – можно даже сказать, исцеляющего – прикосновения.

Отпуская студентов, Пирс заметил, что реакция на его слова была неоднозначной. Кто-то явно испытал облегчение, увидев, что лечебный процесс пока не стал полностью механизированным. А те, у кого имелись проблемы с общением, были возмущены попыткой старого доктора заставить их не просто запоминать части тела и названия препаратов, что удавалось им лучше всего. Барнетт ушел до того, как Пирс смог рассказать ему, какой ответ пришел на запрос о выделении средств. Вернувшись в свой кабинет, он развернул клочок бумаги, который мистер Айкенс сунул в его руку во время осмотра.

«Вы нужны мне, – гласила записка. – Приходите в дом № 3416 по Десятой Восточной сегодня вечером и спросите Мэрилин. Уничтожьте эту записку. Мы оба в опасности».

Район, где находился этот дом, когда-то считался зажиточным, но с тех пор уровень дохода тех, кто селился там, значительно упал. И хотя теперь это был район бедняков, люди, жившие в нем, были отнюдь не безнадежны. Он не входил в старую, центральную часть города, но ее метастазы уже распространились и здесь, и Пирсу, покинувшему относительную безопасность автострады, пришлось пересечь места, отравленные раковыми клетками нищеты. Окна в машине были пуленепробиваемыми, и он всю дорогу не опускал их, вознося молитвы Гефесту, богу ремесленников, с надеждой на то, что двигатель его автомобиля собирали на века.

Дом стоял среди узких двухэтажных зданий, выстроенных на крохотных клочках земли. Несомненно, когда-то в таких домах селилась одна семья, но сейчас, как подозревал Пирс, их поделили на комнаты множество людей. Навигатор проложил маршрут сюда, но Пирс не смог бы определить, какой из домов ему нужен, если бы не обнаружил старую табличку с надписью «Десятая улица», а затем один из немногих уцелевших на домах номеров, сообщающий, что это квартал 3400. У дома на запад от Пирса на козырьке над подъездом были косо закреплены цифры «4» и «1», а на том, что был прямо перед ним, висела шестерка. Позади дома, в темноте белела стена какого-то бетонного строения, возможно небольшой фабрики или гаража. Перед домом расположился участок, загроможденный железными трубами, заваленный ржавеющим строительным оборудованием и обломками маленькой буровой вышки.

Там, где раньше был небольшой палисадник, теперь сделали парковку, но, помимо автомобиля Пирса, там стоял только проржавевший остов какой-то машины, с которого давно сняли колеса. Пирс предпочел бы припарковаться где-нибудь позади дома, подальше от любопытных глаз, но парковка была слишком узкой для подобного маневра. Пришлось оставить машину тут, положившись на удачу и ее собственные защитные устройства.

Он осторожно выбрался наружу, зажав свой черный чемодан в руке и мысленно поражаясь, зачем он ответил на этот анонимный крик о помощи. Это, безусловно, могла быть ловушка. Случалось, что врачей похищали бандиты, которым было необходимо лечение, медицинское

оборудование или медикаменты. Но очень редко врачу сознательно пытались причинить вред, и Пирс полагал, что Айкенс не стал бы ввязываться в такое дело.

Он аккуратно двинулся вверх по деревянной лестнице, включив фонарик на крыльце, отсутствием досок напоминавшем щербатый рот обитателя гетто. Дверь подъезда была не заперта, и, толкнув ее, Пирс заметил, что дверной косяк выбивали, и, похоже не один раз, пока жилыцы не смирились с неизбежным злом.

В холле было темно. Фонарик Пирса осветил пустой патрон под потолком; даже если бы лампочку удалось достать, и электричество не отключили давным-давно, ее все равно бы украли. Из холла ступени вели на лестничную площадку, к двери, а затем снова поднимались на таинственный второй этаж. Направо от Пирса была арка, когда-то, должно быть, служившая проходом в гостиную. Но теперь она была заколочена листом фанеры, целиком покрытым граффити. Фанеру красили снова и снова, в тщетной попытке поддержать хотя бы видимость приличий, но граффити проступали под краской, как буквы на древнем палимпсесте³.

В центре фанерного листа вставили откидную панель, выполняющую роль двери. На ней не было ни номера, ни таблички с именем – те, кто знал, зачем пришел, знали и кто внутри, а всем остальным здесь нечего было делать. *Кроме меня*, подумал Пирс и постучал.

– Входите, – произнес женский голос.

Он толкнул дверь-панель и замер, ослепленный светом фонарика. Ему показалось, что в темноте за фонариком прячут оружие.

– Мэрилин? – спросил он.

Свет погас.

– Вы доктор Пирс?

– Да.

Зрение вернулось к нему только несколько секунд спустя.

– Меня зовут Мэрилин Ван Клиф, и мне нужна ваша помощь.

Теперь он мог оглядеться. Масляная лампа, стоящая на старом карточном столике, освещала женщину, сидящую в огромном, потертom откидном кресле. На коленях у нее лежал фонарик, а на столике под лампой – старомодный револьвер. Она оказалась привлекательной, с короткими каштановыми волосами и огромными карими глазами, в которых читалась настоящая рожденность, но не страх. Однако самым привлекательным в ней было ее очевидное здоровье; она выделялась посреди моря болезней, словно подсвеченная им изнутри.

С первого взгляда Пирс решил, что ей чуть больше двадцати, но затем внимательнее взглянул в ее глаза; они видели много радости, но и горя, и страданий тоже немало.

– Какая помощь? – спросил он.

– Вам лучше зайти и закрыть дверь. Она не сможет послужить никому серьезным препятствием, но даст мне время подготовиться к защите, – спокойно объяснила она.

– Кого вы ждете? – спросил он.

– Вас и тех, кто может прийти за вами следом.

– За мной никто не следит, – нетерпеливо заявил Пирс. – Повторюсь, что за помощь вам нужна?

– Я беременна, – ответила она. И встала. Она оказалась женщиной крепкого телосложения, среднего роста и была действительно глубоко беременна, возможно, месяце на восьмом или больше, предположил Пирс.

Он слегка повернулся к двери.

– Я не акушер. За последние шестьдесят лет я принял только одни роды. Вам нужна акушерка.

³ *Палимпсест* – древняя рукопись, написанная на писчем материале (гл. обр. пергаменте) после того, как с него счищен прежний текст.

– Эти роды будут довольно непростыми. Возможно, мне потребуется больше, чем помощь акушерки.

– Откуда вы знаете?

– Просто знаю, – ответила она.

– Тогда вам нужно в больницу. Если у вас нет денег, существуют больницы для нуждающихся. Студентам надо где-то практиковаться.

– Они возьмут кровь на анализ, – невыразительно сказала она.

– Просто несколько обычных анализов: определяют группу крови, на случай переливания, тест на наркотики, болезни, анемию – но это все для вашего же блага.

– Мне нельзя, – возразила она. – Поэтому мне нужны вы.

Он устало покачал головой.

– У меня был тяжелый день. Если акушерка вам не поможет, а в госпиталь идти нельзя, то и от меня толку не будет.

– Вы еще не догадались? – спросила она. – Я – урожденная Картрайт.

Бег мыслей в голове Пирса замедлился, ему потребовалось время, чтобы связать заявление Ван Клива с образом Маршалла Картрайта, спрятанным в глубине его памяти. После пятидесяти лет поисков он все-таки нашел ее, свой Святой Грааль! Но она оказалась в ужасной опасности – и он вместе с ней.

– Безусловно, в больницу вам нельзя, – согласился он. – Даже если бы я сам вас оформлял, мне не удалось бы принять роды, не привлекая внимания, а какое бы то ни было внимание в вашем случае смертельно опасно. Но с чего вы взяли, что роды будут сложными?

– Женщины Картрайтов созревают поздно. Мне пятьдесят лет...

– Первое поколение, – догадался он. Картрайт, не тратя время даром, взялся воплощать в жизнь пожелание Пирса плодиться и размножаться.

Она кивнула.

– Возможно, менопауза нам не страшна. Это еще только предстоит выяснить. Однако наши органы сохраняют свою молодую форму, и шейка матки может не раскрыться в должной мере для естественных родов. Я никогда не болею, а все повреждения заживают быстро, у ребенка должно быть так же, но он может просто задохнуться в родовых путях. Может понадобиться кесарево.

Пирс оглядел комнату. Она не казалась грязной. Ее подметали, возможно, даже мыли, но налет въелся в крашенные стены, деревянный пол и древнюю мебель так глубоко, что одними только мылом и водой с ним справиться не удавалось.

– Условия далеко не самые подходящие.

– Не здесь, – уточнила она. – Время еще не подошло.

– На каком вы сроке?

– Девять месяцев. – Она подняла руку. – Но Картрайты носят детей на неделю дольше. Мне рассказала это моя мать. Она умерла, когда мне было пять. Она так и не оправилась после моего рождения. Но успела рассказать мне об отце – бродяге, который, по ее словам, любил ее, но не мог остаться и позаботиться о нас с ней. С тех пор я жила сама по себе, и весьма неплохо, надо сказать, хотя всегда помнила, что меня ищут и нужно скрывать, кто я. Но, – с легкой горечью в голосе добавила она, – женщине всегда приходится скрывать свое превосходство над мужчиной.

– А что с вашим мужем?

– С ним? – Женщина рассмеялась. – Он был не вполне мужем, но я тогда совсем не разбиралась в намерениях мужчин. Моей ошибкой стало то, что я забеременела от него. Он исчез, как только узнал об этом.

– Вы никогда ему не рассказывали о своих... особых возможностях?

– Дать ему вечную молодость? – Улыбка, хоть и горькая, преобразила ее лицо, сделав его, по мнению Пирса, почти красивым. – Считаете, что этого заслуживает любой, с кем спишь? Наверное, моя привычка все скрывать въелась слишком глубоко.

Она тряхнула головой.

– Нет, я бы никому об этом не сказала.

– И вы все это время существовали вот так? – Он обвел комнату рукой, словно объединяя этим жестом и дом, и район, и соседей, и всю грязь, неустроенность и упадок вокруг.

– Все не так, как вы думаете, – возразила она. – Здесь много хороших людей, возможно, даже больше, чем среди тех, у кого есть медицинская страховка. Я не все время жила здесь, хотя вам не найти лучшего укрытия, чем место, где анонимность – образ жизни. Иногда я позволяла себе выбиться в средний класс, но нигде не могла задерживаться надолго, иначе велики были шансы, что меня начнут подозревать или даже раскроют.

Труднее всего было осознавать, что я в силах помочь больным или раненым, но не могу себе этого позволить. Если я позволю жалости победить осторожность, пойдут разговоры, ищейки возьмут след и погоня начнется. Вы понимаете?..

Она замолчала, не в силах продолжать.

Пирс медленно кивнул.

– У меня были пациенты, которых я мог бы спасти, используй я все доступные ресурсы, но я этого не сделал, потому что лекарства были чрезмерно дорогими или их просто не хватало на всех. Решение, кому жить, а кому умирать, – то, что называется установлением очередности медицинской помощи.

– Все еще хуже, когда осознаешь, что сам являешься фонтаном вечной молодости.

– А откуда вам известно мое имя?

– Это еще одна часть легенды, ставшей моим наследством: кто-то вроде крестной матери, к кому я могу обратиться в крайнем случае. «Есть такой доктор Пирс, – говорила мне мать. – Ты можешь довериться только ему, но обратиться к нему можно только тогда, когда действительно будешь в тяжелом положении».

Она снова рассмеялась, положив руки на свой раздутый живот.

– Полагаю, что как раз теперь я – в тяжелом положении.

Он кивнул.

– Такое уже случалось однажды, и я постарался помочь. И вам помогу, конечно. Но, – замялся он, – могу я взять у вас кровь на анализ? Я пытаюсь воссоздать кровь Картрайтов искусственно с тех пор, как встретил вашего отца, но первоначальные образцы закончились довольно давно, и мне пришлось двигаться наугад. А ваша кровь может дать мне необходимую подсказку.

– Считаете, это разумно?

– Создание подобного эликсира?

Она кивнула.

– Я много об этом думал. Знания можно использовать во благо и во вред, но в целом наличие знаний – это лучше, чем их недостаток. Сначала я его создам, а потом придумаю, что с ним делать.

– Если вам это позволят, – уточнила она. – Но, обращаясь к вам за помощью, я не могу отказаться внести посильную плату. – Когда он достал шприц, бутылку со спиртом и губку, она добавила: – Тем более после родов в вашем распоряжении окажется плацента и наполненная кровью пуповина.

Он замер, не закончив вводить шприц. Ну конечно! Помимо генов, важную роль в формировании ребенка и снабжении его всем необходимым играли пуповина и плацента. И кто мог знать, какое волшебство содержится в них?

– Но вы должны поклясться, что не будете доверять никому, – потребовала она.

– У меня есть ассистенты, – уточнил Пирс.

– *Никому.*

Он кивнул и вернулся к своему занятию. Когда он закончил и убрал полученный образец в холодильный отсек своего чемоданчика, она сказала:

– Я уйду через черный ход. – И добавила, взяв фонарик и револьвер: – Ваши преследователи окажутся здесь с минуты на минуту.

Что ж, Пирсу было далеко до ее паранойи.

– Когда мне нужно будет вернуться?

Она остановилась в дверном проеме, вырезанном в фанерной стене на другом конце комнаты.

– Меня *здесь* уже не будет. Я отправлю вам весточку с местом и временем встречи. Будьте осторожны, доктор Пирс. Вокруг больше предателей, чем вы можете себе вообразить.

С этими словами она исчезла.

* * *

К тому времени как Пирс выбрался из дома, на мир опустилась темнота. Ночь принадлежала тем, кто скрывал свои пороки, прятался в тени, таил преступные замыслы. Фонарик Пирса осветил сначала крыльцо, затем асфальт парковки и машину. Похоже, здесь было так же пустынно и безлюдно, как в момент его приезда, но нервы звенели от напряжения и предчувствия опасности. Он пожал плечами и издал какое-то подобие смешка. Ван Клив заразила его своей паранойей.

А затем, когда он миновал лестницу и двинулся к своему автомобилю, какая-то чудовищная тень возникла у него за спиной, и ему пришлось резко повернуться, осветив фонариком громадное, потрепанное и небритое существо, уже занесшее дубинку для удара. Это так напоминало кошмар в его лучших традициях, что Пирс чуть было не рассмеялся.

Но такой возможности ему не представилось. С улицы донесся голос, крикнувший:

– Ни с места! Замри!

Когда Пирс повернулся на голос, тень за его спиной дернулась назад. Луч лазера прочертил темноту, кто-то вскрикнул, но, пока Пирс разворачивался к нападавшему, тот уже исчез.

– Кто здесь, – позвал он, хотя был уверен, что узнал голос.

– Доктор Пирс? – произнес голос, приближаясь к нему. – Вы в порядке?

Когда человек вышел на свет, Пирс наконец смог разглядеть своего спасителя.

– Том, – выдохнул он. – Что ты здесь делаешь? – Он на секунду вспомнил слова Ван Клива о том, что за ним следят, и тут же выкинул эту мысль из головы. – Не подумай, что я не рад тебя видеть.

– Я проходил мимо контрольного пункта по пути домой, – сказал Том Барнетт, – и на карте увидел, что идентификатор вашей машины – в опасной части города. Я решил, что ее могли угнать или же похитить вас, поэтому сообщил в полицию, а сам немедленно поехал сюда. Но что здесь делаете вы?

Вот в чем дело! Ну конечно. Компьютеризированная навигационная система автоматически указывала местоположение транспортного средства. Не было никакой нужды следить за ним. Даже если бы он подумал об этом заранее и поверил предупреждению об опасности в записке, как бы он добрался сюда пешком и насколько это было бы разумно?

– Я один из немногих врачей, которые до сих пор выезжают на дом, – шутливо заметил Пирс. – Старая привычка, с которой трудно справиться.

В голове мелькнула мысль: Ван Клив настаивала, что доверять нельзя никому.

– Мне передали записку, кто-то просто сунул в руку.

Лучше придерживаться правды, насколько это возможно, подумал он, а электронные сообщения оставляют след, который можно проверить.

– Я подумал, это, должно быть, кто-то знакомый, но когда я добрался сюда, то понял, что произошла какая-то ошибка.

– Вам бы лучше прекратить это, Расс, – посоветовал Барнетт. Его голос был хриплым от волнения. – Вы не молодеете, к тому же вы слишком ценный специалист и кто-то может попытаться схватить вас.

– Да кому я нужен? – рассмеялся Пирс. – Но ты прав: времена нынче опасные. Ты упомянул, что вызвал полицию? Лучше бы предупредить их, что это ложная тревога, прежде чем нас заставят отвечать на кучу вопросов, и вернуться на территорию больничного комплекса, пока напавший на меня туземец не привел своих друзей.

– Вы езжайте вперед, а я за вами, – предложил Барнетт.

Пирс кивнул и кинул свою сумку с бесценным содержимым на переднее сиденье, где она была у него под рукой, затем развернул машину на улицу, осветив фарами автомобиль Барнетта. Тот был новее и сильнее укреплен, чем его собственный, и Пирс удивился, как Барнетт смог его купить на обычную зарплату резидента. Возможно, деньги достались ему в наследство, а может, помогла семья или покровитель, чью линию поставок он лоббировал.

Они повторили маршрут Пирса, но в этот раз, с сопровождением и под охраной лазерного пистолета Барнетта, ехать было спокойнее. По дороге на Пирса накатила усталость. День был долог и наполнен утомительными событиями, так что сейчас он ощущал каждый год из своих девяноста. Чувство огромного облегчения нахлынуло на него, когда машина миновала охраняемый въезд на территорию медицинского центра и подъехала к жилому комплексу, в стенах которого ему не было страшно ничего, кроме атаки тяжеловооруженного военного отряда.

И все же, желая Барнетту доброй ночи и снова благодаря его за спасение от ограбления, а то и смерти, он не мог не удивляться тому, что полиция так и не приехала.

Ранним утром эхо шагов разносится по больничным коридорам так же гулко, как по ночным тротуарам, и Пирс с трудом подавил неприятное ощущение преследования, направляясь в лабораторию с пробиркой бесценной жидкости, до сих пор спрятанной в его чемоданчике. Его чуткий, как у всех пожилых людей, сон чаще обычного прерывался беспорядочными воспоминаниями, позывами мочевого пузыря, предутренней бессонницей, и, наконец поддавшись нетерпению, он поднялся и стал собираться на работу. Скоро коридоры заполнятся тележками с завтраком, каталками, везущими пациентов на анализы или операции, медсестрами, спешащими по своим нескончаемым делам, и госпиталь снова вступит в грандиозную битву между здоровьем и болезнью, жизнью и смертью. Но он добрался до своей лаборатории в недрах цокольного этажа, встретив всего пару ночных сестер, позевывающих на своих постах.

Пирс перелил половину крови в другую пробирку, запечатал ее и вернул в свой чемоданчик. Другую половину он залил в градиентную трубку⁴, разбавил хлоридом цезия и поместил в ультрацентрифугу⁵. Затем установил на шкале 100 и включил прибор. Спустя несколько минут он выключил его и извлек пробирку. Поставил ее в контейнер с ультрафиолетовыми лампами. Молекулы ДНК были самой тяжелой составляющей крови, поэтому на дне пробирки жидкость казалась заметно темнее. Он вылил около девяноста процентов жидкости сверху в другую пробирку, которую тоже убрал в свой чемоданчик.

⁴ Цилиндрическая трубка, по высоте которой устанавливается определенный градиент плотностей, который при постоянной температуре и отсутствии сотрясений может поддерживаться постоянным длительное время (до месяца). Трубка должна быть предварительно прокалбрована с помощью жидкостей известной плотности.

⁵ *Ультрацентрифуга* – прибор для разделения частиц размером менее 100 нм (коллоидов, субклеточных частиц, макромолекул белков, нуклеиновых кислот, липидов, полисахаридов, синтетических полимеров и пр.), взвешенных или растворенных в жидкости.

Понимая, что выполнение подобной работы следует предоставить специализированной лаборатории, он знал и то, что никому из них не может доверять. И дело было не в паранойе Ван Клива; это просто реальный взгляд на вещи. Цена свободы, возможно, постоянная бдительность, а вот цена бессмертия, безусловно, постоянное недоверие.

Том Барнетт зашел в лабораторию, когда он мыл и стерилизовал пробирки, и Пирс рассказал ему о том, что финансирование их исследований прекращено.

– Мы не у дел, Том, – подвел он итог. – Ты можешь потратить оставшееся время в качестве ассистента на работу с чем-то окупаемым.

– А как же вы? – спросил Барнетт.

– А я продолжу попытки, – ответил Пирс. – Возможно, они заберут помещение, и подопытные животные будут мне не по карману, но вдруг да удастся сохранить оборудование? В моем возрасте начинать новые исследования просто бессмысленно.

– Я бы хотел помочь, – заявил Барнетт, – даже если платить мне не будут.

– Я не могу этого позволить. Тебе нужно делать карьеру. Займись этим, – грубовато отрезал Пирс. – Начни сейчас. Я дам тебе блестящие рекомендации, как отличному клиницисту и исследователю.

Барнетт ушел с явной неохотой, а Пирс вернулся к своим делам.

Он извлек из холодильника пластину силикагеля в стерильной пластиковой упаковке, поместил ее между двумя электроконтактами и пустил ток через гель, а затем аккуратно вылил на него оставшееся содержимое градиентной трубки. Несколько минут спустя он поместил пластину под ультрафиолетовую лампу и острым стерильным ножом соскоблил с нее получившиеся мельчайшие частицы. Он поместил их в трубку приемника и электрофорезом удалил с них остатки геля. В итоге, если ему повезло, должна была получиться ДНК.

Остатки геля были спрятаны в чемоданчик для дальнейшего изучения оставшихся частиц крови, но сейчас его интересовала ДНК. Какими бы особыми свойствами ни обладала кровь Картрайта, в ДНК их можно было отследить и, что намного важнее, воспроизвести.

Пирс поместил полученный образец ДНК в алюминиевую коробку, забитую пробирками. Добавил немного праймера⁶, полимеразы⁷. Амплификатор⁸ сделает остальное, нагревая пробирку с ДНК, разрушая связи, которые удерживают цепи двойной спирали вместе. Когда температура понизится, праймеры присоединятся к каждому концу цепи. Полимераза, это магическое вещество, спровоцирует формирование в молекуле ДНК новых связей из нуклеотидов. Затем все повторится сначала, и температура в амплификаторе снова поднимется, чтобы разрушить связи в молекулах ДНК, которых к тому моменту станет вдвое больше.

Это напоминало цепную реакцию, ведь каждое повышение и понижение температуры приводило к образованию в два раза большего количества молекул ДНК, чем было до сих пор. Процесс развивался по нарастающей. Поэтому его и называли полимеразной цепной реакцией. Через пару часов в распоряжении Пирса будут миллиарды копий, запас молекул ДНК, которые можно будет поделить на фрагменты при помощи энзимов, а затем протестировать каждый фрагмент на отдельном образце клеточной ткани.

Процесс только начался, но по крайней мере дело сдвинулось. Пирс испытывал необычное воодушевление, которого не было так долго, что он и забыл, каково это. Словно к нему

⁶ *Праймер* (англ. primer) – это короткий фрагмент нуклеиновой кислоты (олигонуклеотид), комплементарный ДНК- или РНК-мишени, служит затравкой для синтеза комплементарной цепи с помощью ДНК-полимеразы, а также при репликации ДНК.

⁷ *Полимераза* – фермент, главной биологической функцией которого является синтез полимеров нуклеиновых кислот и нуклеотидов (нуклеотиды – это сложные биологические вещества, которые имеют ключевое значение во многих биологических процессах).

⁸ *Амплификатор* – прибор, обеспечивающий периодическое охлаждение и нагревание пробирок, обычно с точностью не менее 0,1 °С.

вернулась молодость. Хотя он никогда и не считал себя стариком, в душе ощущая себя сорокалетним – в этом возрасте его внутренний календарь замер, отмечая самое важное событие в его жизни. Но вот тело стало менее гибким, мышцы хуже справлялись с нагрузками, и некоторые суставы, раньше работавшие отлично, стали побаливать. И все же он был уверен, что старость – это состояние души. Если существует такое понятие, как психосоматические болезни, то почему бы не существовать психосоматическому здоровью. Об этом стоило поразмыслить.

Он так погрузился в работу, что вздрогнул от неожиданности, внезапно обнаружив присутствие постороннего в лаборатории. Это была Джулия Хадсон, заместитель директора по административной части. Ее напряженный взгляд удивил, а затем и встревожил Пирса.

– Как давно вы здесь стоите? – спросил Пирс.

– Пару минут, не больше. Делаю обход подведомственной территории, – ответила она на вопрос, который не успел прозвучать. – Захотелось посмотреть на Проект в действии.

Она выделила голосом заглавную букву в слове Проект, словно подтверждая важность, которую он имел для Пирса.

Но ему показалось, что она пришла оценить помещение и оборудование лаборатории, чтобы решить, для каких целей все это можно будет использовать в дальнейшем.

– Здесь все и происходит, – сказал он. – Точнее, не происходит. Прорыва в поисках эликсира жизни, омолаживающего фактора, нет.

– Мне тяжело смотреть, как вы тратите свое время на поиски несуществующего вещества.

– Свое время и средства Центра?

Она согласно кивнула.

– Оценивать первостепенность задач и распределять ресурсы – это часть моей работы. Ваша цель – поиск бессмертия, но никто не живет вечно.

– Кроме Картрайтов.

– Они – просто миф, как Санта-Клаус или пасхальный кролик.

– У меня есть основания думать, что это не так, – не согласился Пирс. – На самом деле немного магической крови Картрайтов однажды попало и ко мне в руки.

На ее лице было написано удивление или, скорее, потрясение. *А ведь она привлекательная женщина, с темными, блестящими волосами, голубыми глазами, тонким лицом и губами, о которых мечтает не один молодой человек,* – уже не в первый раз подумал Пирс – и сам удивился подобным мыслям.

– Так вот откуда ваша настойчивость, – догадалась она. – Вы тот самый врач, который лечил Лероя Уивера.

– Все это вычеркнуто из истории болезни и подлежит забвению, – предупредил Пирс. – Только представьте, во что превратилась бы моя жизнь и сколько бы на меня свалилось работы, если бы эта информация стала достоянием гласности.

– Но тогда ваше исследование...

– Просто попытка воссоздать особые свойства крови Картрайта. Я всегда считал, что омолаживающий фактор каким-то образом связан с гамма-глобулином, и после той истории я начал исследовать ДНК Картрайта. Но начнем с того, что его крови у меня было мало, да еще и разбавленной, смешанной с кровью Уивера и моих лабораторных животных, к тому же скорее всего испорченной. Да и исследование молекул ДНК тогда велось на относительно примитивном уровне и было крайне неточным.

– Тогда это все же погоня за болотными огнями.

– Как вам известно, болотные огни – не иллюзия. Это внезапное самовозгорание газа, метана. Место возгорания можно найти и осмотреть. Так и мой болотный огонек существует, а значит, может быть найден, исследован и, возможно, воспроизведен.

Теперь и в ее глазах зажегся азарт исследователя.

– Если бы только Картрайт появился и позволил обследовать себя! Вашу работу можно было бы завершить в считанные годы.

– Вот и вы поверили, – заметил Пирс. – Но ваше предложение неосуществимо. Сколько, по-вашему, протянет Картрайт в этом мире, все сильнее одержимом страхом смерти?

– Но если появится искусственный эликсир жизни, давление на Картрайтов ослабнет, ведь они перестанут быть Святым Граалем...

– Если... если... так много вероятностей. Но одно бесспорно – если они не обнаружат себя, то смогут выжить, а с ними и человечество. Поэтому я двигаюсь дальше методом проб и ошибок.

Она оглядела сверкающие поверхности и функциональное оборудование лаборатории с выражением, похожим на тоску.

– Я бы хотела помочь.

– Как? – спросил он.

Она подняла руку в молчаливой просьбе.

– Я имею в виду лично. Исследовательская работа такая аккуратная, определенная – намного лучше, чем путаница и вечные неясности в делах управления. Мне всегда нравилась работа в лабораториях – и мне хотелось бы иметь возможность вернуться к ней. Может быть, мне удастся выкраивать хоть пару минут в день, если вам понадобится помощь?

– Конечно, – согласился он, ничего при этом не обещая. Это просто совпадение, мелькнула у него мысль, что она пришла именно тогда, когда он работал с образцом крови Ван Клива. – В любое время.

– А вам не приходило в голову, – поинтересовалась она, – что омолаживающий фактор может быть связан со стволовыми клетками?

Он задумался.

– Неплохая идея. Ее стоит развить. За годы исследований я стал полагать, что это явление сложнее, чем казалось на первый взгляд. Мутация крови Картрайтов может объединять несколько изменений, в том числе и изменения в стволовых клетках.

– А я пока, – включилась она, – прослежу, чтобы оборудование и лаборатория остались за вами, даже если грант не возобновят. И попробую обеспечить минимальное количество биологических материалов, если удастся провести их по статье «на клинические исследования». Но боюсь, что зарплаты не будет, – добавила она виновато.

– Я буду признателен вам за любую помощь, – заверил он и вернулся к мыслям о стволовых клетках, в то время как она направилась к двери. Как только она ушла, он сменил код на входной панели и сделал то, о чем раньше даже не помышлял, – добавил отпечаток ладони как еще один способ идентификации.

* * *

В следующие несколько дней, заполненных обходами и лекциями в госпитале, ему удалось выкроить на работу в лаборатории всего пару часов. Он вырастил несколько клеточных культур человека и добавил к каждой из них разные фрагменты ДНК, выделенные при помощи энзимов. Затем расположил их в приборе, который периодически вычищал побочные продукты жизнедеятельности и обеспечивал клетки питанием.

Однако всякий раз, когда он входил в лабораторию, его посещало чувство, что кто-то бывает здесь в его отсутствие. Все вещи находились на своих местах, там, где он их оставил, но он не мог избавиться от мысли, что, несмотря на все его предосторожности, когда он уходит, кто-то приходит, чтобы проверить, как продвигается его исследование. Это неуловимое, но неоспоримое ощущение было сродни тому покалыванию между лопаток, которое возникает, когда за тобой наблюдают, хотя наблюдателя увидеть не удастся.

Прежде чем ему удалось принять дополнительные меры предосторожности или хотя бы подумать о них, на связь вышла Мэрилин Ван Клив. Сэм Айкенс умер, и Пирс часто задумывался, кто же послужит ей связным. Встреча состоялась в его бесплатной клинике, пристроенной к одной из стен Центра. У клиники был собственный вход, поэтому безопасность и чистота комплекса угрозе не подвергались. Он осматривал жилистого старика в грязной робе, когда-то имевшей темно-синий цвет. Старик кашлял, и кашель этот был вызван эмфиземой⁹. Пирс печально улыбнулся, заметив у старика пачку сигарет, торчащую из кармана рубашки, хотя курить на территории Центра было запрещено. При осмотре он заметил, что внутри впалой грудной клетки старика раздаются какие-то странные звуки. Он нахмурился и прижал стетоскоп к другому месту, пытаясь расслышать их более четко. С третьей попытки он понял, что звуки складываются в слова: старик освоил трюк с чревовещанием, после того как пришлось удалить голосовые связки, пораженные раковой опухолью. Возможно, подумал Пирс, текущий диагноз вовсе не эмфизема, а рак. Старик научился даже шептать в грудь.

Тогда-то Пирс понял, что слышит слова:

– Вы нужны Мэрилин. Я буду ждать напротив главных ворот на закате. Приходите пешком.

А затем, дождавшись окончания осмотра и получив бесплатный ингалятор от астмы, старик поднялся со смотровой кушетки и покинул комнату.

Остаток дня Пирс прожил на автомате, не в силах ни на чем сосредоточиться из-за открывающихся перед ним перспектив и беспокойства, вызванного наполовину страхом, наполовину нетерпением. Наконец, когда солнечный диск почти скрылся в дымке горизонта, он поставил свой черный чемоданчик и еще одну небольшую сумку на переднее сиденье машины и выехал из главных ворот, кивнув на прощание охране.

Спрятав машину за развалинами напротив ворот, он оглянулся в поисках старика-чревовещателя. Развалины, напоминавшие рестораны и таверны, в которых когда-то развлекались студенты-медики, сейчас были пустынями. Пирс с нетерпением ждал, не желая покидать безопасный салон автомобиля. Он не был до конца уверен, что все это не ловушка или отвлекающий маневр.

Через десять или пятнадцать минут беспокойного ожидания что-то стукнуло в его окно. Пирс, вздрогнув, обернулся, но это оказался всего лишь старик. Когда Пирс опустил стекло, старик с трудом выдавил несколько слов хриплым шепотом:

– Я сказал, без машины.

– Как, по-вашему, я должен был покинуть территорию Центра? Пешком? – возмутился Пирс. – Разве это не вызвало бы подозрений?

Старик пожал плечами и закашлялся. Пирс выбрался со своими сумками из машины, ощущая дрожь... чего? Предвкушения? Беспокойства? Он не мог сказать точно. Может быть, и того и другого.

За останками того, что когда-то было бетонным контейнером для мусора, стоял древний мотоцикл. Пирс не встречал ничего подобного уже с четверть века. Он был величиной с небольшую лошадь и выглядел очень старым – весь в ржавчине и вмятинах, с полустертой надписью из букв «Ха» и затем, через промежуток, «сон» на передней части. Пирс с ужасом отметил, что этот монстр работает, если, конечно, он все еще заводится, на бензине со всеми сопутствующими выхлопами и канцерогенами.

Старик кашлянул и перекинул ногу через седло. Он махнул на корзины по обе стороны заднего колеса, предлагая Пирсу сложить туда сумки и занять место за его спиной.

– Если вы полагаете, что я сяду на этот... этот аппарат, – заявил Пирс, – то вы явно не в своем уме.

⁹ Эмфизема легких – это заболевание, возникающее при развитии повышенной воздушности легочной ткани.

Старик снова махнул, выражая нетерпение, и кивнул в сторону верхних этажей Центра, видневшихся над развалинами. Пирс с тоской глянул на свою спрятанную машину, но, вспомнив о навигаторах и регистрирующих устройствах, пожал плечами, положил сумки назад и сел позади старика.

Тот завел свою машину. Он оказался крепче, чем выглядел на осмотре. Пирс считал его стариком, но тот, похоже, был лет на двадцать-тридцать моложе его самого. Несмотря на глушитель, двигатель взревел, словно раненый зверь, и Пирс задумался, что он делает здесь, в сгущающейся темноте, связавшись непонятно с кем в своем донкихотском стремлении оказать помощь, которое может привести их всех к катастрофе.

Потом мотоцикл качнулся, набирая скорость, рев двигателя сменился хриплым рычанием, и у Пирса не осталось времени сожалеть о собственной глупости. Вместо этого ему пришлось обхватить старика за талию, поскольку ветер с пылью хлестал в лицо, трепал его одежду и волосы. Ночь была холодная, и холод, проникая под одежду, постепенно пробрал Пирса до костей. В пути старик кашлял меньше, как будто машина, которой он управлял, сочувствовала ему и каким-то волшебным образом делилась с ним своей силой.

Мотоцикл избегал автострад с их патрулями, не считая нескольких коротких промежутков. Вместо них он петлял по неосвещенным боковым улочкам, словно инстинктивно объезжая выбоины и обломки, срезая углы, проезжая по тротуарам и дворам, чтобы миновать баррикады, с таящимися за ними опасностями. Что это за опасности, Пирс даже представлять не хотел.

Все это сильно отличалось от поездки на то же расстояние на машине. После того как ужас перешел в неутрачивающий страх с вкраплениями паники, Пирс начал замечать, что старый город – это место, где живут люди, а не дикие джунгли, через которые невозможно пробраться. Как средневековый лекарь, пускающий кровь анемичному пациенту, пригород вытянул соки из старого города, а затем Медицинские Центры закончили его работу, захватывая жилые дома квартал за кварталом и взвинчивая цены на свои бесполезные притирания и средства от всех болезней на уровень, недоступный тем, на ком они паразитировали и процветали. Но горожане не сдались. Они продолжали бороться, несмотря ни на что.

В этом сила простых людей, подумал Пирс. Они не сдались и выжили, вот почему, когда те, кто вознес себя над всеми, сгнили от излишеств и саморазрушения, люди остались. Пирс видел их, всматривающихся в изменчивую ночь из своих окон, вышедших на крылечки при звуках непривычного шума, оставивших за спиной свои разваливающиеся на глазах лачуги, и ощущал их силу.

Их жизни были коротки и отравлены болезнями – не лучше, чем существование диких зверей, – поэтому Медицинские Центры все так же находились в центре городов, собирая богатейший урожай с их жителей: их антитела и антигены, их гамма-глобулин и основу для вакцин, даже их органы. Но они выжили. Они поддерживали друг друга среди убийств, ставших обычным делом, они мечтали, любили, создавали семьи, старели, может быть, слишком быстро, и умирали чаще всего в кругу друзей, в противовес стерильным смертям в Медицинских Центрах, не важно, насколько они были отсрочены, не волнующим никого, кроме тех, кому заплатили за выполнение предсмертных медицинских процедур.

Тем временем они почти добрались до места, пересекли одну из главных артерий города – бульвар Пасео и, сбросив скорость, оказались на «...роsp... Независ...», как гласил покосившийся дорожный указатель, замеченный Пирсом. Мотоцикл свернул со слабо освещенной четырехполосной улицы на совсем темную подъездную аллею перед мрачным зданием, на фоне ночного неба похожим на заброшенный склад. Старик, доставивший его сюда, словно Харон с мотоциклом вместо ладьи, заглушил двигатель и с минуту вслушивался в тишину, определяя, есть ли поблизости опасность. Затем, видимо решив, что все спокойно, он вытащил сумки из корзины, передал их Пирсу и взмахом руки позвал его за собой.

Когда они входили в темный дверной проем, Пирс заметил над дверью чудом уцелевшую табличку, словно подающую ему знак. «Детская больница милосердия», – гласила надпись на табличке.

Теперь здание занимали бездомные. Как только новое здание больницы было построено, старое стали использовать под кабинеты различные социальные службы, потом здесь разместился приют, и в итоге его заколотили и забросили. Забросили все, кроме нищих. Они отодрали доски с окон и дверей и стали заполнять это здание, словно муравьи. Дети играли в коридорах, едва освещенных редкими масляными фонарями, или высовывали мордашки из дверей, разглядывая проходящих незнакомцев. Некоторые начали дергать Пирса за одежду и сумки, и старику пришлось их разогнать. Иногда появлялись и взрослые: небритый мужчина, сердито глядящий на них, или любопытствующая женщина с цепляющимся за ее ногу малышом.

Милосердие для детей, подумал Пирс. Он хотел бы надеяться, что им оно встретится, но знал, что у судьбы недостает милосердия даже для ее любимчиков, живущих за пределами старого города и воспитывающих от силы пару детей.

На втором этаже была комната, которую Пирс узнал. Он в ней никогда раньше не был, но планировка не позволяла ошибиться. Когда-то здесь находилась операционная, не важно, для каких целей ее использовали потом. Тогда матовые лампы заливали всю комнату дневным светом. Мониторы и измерительные приборы выстраивались вдоль стен. Поблизости стояли баллоны с кислородом и анестетиком. Столы и автоклавы для инструментов. Стойка капельницы. И операционный стол из нержавеющей стали в центре.

Сейчас ее освещали свечи. Вдоль стен стояла старая, обшарпанная мебель, а в центре – узкая кровать. На ней, опираясь на рваные подушки, лежала Мэрилин Ван Клиф. Ее глаза были закрыты, но, когда Пирс со стариком вошли в комнату, она повернулась и выдавила подобие улыбки, которую очередная схватка превратила в гримасу боли.

– Вы пришли, – прошептала она.

– Я же обещал, – ответил Пирс.

– Не все держат слово.

– Я свое держу всегда. Когда начались схватки? Как часто они повторяются?

– Почти двадцать четыре часа назад, – ответила она, тяжело дыша. – Двенадцать часов назад интервал между ними был десять минут, около часа назад сократился до пяти минут, а сейчас – до двух. Я... просто... не могу... вытолкнуть... его... наружу. Думаю, пришло время помочь ему появиться на свет.

Пирс кивнул.

– Вскипятите воды, – велел он старику, ждущему возле двери.

– Слишком долго, – сказала она.

– Тогда хотя бы найдите мне кусок мыла и воды, вымыть руки, – сдался он.

Ожидая старика со всем необходимым, Пирс поднял подол длинного платья Ван Клиф до груди и положил руки ей на живот, пытаясь почувствовать схватки.

– Времени прошло много, – заметил он. – Но, надеюсь, не слишком. И условия для проведения операции здесь ниже всякой критики.

– Картрайту это не повредит, – ответила она.

– Будем надеяться, что вы правы.

Когда старик вернулся с ведром грязной воды и обмылком, покрытым темными трещинами, Пирс пожал плечами и тщательнейшим образом вымыл руки.

– Мне нужно больше света, – сказал он, и старик принес две керосиновые лампы, поставив их на кровать, по обе стороны от бедер женщины.

Из второй сумки Пирс достал большой пластиковый пакет, а из своего чемоданчика – бутылку спирта, которым протер свои руки и живот Ван Клиф, затем намазав его йодом. Он

надел пару стерильных перчаток, обтянувших его руки как вторая кожа, и взял инструмент, похожий на толстую ручку из нержавеющей стали.

– Я мог бы сделать вам укол обезболивающего, – заметил он, – но я не анестезиолог и не знаю, как это скажется на ребенке.

– Режьте так, – велела она. – Осознание того, что рана не смертельна, помогает контролировать боль.

И она не издала ни звука, когда лазер сделал вертикальный разрез через весь живот прямо до матки.

Пирс работал быстро, как будто сталкивался с подобным не в первый раз, и, сделав надраз, погрузил в него руки и вытащил ребенка, а следом и его пуповину. Ребенок громко заплакал.

Пирс посмотрел на Ван Клив. Она была в сознании, хотя заметно страдала от боли.

– У вас сын, – сказал он ей. – Я не эксперт, но на первый взгляд он такой же большой и здоровый, как любой другой младенец, которого я видел прежде. Примерно десять или одиннадцать фунтов. Неудивительно, что вы не смогли родить самостоятельно.

Женщина рассмеялась.

– Дайте его мне, – попросила она, протянув руки.

– Минутку.

Пирс перевязал пуповину рядом с пупком младенца и еще раз через несколько сантиметров, прежде чем перерезать ее.

– Мне нужны покрывало, простыня или что-то в этом роде, – попросил он.

– Это лишнее, – сказала женщина.

Пирс положил кричащего малыша на руки матери. От его тела на платье появились красноватые разводы, но женщина ничего не заметила. Она посмотрела в лицо малыша, который тут же притих и начал смотреть на нее, а затем обвела взглядом комнату.

Пирс глубоко вздохнул. Акушеры находились с правильной, светлой стороны жизни. Возможно, он ошибся, став гериатром.

Он извлек плаценту и связанную с ней пуповину из матки и кинул их в пластиковый пакет. Он переключил свой лазерный скальпель и соединил края разрезов на матке и животе женщины. Стык получился аккуратным, и он понадеялся, что никакой инфекции не будет. Ведь иммунитет Картрайтов устойчив практически ко всем микроорганизмам, и, заканчивая работу, он подумал, что признаки исцеления можно было заметить еще до того, как лазер коснулся раны. Он наложил повязку на место разреза и опустил платье роженицы как можно ниже.

Закончив, он потянул перчатки за манжеты, и они сползли с рук. Прежде чем убрать инструменты и бутылки в свой чемодан, он снова вымыл руки в ведре. В другую сумку он убрал пакет с плацентой и пуповиной. Это стволовые клетки, сказал он себе. Завершив сборы, он снова взглянул на Ван Клив. Она приложила ребенка к груди, и тот попытался сосать.

– Спасибо, доктор, – поблагодарила она. – Мать была права.

– Жаль, что я не могу сделать больше, – сказал он. – Вам придется нелегко – вы после операции, с маленьким ребенком на руках. Но с этого момента я опасен, потому что могу стать причиной вашего разоблачения.

– Не беспокойтесь обо мне. Я смогу передвигаться уже через день, и сейчас меня окружают хорошие люди.

Она посмотрела на дверной проем, в котором столпились мужчины и женщины, пытающиеся разглядеть, что происходит.

– Когда у вас нет ничего, вы можете позволить себе роскошь заботиться о других, потому что никто не использует вашу доброту против вас.

Пока Пирс наблюдал, трое мужчин пробились в комнату сквозь толпу. У одного было маленькое, потрепанное покрывало, которым он укрыл ребенка, у второго – потерянная детская

переноска, которую он поставил рядом с Ван Клив, а третий вложил в свободную руку женщины сморщенный апельсин.

Пирс велел старику высадить его в квартале от машины. По дороге назад он чувствовал, как сотрясает тело спутника кашель, ухудшившийся из-за ночного воздуха и отсутствия адреналина, сопутствовавшего первой поездке. Но старик отмахнулся от предложенной помощи и лечения, и Пирс устало побрел к своей машине, как только мотоцикл скрылся из глаз.

Он разблокировал переднюю дверь машины, не дойдя до нее двадцати шагов. Но, пригнувшись, чтобы забраться в салон, почувствовал, что его схватили за руки.

– Полегче, – произнес мужской голос за спиной.

Свет ударил по глазам Пирса.

Он пытался сопротивляться, но безуспешно. Тот, кто держал его, оказался сильнее.

– Я – доктор Пирс. Это моя машина.

– Все вы так говорите.

– Рассел, – воскликнула Джулия Хадсон. – Мы забеспокоились, обнаружив вашу машину, брошенную здесь.

– Джулия, – попросил Пирс. – Скажите этому громиле, что я тот, кем назвался.

– Отпустите его, – велела Хадсон.

Рука, держащая его, разжалась, и свет метнулся к Джулии. Она стояла перед машиной, такая молодая и полная участия.

– Дежурный заметил, что идентификатор вашей машины не движется, подумал, что вы могли попасть в беду, и сообщил мне. Что произошло? Мы решили, что вас похитили или даже хуже.

По дороге назад у Пирса была масса времени, чтобы придумать объяснение на случай, если его машину обнаружат.

– У меня был вызов на дом, здесь, недалеко, и, когда машина забарахлила, я решил пройти пешком.

– Вызов на дом? – переспросила Хадсон недоверчиво.

– Трудно представить, – сказал Пирс, – но я до сих пор посещаю пациентов на дому. Спросите Тома Барнетта.

– О, я вам верю, – сказала Хадсон. – Просто не могу этого понять. Как и допустить, чтобы вы продолжали подобную практику. Это слишком опасно.

Пирс пожал плечами:

– Теперь мы можем идти?

Он поставил сумки на заднее сиденье автомобиля.

– Мне еще нужно кое-что сделать в лаборатории.

Хадсон заняла кресло рядом с водительским.

– Отгоните мою машину назад, – велела она охране. Затем повернулась к Пирсу: – Я бы хотела взглянуть на вашу работу.

– Уже довольно поздно, – заметил он.

– Я привыкла работать по ночам, – отмахнулась она, и Пирс не смог больше придумать ни одной отговорки.

Когда они шли к лаборатории по затихшим ночным коридорам, он размышлял, что она, безусловно, почувствовала исходящий от него запах крови, дешевого мыла и дезинфицирующего средства, но не подала вида.

– Я обдумал ваше предположение, – начал он, – о роли стволовых клеток. Изменения в них, должно быть, стали частью мутации Картрайтов.

Она кивнула.

– Тогда они должны производить больше эритроцитов, тромбоцитов, лейкоцитов для самих Картрайтов, а попадая при переливании в организм раненого или пожилого человека – для него.

– Конечно, – согласился он. – Не знаю, почему сам никогда об этом не думал.

– Иногда те, кто изучает проблему с самого начала, к ней слишком близко, чтобы заметить альтернативу, – предположила она. – Возможно, вы подумали о зародышевой хордомезодерме¹⁰.

– Думаете, дело в ней?

– Она запускает процесс развития всех органов тела, а когда эмбрион полностью развивается, ее активность замирает. Но что, если ее можно было бы снова активизировать с помощью какого-нибудь механизма обратной связи, чтобы восстановить поврежденный орган или дать толчок к образованию нового – новой печени, почки, сердца, даже новых артерий – из имеющихся тканей?

Они добрались до лаборатории, и, введя код, он естественным жестом приложил ладонь к панели. Ему не хотелось, чтобы Хадсон знала о принятых им дополнительных мерах предосторожности.

Подняв крышку прибора, в котором шел эксперимент, он показал гостье свои образцы.

– Я проверяю, могут ли фрагменты молекулы ДНК, с которыми я сейчас работаю, отсрочить или совсем прекратить апоптоз¹¹.

– Апоптоз? – переспросила Хадсон. – Столько времени прошло с окончания медицинского.

– Точно меньше, чем у меня, – сказал он.

Они оба рассмеялись, и их глаза встретились. Пирса посетило странное ощущение, что ему кажется привлекательной женщина, которой он годится в дедушки, а может, даже в прадедушки. И дело не только в этом. Она может быть одной из тех, кого поставили следить за ним. Он поспешно продолжил:

– Но тут у меня преимущество, потому что в ходе исследования многое пришлось учить заново. Апоптоз – это необъяснимое явление, вызывающее смерть клетки. Если обеспечить клеткам достаточное питание и очищение от побочных продуктов жизнедеятельности, они будут функционировать приблизительно сорок пять циклов, так что дело не в недостаточной циркуляции, вызванной плохим питанием или накоплением шлаков и свободных радикалов. Может быть, это встроенная функция прекращения деятельности, смертный приговор, который нельзя отменить.

– Ну и как, здесь есть какие-нибудь подвижки? – поинтересовалась она, снова глядя на экспериментальные образцы, стоящие перед ними.

Пирс закрыл крышку.

– Еще рано говорить, – объяснил он. – В любом случае это просто тренировка на случай, если мне каким-то чудом удастся раздобыть немного настоящей крови Картрайта.

Она накрыла его руку своей и попросила:

– Берегите себя, Рассел.

– Расс, – поправил он. – И вы тоже.

После ее ухода он вернулся к эксперименту. Ему показалось, что у всех культур, кроме двух, уже заметны признаки отмирания. Двух. Будь культура одна, это могло бы оказаться иллюзией, но две, возможно, указывали на то, что мутация изменила больше одного сегмента ДНК Ван Клива.

¹⁰ *Хордомезодерма* – многоклеточный зачаток будущих хорды и мезодермы, расположенный на поверхности зародыша позвоночных животных на стадии бластулы.

¹¹ *Апоптоз* – регулируемый процесс программируемой клеточной гибели, в результате которого клетка распадается на отдельные апоптотические тельца, ограниченные плазматической мембраной.

Он вернулся в свою квартиру со второй сумкой в руках и прицепил плаценту зажимами к полке холодильника. Затем отрезал пуповину чуть выше того места, где перевязал ее ранее, для того чтобы кровь стекла и с нее, и с плаценты в поддон из нержавеющей стали. И впервые за много лет отправился в постель счастливым.

А проснулся в панике. Трезвонила сигнализация, и где-то выла сирена. Пирс перевернулся, посмотрел на время – 5:38 – и на ощупь нацепил брюки, рубашку и белый больничный халат. Надев туфли на голые ноги, он уже двинулся к двери, как вспомнил о бесценном сокровище, лежащем в холодильнике, и об эксперименте, идущем в лаборатории. Слишком много совпадений.

Он пошел медленнее и спокойно открыл дверь. Одетые как попало жильцы носились взад-вперед по коридору, выкрикивая вопросы, остающиеся без ответа. Том Барнетт ждал рядом с его дверью.

– Быстрее, Расс, – поторопил он, – нужно выбираться отсюда!

Пирс запер дверь на два оборота, прежде чем снова повернуться к Барнетту:

– Что ты здесь делаешь, Том?

– Беспокоился о вас, Расс.

– Ты живешь на другой стороне комплекса.

– Я рано встал и тут услышал тревогу. Боялся, что вы проспите ее.

– У стариков сон чуткий, Том, – сказал Пирс. – Идем.

– А как быть с лабораторией? – спросил Барнетт.

Пирс пожал плечами:

– Понадеемся на ее собственные меры безопасности.

Когда они подошли к дальнему выходу, им навстречу, с выражением облегчения на лице, вышла Джулия Хадсон.

– Доктор Барнетт, не так ли? Расс, я беспокоилась.

Она была полностью одета, но без макияжа. И все равно показалась Пирсу невероятно привлекательной.

– Тоже рано встали? – спросил он.

– Перебирала бумажки, – криво усмехнулась она, – да и поспать я не особо люблю.

Когда они вышли наружу, следуя за другими жильцами, решившими, что жизнь дороже имущества, Пирс спросил Хадсон:

– Что за тревога?

– Возгорание, – ответила она. – Даже два. Одно на цокольном этаже. Второе в чулане уборщика на верхнем этаже. Госпиталь эвакуирован в целях предосторожности, так же как и жилой комплекс.

– Два возгорания? Похоже на поджог.

Они вышли на открытое место на парковке. Здесь толпились не только жители комплекса, но и медсестры и интерны, везущие пациентов на колясках и каталках.

– Я тоже так думаю.

– А то, что в цоколе?

– Рядом с вашей лабораторией. Но не беспокойтесь. Все под контролем.

– Зачем кому-то поджигать госпиталь? – спросил Барнетт.

– Действительно, зачем? – поддержал Пирс.

– Обиженный работник? – предположила Хадсон.

– Недовольный пациент? – добавил Барнетт.

– Или просто душевнобольной?

– Или тот, кому отказали в лечении? – иронично хмыкнул Пирс. – Оба сразу?

Расстояние между двумя очагами не позволяло предположить, что поджигатель в обоих случаях один. А вероятность того, что это два никак не связанных между собою человека, стремилась к нулю. Они все это понимали.

– Не только поджог, – уточнил Пирс, – но и заговор. Но зачем? Может, чтобы показать, что госпиталь уязвим. Может, это уловка, чтобы очистить здания от людей, обыскать комнаты и похитить ценности.

– Нам лучше вернуться внутрь, – сказала Хадсон.

Пирс оглядел парковку, забитую встрепанными обитателями эвакуированных зданий.

– Думаю, вы правы.

Но прежде чем ему удалось добраться до квартиры, его остановил медбрат огромного роста. Пирс не припоминал его среди сотрудников госпиталя, но отчего-то он казался смутно знакомым.

– Доктор Пирс, в вашем отделении чрезвычайная ситуация.

Пирс думал, что Барнетт вызовется все уладить, но тот промолчал.

– Я уже иду, – сказал Пирс.

По дороге к лифтам ему удалось лишь мельком поглядеть на дверь квартиры, чтобы убедиться, что с виду она не тронута.

Медбрат шел впереди, то и дело оглядываясь, чтобы убедиться, что Пирс следует за ним. На нем была зеленая хирургическая роба, и ее короткие рукава позволяли разглядеть непропорционально вздутые бицепсы. Когда они добрались до одной из платных палат, медбрат отступил в сторону и, как только Пирс вошел, встал спиной к двери.

Мужчина в коляске сидел возле дальней стены, глядя в окно на задымленный старый город. Когда Пирс вошел, он повернулся. В больничном халате его фигура казалась грузной и бесформенной. Пирс взглянул в его лицо. Мужчина был стар, возможно, ему было хорошо за сотню, и его лицо, когда-то круглое и полное, теперь выглядело так, словно кожа была натянута прямо на выступающие лицевые кости. Однако, хоть подкожный жир и исчез со временем, упрямо выдвинутая челюсть и огонь в глазах говорили о том, что этот человек все еще силен. Среди морщин, окруживших его глаза, прятались едва заметные напоминания о шрамах; еще один, длинный, спускался с правой щеки до челюсти. Нос ломали раз или два.

– Вы меня не помните, доктор Пирс? – спросил мужчина.

Что-то шевельнулось в памяти Пирса: изображение таблички на стекле двери, мужчина в летнем костюме цвета какао, а затем он же, но уже потрепанный и с бородой.

– Локк, – произнес Пирс. – Джейсон Локк, частный детектив, которого я нанял, чтобы найти Маршалла Картрайта.

– Частный сыщик, которого вы наняли, чтобы убедиться, что Маршалла Картрайта никто не найдет, – поправил его Локк.

– После всех этих лет вы появились, чтобы отчитаться об успехе? – спросил Пирс. – Вы нашли его?

Сочетание возраста Локка и его целеустремленности заставило Пирса внутренне вздрогнуть, но он постарался этого ничем не показать.

– Нет, – ответил Локк, – так и ищу с тех пор. Я исполнительный директор Национального Исследовательского Института.

– А, – протянул Пирс, когда головоломка сложилась.

– Той организации, которая спонсировала ваши исследования последние пятьдесят лет. Но ее основная цель, как вы, наверное, сами догадались, найти Маршалла Картрайта и его детей. Я не знал, в чем смысл поисков, до смерти Лероя Уивера, после которой его доктор, Истер, и его личный секретарь, Янсен, предложили мне работать на них. Привлечь других

состоятельных людей в годах и организовать Институт в том виде, каков он сейчас, было моей идеей. Истера и Янсена давно уже нет, а поиск все еще продолжается.

– Вы легко переметнулись на другую сторону, – укорил собеседника Пирс.

– Я никогда не занимал ничью сторону. Вы наняли меня для своих целей, а на Янсена и Истера я работал исходя из собственных интересов. К тому же все мы идем по стопам Понсе де Леона.

– Так ваш поиск увенчался успехом?

– Не более, чем ваш. Хотя однажды мы были довольно близки, – задумчиво проговорил Локк. – Она была у нас в руках. Но ее похитили, возможно, даже сам Картрайт.

– И все-таки вы не сдаетесь.

– Так же, как и вы. Люди умирают, но надежду так просто не убить. А те, у кого смерть за плечами, не теряют ее до самого конца. За пятьдесят лет работы Института смерть забрала миллиарды простых людей и десятки членов его совета директоров, но их состояния отошли Институту, чтобы поиск продолжался. На самом деле чем больше времени проходит, тем выше вероятность успеха.

– Почему это? – спросил Пирс. – Я думал, что вы давно уже сбились со следа.

Локк положил правую руку ладонью вверх, словно демонстрируя свою искренность и открытость.

– Чем больше становится Картрайтов, тем сложнее им прятаться, а значит, больше шансов выследить хотя бы одного. Рано или поздно они повыскакивают, как грибы после дождя.

Пирс вспомнил мать с новорожденным ребенком в заброшенной операционной.

– Зачем вы пришли сюда?

– К вам, – ответил Локк.

Его прямого застала Пирса врасплох.

– Ко мне?

– Как гериатр, вы известны по всему миру, – объяснил Локк. – Даже если бы не ходили слухи о вашем участии в омоложении Лероя Уивера, вы все равно считались бы одним из чудотворцев в вопросах старческих болезней. Я подумал, что пришло время осмотра.

– В чем, на ваш взгляд, основная проблема?

– В возрасте, – ответил Локк. – Может быть, для своих лет я неплохо выгляжу, не считая того, что повреждение нерва усадило меня в инвалидное кресло. Я пью гормоны и рыбий жир, употребляю витамины и здоровую пищу. Мои артерии прочищены, к тому же мне пересадили сердце, легкое и две новые почки. Но я чувствую себя старым.

– Апоптоз, – произнес Пирс.

– Что это?

– Сами клетки стареют и умирают после сорока пяти делений. Как будто внутри у них стоит счетная машинка.

– У всех, кроме клеток Картрайта.

– И раковых клеток. Вы хотите помолодеть, как Лерой Уивер, – сказал Пирс. – Но молодость бывает только раз. Вы стареете. Я старею. Это не так уж плохо.

На лице Локка застыла гримаса резкого неприятия.

– Это было нормой, когда альтернативы не существовало. Но теперь есть шанс стать бессмертным, и только беспомощный идиот согласится на меньшее.

– Тогда, наверное, я и есть беспомощный идиот, – хмыкнул Пирс.

– Нет, вы самый могущественный человек в своей сфере, – возразил Локк, – поэтому мы решили возобновить финансирование вашего проекта.

– Мы?

Локк улыбнулся.

– Ладно, я. Я решил возобновить финансирование вашего проекта.

– Но почему все-таки финансирование было прекращено?

Локк разглядывал Пирса, словно прикидывая, насколько он может быть откровенным.

– Я хотел посмотреть на вашу реакцию.

– Вы хотели, чтобы я отправил личный запрос?

– Может быть.

– Чтобы заставить меня прилагать больше усилий?

– Если это возможно. Время летит быстро. Некоторые из нас начинают нервничать.

– А зачем вы устроили возгорания этим утром?

Молчание затопило комнату, прежде чем Локк спросил:

– Вам и это известно?

– Я не верю в совпадения. Два возгорания – это явный перебор.

Локк беспомощно развел руками:

– И мои подчиненные допускают ошибки. Но только один раз.

– Но что вам было нужно?

– Подтверждение. Доказательства. Что-нибудь.

Локк склонил голову, опершись подбородком на скрещенные пальцы.

– Подтверждение чего?

– Ваших связей с Картрайтами. Или успеха с эликсиром жизни.

– С чего вы решили, что мне удалось с ними связаться, если вы в этом не преуспели?

– Они могли сами связаться с вами; а мне они бы не доверились.

– У них нет причин связываться со мной. Напротив, целая куча причин этого не делать.

Точно так же, как им не следует связываться друг с другом. Все, что им нужно, – это свобода и возможность плодиться и размножаться, даря нашему виду бессмертие; сентиментальность – их главный враг.

– Меня не интересует бессмертие всего вида и даже отдельных его представителей вроде моего совета директоров. Мир каждого исчезает вместе с ним.

Пирс продолжил, словно пытался избавиться от Локка и его совета директоров, просто игнорируя их существование:

– А о вас они ничего не знают. Я же не знал.

– Мы с вами оба преследуем миф.

– Что касается создания эликсира жизни, – добавил Пирс, – то это намного сложнее, чем я думал. В процессе участвует не только гамма-глобулин, но и стволовые клетки и, возможно, зародышевая хордамезодерма. Но почему вы решили, что я достиг успеха?

– Во-первых, ваша внешность, – начал Локк. – Вы ненамного моложе меня, но выглядите лет на пятьдесят – уж больше шестидесяти вам точно не дашь.

Пирс взглянул на Локка.

– Вы не первый, кто мне говорит подобное. Я скоро сам в это поверю. Но это все благодаря хорошим генам, здоровому образу жизни и позитивному мышлению.

Локк пожал плечами:

– К тому же есть такая вещь, как интуиция: проработай вы в сыском бизнесе столько же лет, сколько я, – у вас бы тоже развилось чутье на такие вещи.

– Вы тоже страдаете паранойей, – заметил Пирс.

Теперь пришла очередь Локку взглянуть на него.

Пирс повернулся к двери и увидел очертания громоздкой фигуры медбрата, прислонившегося к стене коридора. На секунду она превратилась в огромную тень с дубинкой, выскочившую на него из темноты. Он вспомнил луч лазера, разрезавший темноту, и все понял. Медбрат вовсе не был медбратом. Он был телохранителем, выполняющим и другие рискованные поручения, возможно, даже такие, как поджог.

Пирс снова повернулся к Локку.

– Вы, без сомнения, надеялись, что я кинусь в лабораторию, спасать образцы, – сказал он, – но, боюсь, там просто нечего спасать. Или обшарили мою квартиру в поисках записей. Но я их там не храню, и Том Барнетт вам наверняка об этом говорил.

– Кто? – переспросил Локк.

– Но я согласен лечить вас, если вы настроены серьезно, потому что я врач и это моя работа. И от финансирования моего проекта не откажусь, если вы все еще собираетесь его предоставить, потому что эти исследования очень важны и требуют денег.

Локк поднялся, показав, почему его фигура выглядит бесформенной. В вырезе его халата Пирс увидел металлический каркас, поддерживающий тело от плеч до коленей и наверняка превращающий нервные импульсы в движения. Он двинулся на Пирса. Пирс с трудом удержался на месте, когда Локк схватил его за запястье своими стальными пальцами. Здесь нервы явно не были повреждены, или, возможно, внешний скелет слился с руками Локка, став его костями и сухожилиями. Ирод превратился в чудовище Франкенштейна.

– Я выделю деньги на ваши исследования, – подтвердил Локк, – потому что уверен, если кому-то это и удастся, то только вам. Я считаю, что вы связаны с Картрайтами потому, что я сам бы с ними связался, будь я на вашем месте. И когда вы создадите эликсир, вы отдадите его мне.

– Я опубликую результаты, как сделал бы любой ученый.

– Вы их передадите мне, – заявил Локк. – Никаких публикаций.

– Вы слишком самоуверенны.

– Я просто реалист. И трезво оцениваю ситуацию. А также знаю, что случится с этим миром, если создание эликсира станет достоянием гласности. Его захлестнет волна убийств, мятежей, войн – а затем придет черед неразрешимых проблем, таких как перенаселение, падение уровня рождаемости и в итоге стагнация. Но вы завершите свои исследования, потому что вы – это вы, и отдадите их результаты мне, потому что я – это я.

Пирс палец за пальцем отцепил руку Локка от своего запястья.

– Я вам не принадлежу, – сказал он. – Но мы понимаем друг друга. Я создам эликсир в надежде, что мне удастся уберечь его от вас и передать тем, кто сможет распорядиться им лучше, чем вы или я. Но если мне это не удастся и он попадет в ваши руки, я не стану сожалеть. Ведь это снизит давление на Картрайтов, и со временем, что бы вы ни делали, ваш секрет выйдет наружу, а эликсир станет достоянием всего человечества.

После этих слов Пирс развернулся и вышел, миновав грозного охранника. Прошел знакомыми коридорами, спустился на лифте и, наконец, оказался в своей чистой, прохладной лаборатории, в своем убежище от грубости и нечистоплотности окружающего мира. Теперь он знал, что подозрения касательно посторонних, посещающих лабораторию в его отсутствие, – не более чем паранойя. Если бы Локк узнал об имеющихся у него образцах крови Картрайтов, то изъял бы их все.

За дверью кто-то нажал на кнопку вызова, прося разрешения войти, и Пирс подошел к переговорному устройству.

– Это я, Джулия, – прозвучало из него. – Вы в порядке?

Пирс зашел в шлюзовую отсек, чтобы впустить ее, надеясь, что она пришла одна, и в то же время понимая, что это не важно: от всего мира не спрячешься. Она пришла одна и, едва войдя, сразу утешающе сжала его руку.

– Конечно, – успокоил ее Пирс.

– Столько всего случилось.

– Мой грант возобновили, – сообщил он. – Похоже, исполнительный директор Национального исследовательского института будет проходить у нас курс лечения.

Неужели он заметил промелькнувшее в ее глазах беспокойство?

– Но я думаю, что Тому Барнетту пора двигаться дальше. Его знаний и умений вполне достаточно для самостоятельной работы. Как вы полагаете, возможно ли подобрать ему подходящую должность?

Они прошли в лабораторию и остановились перед прибором, в котором продолжался эксперимент по апоптозу.

– Я придумала кое-что получше, – сказала Хадсон. – Я рекомендую его кандидатуру приятелю из Чикаго, ищущему старшего гериатра.

– Мне нужен будет новый ассистент, – продолжил Пирс. – Не хотите попробовать?

Она посмотрела на него так, словно он только что признался ей в любви.

– У меня наверняка не останется свободного времени на чтение и кое-какие общественные обязанности, но я и представить не могу, чего во всем мире я хотела бы больше.

– Я надеялся, вы оставите управление, – посетовал он.

– Не сейчас, – последовал ответ. – Может, через пару лет.

– Я хочу вам кое-что показать, – сказал Пирс, поднимая крышку прибора.

Было заметно, что все культуры погибли, кроме двух.

– Неужели успех? – удивилась она.

– Только начало, – ответил он, положив руку на ее плечо.

На самом деле это было больше, чем начало. Это была финишная прямая. Длительный поиск был почти завершен, и Пирс понимал – в его руках то, что алхимики искали многие века: секрет бессмертия. Но он не откроет его миру, пока не умрет Локк; без сомнения, его заменит кто-то столь же непреклонный и безжалостный, но у него не будет такого сочетания личных качеств и опыта, как у этого старого сыщика.

Джулия обняла его за талию, и они замерли, глядя на бессмертные клетки. Сейчас Пирс чувствовал себя героем научно-фантастического романа.

Но это не мешало ему понимать: потребуется много времени, чтобы он убедился в том, что Джулия – не агент Локка, как Том Барнетт. Он может любить ее и должен будет ей доверять, но, вероятно, никогда не будет уверен в ней *полностью*.

Наверное, это типично для человека.

Часть четвертая

Студент

Его разбудила боль. Острая, колющая боль в желудке. Она заставила его подтянуть колени к груди и непроизвольно скривить тощее, желтоватое лицо в гримасе, превратившей его в подобие измятого пергамента.

Боль вспыхнула снова. Тело скрутило судорогой, а изо рта вырвалось мычание. Потом она медленно отступила, словно волна в отлив. Однако отголоски в измученных нервных окончаниях намекали на ее скорое возвращение.

– Коук! – закричал страдалец с двадцать пятого этажа.

Крик заметался по комнате, эхом отскакивая от высокого потолка и обшитых деревянными панелями стен. Ответа не было.

– Коук! – Крик повторился. – КОУК!

В отдалении раздался звук семенящих шагов, гулких на мраморных полах, а затем приглушенных ковром. Шаги затихли рядом с широкой, застеленной шелком кроватью.

– Да, босс?

Даже голос выдавал привычку раболепствовать. Из-за этой привычки говоривший словно становился ниже. Маленькие бегающие глазки на его обезьяньем лице ни на секунду не останавливались.

Больной скорчился на кровати.

– Лекарство!

Коук схватил с серой металлической тумбочки коричневую бутылку и вытряхнул на ладонь три таблетки. Одна из них упала, и он тут же поднял ее. Как только он протянул таблетки больному, тот выхватил их и закинул в рот. Коук впихнул в его руку стакан с водой, налитой из серебряного кувшина. Больной запил лекарство, конвульсивно дергая кадыком.

Через пару минут он смог сесть. Прижав колени к груди, он тяжело, неровно дышал.

– Мне плохо, Коук, – простонал он. – Мне нужен врач. Я умираю, Коук.

Его голос был полон ужаса.

– Вызови врача!

– Я не могу! – пискнул Коук. – Вы разве забыли?

Больной нахмурился, словно пытаясь осознать сказанное, а затем его лицо исказилось, и левая рука резко метнулась вперед. Он вцепился Коуку в рот и швырнул того в угол. Там человек скорчился, прижимая руку к кровоточащим губам и с беспокойством следя за больным своими крысиными глазками.

– Будь здесь! – рыкнул больной. – Не заставляй меня звать тебя снова!

И тут же забыл о Коуке. Уронив голову, он бессильно стукнул сжатым кулаком по кровати.

– Проклятье! – раздался его стон.

Он просидел несколько минут не шевелясь, застыв, словно каменное изваяние. Коук сжался в углу, неподвижный, настороженный. Наконец больной выпрямился, отбросил тяжелое одеяло и встал. Он тяжело прошлепал к окну, жалуясь на ходу:

– Я болен. Я умираю.

Подойдя, потянул за толстый бархатный шнур; шторы с шелестом разъехались. Солнечный свет хлынул в комнату, заливая фигуру больного и делая его алую пижаму похожей на пламя, а бледное лицо – на тесто.

– Это ужасно, – заявил он, – когда больной не может вызвать врача. Мне нужен эликсир, Коук. Мне нужно лекарство от этой боли. Я не могу больше терпеть.

Коук наблюдал; его глаза ни на секунду не теряли из виду высокую тонкую фигуру человека, который стоял в потоке солнечного света и незряче глядел на город. Коук убрал руку от рта; она была вымазана красным, и кровь продолжала сочиться из трех царапин на губах.

– Найди мне врача, Коук, – велел больной. – Не важно, как ты это сделаешь. Просто найди.

Коук тут же вскочил на ноги и удрал из комнаты. Больной все так же глядел в окно, ничего не замечая.

Отсюда развалины были не так хорошо видны. Город был почти тем же самым, что и пятьдесят лет назад. Но если присмотреться внимательнее, можно было увидеть дырявые крыши, а также дома, где декоративные фасады обвалились и кирпич за ними раскрошился, загромоздив улицы.

Двенадцатая улица была полностью перекрыта. Кучи булыжника сделали многие улицы непроходимыми. Время действует не так быстро, как человек, но оно неумолимо.

Далекая, изогнутая словно лук автострада 35, выделяясь на фоне унылого однообразия, привлекала взгляд, словно движение среди неподвижности. Медицинский центр Канзаса отсюда не был виден, скрытый за холмами на юге, но этот огромный, окруженный стенами комплекс на Миссурийском Больничном холме блестел в солнечных лучах подобно бриллианту.

Подобно острову он восставал из моря убогой серости: царство жизни посреди умирающего города.

Больной смотрел из окна, как первые щупальца смога наползают с реки на улицы, взбираются по двадцатипятиэтажной крепости на Больничном холме. Им никогда не достичь ее вершины.

– Да чтоб их всех! – буркнул больной. – Чтоб их!

Флауэрс уставился из узкого окошка одноместной «Скорой помощи» в непроглядную ночную мглу, в которой морось смешалась со смогом. Эта мгла, словно зверь, атаковала противотуманные фары, пытающиеся ее развеять. Она безостановочно перетекала с места на место, не давая лучу цвета янтаря зацепить себя, и он отступал, побежденный.

С того времени как Флауэрс свернул с автострады, где горели фонари и периодически проезжал патруль, в нем поселилось беспокойство и растерянность. Даже на автостраде теперь было небезопасно. Когда двадцатимиллиметровый снаряд срикошетил от бронированной крыши «Скорой», грохот стоял чудовищный.

Где была полиция в тот момент?

Карты, на которых шоссе Труман-роуд все еще считалось проезжим, явно устарели. А это точно было шоссе Труман-роуд – слишком уж широкое для обычной городской дороги. Но он весьма туманно представлял себе, как далеко на восток уже забрался. Улицу по обе стороны от шоссе затопила тьма; хотя справа, кажется, она была немного гуще.

Похоже, там находился парк, если, конечно, над опустошением этой полоски земли не потрудились ветер, огонь или динамит. Он мысленно представил карту города. Должно быть, это парк Парейд или Гроув.

Вдруг под передним колесом что-то взорвалось. Содрогнувшуюся «Скорую» подбросило в воздух. Приземление было жестким. Прежде чем амортизаторы смогли погасить удар, автопилот потерял управление, и «Скорая» вильнула влево.

Флауэрс схватил аварийный руль, взяв управление на себя, и развернул машину в сторону заноса. Шины взвизгнули, словно стая разъяренных кошек.

Внезапно впереди мелькнул свет: тускло-красные огни, почти незаметные в ночи, затянутой смогом. Человеку, находящемуся на улице, они бы были по пояс. А значит, стояли на каких-то опорах.

На этот раз Флауэрс резко выкрутил колесо вправо и сжал сиденье одеревеневшими ногами, когда машина зацепила бордюр и, попав в грязь, едва выправила чудовищный крен, а затем снова ушла в занос. Это точно был парк! Машина неслась сквозь него, а Флауэрс

безуспешно пытался вернуть управление, чудом объезжая деревья и сломанные телефонные столбы, опутанные сетью проводов, пока наконец не вырулил назад на улицу. В безумном рывке через парк позади остались несколько кварталов. Он затормозил.

Сидя в машине, зависшей на обочине, Флауэрс чувствовал, как лицо покрывается потом. Он вытер лоб тыльной стороной ладони и расправил сведенные судорогой плечи.

Чертов город! – мелькнула яростная мысль. – *Чертовы дорожные службы! Чертов Ординатор, способный отправить студента на выезд в такую ужасную ночь.*

Но в случившемся некого было винить.

Те, кто выезжал ночью, действовали на свой страх и риск. Но их было слишком мало, чтобы вынудить городские службы расходовать жалкие крохи налогов на ремонт улиц, ведь днем-то объезжать ямы, колеи и вырванные из земли куски бетона не составляло труда.

Флауэрс вернулся мыслями к недавнему инциденту. То, что попало под колесо, на яму совсем не походило. Скорее на фугас. А те фонари вполне могли быть установлены на баррикаде, за которой скрывалась банда налетчиков.

Вздвигнув, Флауэрс нажал на газ и страстно пожелал оказаться в Центре и отработать свою смену в отлично защищенном, асептически обработанном, комфортном помещении отделения «Скорой помощи».

Автопилот, похоже, снова работал как следует. Флауэрс ослабил хватку на руле, только когда вывел машину на середину дороги.

Смог слегка поредел, и он заметил свет, слабо, как тающий в ночи огонек свечи, мерцавший в дальнем конце улицы.

Флауэрс выключил все освещение и направил машину к кафе. В нем, не считая официанта, находился один-единственный посетитель. «Скорая» нырнула в чернильную темноту за углом.

Прежде чем открыть дверь, Флауэрс вскрыл новую упаковку фильтров и вставил их в ноздри, убедившись в том, что они плотно прилегают к стенкам. Уже на выходе достал свой игольчатый пистолет из кобуры. Магазин был полон. Он настроил систему управления «Скорой» на защиту и шагнул в ночь.

Настороженно втянул ноздрями воздух. Конечно, его никто не очищал, что за дикая фантазия, но пахло здесь вполне терпимо. Так что пара минут не могла заметно сократить его жизнь.

Смог вился вокруг, облепляя, пытаясь достать до его легких своими ядовитыми щупальцами. Бойд правильно сказал: «Мы плаваем в море канцерогенов.

И у нас есть два пути. Ты можешь вынырнуть из моря или постоянно отфильтровывать канцерогены. Но пока ты воплощаешь первое, идеальное решение в жизнь, постарайся сделать все, что возможно, для тех, кто из этого моря не вынырнет никогда».

Дождь почти прекратился, но Флауэрс все равно доверху застегнул пальто. Свой черный чемоданчик он оставил в машине, но, если его белую форменную куртку здесь заметят, могут возникнуть проблемы. Он мог нарваться на бандитов или фанатиков из Антививс, а может, и на обычного горожанина, затаившего злобу на медиков.

Пригнув стриженую, непокрытую голову, Флауэрс быстро миновал квадрат желтого света, падающий из широкого, заклеенного окна. Опустив руку в правый карман, он ощутил успокаивающую тяжесть своего игольного пистолета.

Таблички с номером улицы рядом с дверью давно уже не было. Флауэрс прошел через плюсовой отсек в ярко освещенное помещение.

Официант точно был из местных. – с перебитым носом и шрамом, тянущимся по левой стороне лица, от линии волос до самой шеи. Грязная белая куртка на нем явно копировала униформу врачей.

Он беззаботно дымил сигаретой, почти незаметной в его толстых пальцах. Ужаснувшись было, Флауэрс тут же почувствовал прилив отвращения. Горожанам мало оказалось просто плавать в море канцерогенов; необходимо было все время наполнять его новыми.

Диагноз тощему посетителю с крысиным лицом он поставил автоматически: *Щитовидная железа. Гипертония*. Жить тому оставалось около пяти лет. Посетитель хитро глянул на Флауэрса, черпая ложкой какую-то бурду из стоящей перед ним миски.

– Чего желаете? – услужливо поинтересовался официант. – У нас в меню новые, полезные блюда. Есть новый тоник, прямо из лаборатории – все известные витамины, микроэлементы, железо и особый секретный ингредиент, растворенные в медицинском спирте. Могу предоставить сертификат лаборатории, анализы, свидетельство.

– Нет, – начал Флауэрс, – мне...

– Обогащенный фруктовый сок? – настойчиво продолжал официант. – Овощи? Имеется напиток из восемнадцати сжиженных цельных овощей. В одном стакане – недельная норма одиннадцати витаминов, восьми минералов и...

– Мне нужно только...

– Послушайте, – сказал официант, понизив голос до таинственного шепота, – у меня тут под стойкой кое-что припасено – чистый кентуккийский бурбон, ни витаминов, ни минералов, но пожар в кишках обеспечен.

– Мне нужно только узнать здешний адрес, – закончил фразу Флауэрс.

Официант тупо посмотрел на него. Подозрительность сгустилась вокруг него плотной стеной.

Наконец он ткнул пальцем туда, откуда Флауэрс пришел.

– Вон там, – ответил, – бульвар Бентон.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил Флауэрс. И повернулся к двери, чувствуя, как от ощущения опасности покалывает затылок. А затем вышел в ночь.

– Пссс! – послышалось шипение за спиной.

Флауэрс вздрогнул и обернулся. Шипел Щитовидка, нацепивший на свою крысину мордочку самое заискивающее выражение. Флауэрс остановился. Странный посетитель скользнул ближе.

– Куда вам надо? Может, я подскажу?

Флауэрс замялся.

– Десятая, – наконец выдавил он. – Квартал 3400.

Ну и что в этом может быть плохого?

– Держите на восток, через два квартала поверните налево. Оттуда прямо на север, – хрипло шепнул неожиданный помощник.

Флауэрс, пробормотав что-то вроде благодарности, собрался уходить, но тут заметил, что у его собеседника не было фильтров в носу, и смутился.

– Постой! – быстро продолжил мужчина. – Нужен пенициллин?

Флауэрс на мгновение окаменел, слишком изумленный, чтобы ответить. Затем естественным жестом сунул правую руку в карман, нащупав рукоятку пистолета, а левой тем временем нажав пару гвоздиков на пряжке ремня. Даже прислушавшись, он едва уловил звук заработавшего мотора «Скорой».

– Что вы сказали? – переспросил он.

– Пенициллин, – нетерпеливо повторил спекулянт. – Первоклассный товар. Прямо из лаборатории, и цена всего ничего.

– Сколько?

– Доллар за сто тысяч. Взгляни!

Он разжал кулак; в желтом ресторанном свете блеснул металлический колпачок ампулы, лежавшей на замызганной ладони.

– Здесь триста тысяч единиц быстрого действия. Ты наверняка подхватил этим вечером какую-нибудь заразу, которая вполне может свести тебя в могилу. А вот эта маленькая ампула поможет тебе справиться с ней самому. За три бакса, идет? Выйдешь на работу здоровым, и она окупится за день.

Флауэрс с любопытством взглянул на десятикубовую ампулу. Даже если в ней был пенициллин, то явно очень плохого качества. Доллар за сто тысяч единиц – цена ниже оптовой.

Спекулянт прокатил ампулу по ладони с таким видом, словно делал предложение, от которого сложно отказаться.

– Три бакса, и я сделаю укол. Лучшего тебе никто не предложит. Ну, – он отвел руку, делая вид, что собирается уходить, – жизнь-то твоя. Загремишь в больницу.

Флауэрс отступил назад, в темноту, поближе к машине, и прислушался к постукиванию роторов. Ночь безмолствовала.

– Есть места и похуже, – сказал он.

– Назови хоть одно, – потребовал толкач, подобравшись ближе. – Вот что я тебе скажу. Отдам за два пятьдесят. Как тебе – всего два с полтиной, а? И шприц сверху?

В конце концов, цена упала до двух баксов. Теперь спекулянт стоял близко. Слишком близко, подумал Флауэрс. И отступил. Спекулянт схватил его за пальто, пытаясь удержать. Воротник пальто распахнулся.

Флауэрс про себя проклял придурка, не удосужившегося как следует намагнитить застёжки. Спекулянт отшатнулся от белой куртки, дико озираясь в поисках недоступной сейчас помощи.

Флауэрс вытащил пистолет.

– Этого более чем достаточно, – решительно заявил он.

Спекулянт тут же метнулся к Флауэрсу, словно шарик на резинке.

– Эй, послушай-ка! Мы же вполне можем договориться. Я тебе отдаю пенициллин, а ты забываешь о нашей встрече, идет?

– Сколько его у тебя?

Спекулянт явно хотел соврать, но не осмелился.

– Десять миллионов. Забирай. Забирай все!

– Держи руки на виду. – Десять миллионов. Сотня баксов. Для такой мелкой сошки это огромная сумма. – Где ты его достал?

Неудачливый торгош беспомощно пожал плечами:

– Сам знаешь, как оно бывает. Мне передают товар, и откуда мне знать, где его взяли? Может, украли. Или подменили на фабрике. Как-то так.

– Боун?

Торгош заметно струхнул. Прищулив глазки, он уставился в ночную тень.

– А ты как думаешь? Да брось, медик, не гони. Ты ведь в меня не выстрелишь, правда? Ты же врач и все такое?

– Конечно, выстрелю, – ровно ответил Флауэрс. – Кого это волнует?

Внезапно поток света смыл темноту, словно моющим средством. Флауэрс услышал шум двигателя над головой и моргнул ослепшими глазами.

– Не двигаться, – раздался громкий голос. – Вы арестованы.

Торгош рванул в темноту. Флауэрс тщательно прицелился. Игла вошла беглецу в затылок, сразу под основной затылочной костью. Он сделал еще шаг и рухнул, наполовину скрывшись в темноте. Сержант полиции выслушал Флауэрса и его версию событий с плохо скрытым нетерпением.

– Нечего было стрелять в него, – заявил он. – Чего он такого натворил, что нарвался на пулю?

– Спекуляция, – жестко начал Флауэрс, загибая пальцы дулом пистолета. – Взятничество. И еще фальсификация. Нужно только сдать эту ампулу на анализ.

Чудом уцелев, она лежала посреди развороченного тротуара. Сержант с явной неохотой наклонился поднять ее.

– Это не доказательство, – кисло возразил он. – Думаете, нам заняться нечем, кроме как мотаться по ложным вызовам? Мне придется забрать вас в участок, за нарушение общественного порядка и незаконный арест.

Он задумчиво посмотрел на машину «Скорой помощи», а затем на пистолет в руках Флауэрса.

– Доказательства? – повторил Флауэрс, мрачно нахмурившись. – А какие еще вам требуются доказательства? У вас есть человек с десятью миллионами единиц пенициллина. Мои свидетельские показания. И это.

Он нажал кнопку повтора записи на пряжке своего ремня.

Голос был хорошо поставленным, богатым на интонации.

– Известные противопоказания – это чувствительность к илотицину и...

Флауэрс тут же нажал на паузу и перемотал пару футов пленки, прежде чем включить запись повторно.

– Пенициллин, – послышался хриплый шепот толкача. – Первоклассный товар. Прямо из лаборатории, и цена всего ничего...

Когда отзвучало последнее слово, Флауэрс стер оставшийся кусок лекции по терапии доктора Карри и добавил слова собственной присяги: «Я, Бенджамин Флауэрс, студент седьмого курса медицинского университета, настоящим клянусь именем Эскулапа и Гиппократы, что...»

Неохотное подтверждение от офицера придало записи законный статус, и Флауэрс сунул катушку с записью в его мясистые пальцы.

– Этого должно хватить с лихвой. Вот ваш задержанный.

Торгаш стоял, опираясь на руки и колени и вяло мотая головой взад-вперед, как спящий слон. Флауэрс поставил ногу ему на спину и опрокинул его.

– Я прослежу за развитием этого дела, – заявил он. – Хочу, чтобы этот человек понес заслуженное наказание в полном объеме. У меня есть номер вашего значка. И я не дам ему сбежать, а вам – потерять ни одно из доказательств.

В голосе сержанта прорезались просительные нотки.

– Зачем же так грубо. Я свою работу знаю. Но вы-то должны понимать – человеку надо на что-то жить. А времена нынче тяжелые. Этот вот, может быть, пытается оплатить счета за медицинское обслуживание! Посмотрите на это и с нашей стороны. Если бы мы отправляли в отделение каждого спекулянта в городе, городская тюрьма была бы битком набита. Как бы мы их прокормили? И как удержали бы, вздумай они уйти?

– Это ваши проблемы, сержант. Такие крысы, как он, расшатывают основы медицинского обслуживания. Если лекарства и антибиотики будут применяться без назначения врача, средний уровень жизни вновь опустится до семидесяти, а то и ниже. У нас и без таких, как он, куча проблем с чувствительностью пациентов к антибиотикам и с появлением новых штаммов бактерий, устойчивых к ним.

Флауэрс снова посмотрел на спекулянта. Тот пытался сесть с совершенно ошарашенным видом. Потерев затылок и вытянув руку, чтобы получше ее рассмотреть, он выдохнул:

– Я не умер.

– Мое дело – спасать жизни, а не отнимать их, – резко заявил Флауэрс.

Услышав голос, спекулянт поднял глаза и зарычал:

– Ты! Паршивый похититель тел! Шарлатан! Тебе это с рук не сойдет! Джон Боун об этом позаботится, проклятый ты мясник!

– Закрой рот! – резко оборвал торгаша сержант, поднимая того на ноги. – Ты и так довольно наболтал.

Но поддерживал он его на удивление мягко. Глядя на это, Флауэрс скривился.

Перекрикивая глухой рокот вертолетных двигателей, спекулянт крикнул ему:

– Ты и такие, как ты, – вы во всем этом виноваты!

* * *

Свет прожектора метнулся вдоль крыши над крыльцом и осветил две ржавые, косо висящие цифры, оставшиеся от номера дома. К счастью, они оказались последними.

Дом стоял рядом с незастроенным участком, заваленным обломками печной трубы, сломанной буровой установки и еще какого-то оборудования. Когда-то двор был вымощен асфальтом; теперь под колесами машины Флауэrsa, подъехавшей к крыльцу, было нечто вроде каменной пыли.

Он выключил свет и сидел в темноте, глядя на место назначения. Дом был двухэтажный, с чердаком. Вдоль фасада протянулось ветхое крыльцо. Темные окна слепо пялились в ночь.

Может, Ординатор ошибся? Это было бы неудивительно.

Затем в одном из окон второго этажа он уловил едва заметный отблеск.

Флауэрс осторожно взобрался по прогнившим деревянным ступеням. Фонарик, встроенный в его чемоданчик, осветил рассохшуюся дверь. Флауэрс постучал. Ответа не было. Единственным звуком оставалось успокаивающее урчание мотора «Скорой».

Он нажал на антикварную латунную ручку. Дверь поддалась. Вытащив свой пистолет, он осторожно вошел в дом. Ведущий направо арочный проход закрывала изъеденная древоточцем фанерная доска. Впереди виднелся лестничный пролет.

Он бесшумно поднялся по лестнице, и свет фонарика отразился от древних прядильных станков, отполированных сотнями маленьких ручек. Когда он сможет позволить себе собственный дом за городом, подумал он про себя, он купит туда что-то вроде этих станков – старинное, несущее на себе отпечаток тысяч воспоминаний из прошлого. Если бы в этой лачуге обнаружили по-настоящему неплохие образцы работы по дереву, он бы мог выкупить ее или поспособствовать ее конфискации на нужды департамента общественного здоровья.

На верхней лестничной площадке находилось шесть дверей. Флауэрс повернул направо. Дверь, которую он дернул первой, оказалась заперта. От толчка что-то в замке брякнуло.

Он напряженно вслушался в звуки, разносящиеся по дому. Скрип, скрежет и шуршание доносились отовсюду, словно простоявший несколько веков дом ожил. Плечи Флауэrsa напряглись.

Дверь открылась.

Свет от его фонаря облил фигуру девушки ртутным блеском. Она глядела на свет, не мигая. А Флауэрс глядел на нее. Ростом она была где-то пять футов и пять дюймов. Темные волосы наверняка оказались бы очень длинными, будь они распущены; но они были заплетены в косу, обвивающую ее голову подобно короне.

Тонкое лицо с очень белой кожей удивляло правильностью и изящностью черт. Желтое платье, свободно перетянутое на тонкой талии, не отличалось практичностью и откровенностью, в отличие от прямых, узких платьев, популярных у современных женщин. Но было что-то привлекательное в силуэте, лишь намеком обрисованном платьем, и белых босых ножках. Его пульс ускорился на десять ударов в минуту.

И только теперь он заметил, что девушка слепа. Роговицы были мутными, затеняя бледную голубизну ее глаз.

– Вы доктор?

Голос у девушки был мягкий и низкий.

– Да, студент-медик.

– Входите скорей, пока не переполошили соседей. Они могут быть опасны.

Пока девушка заперла за ним дверь на засов, Флауэрс оглядел комнату, оказавшуюся довольно просторной. Когда-то здесь была спальня; теперь в одной комнате размещалась целая квартира с двумя креслами, газовой горелкой, перевернутым ящиком, служившим подставкой для дымящей керосиновой лампы, и койкой, сделанной из дерева и холста.

На койке лежал мужчина средних – что-то около шестидесяти – лет. Его глаза были закрыты, а шумное дыхание заполняло полупустую комнату.

– Филип Шумахер? – спросил Флауэрс.

– Да, – ответила девушка.

Он снова обратил внимание на ее глаза. На солнце они, должно быть, цвета дикого гиацинта.

– Дочь?

– Не родственница.

– Что вы здесь делаете?

– Он болен, – просто сказала она.

Флауэрс взглянул в ее лицо, но ничего не смог увидеть за разлитыми на нем спокойствием и умиротворенностью.

Он присел в кресло рядом с койкой и открыл свой чемоданчик. Не тратя лишнее время, достал горсть датчиков со спутанными проводами. Один прикрепил напротив сердца пациента; другой – на запястье, а третий – на ладонь. Застегнул манжету сфигмоманометра на бицепсе мужчины, проследив, как она наполняется воздухом, вставил трубку дыхательного аппарата между бледных губ и надел ему на голову что-то вроде тубетейки...

Когда он закончил, Шумахер стал похож на муху, которая угодила в сеть из проводов, передающих слабые импульсы сидящему в черном чемоданчике пауку. Но паук, связанный с машиной «Скорой помощи» беспроводной связью, не тянул жизнь из мухи, а восстанавливал ее потрепанное тело.

Весь процесс занял минуту двадцать три секунды. И в следующую секунду Флауэрс заметил на предплечье у пациента пластырь. Нахмутив брови, он сорвал его. Под пластырем оказался потемневший от крови компресс и маленький, еще не закрывшийся порез на срединной локтевой вене.

– Кто находился здесь с тех пор, как этот человек заболел?

– Я, – четко ответила девушка. Ее рука расслабленно лежала на коробке с керосиновой лампой.

В изголовье койки больного стояла литровая банка. В ней была кровь, около пинты, уже свернувшаяся, но все еще теплая. Флауэрс медленно вернул банку на место.

– Зачем вы сделали кровопускание этому человеку?

– Это был единственный способ спасти ему жизнь, – мягко ответила девушка.

– Сейчас не Средневековье, – возразил Флауэрс. – Вы могли убить его.

– Учитесь лучше, студент, – все так же мягко попеняла она. – В некоторых случаях может помочь *только* кровопускание – например при кровоизлиянии в мозг. Оно временно понижает кровяное давление и дает крови в лопнувшем сосуде возможность свернуться.

Флауэрс невольно заглянул в чемоданчик. На мониторе внутри уже высветился диагноз. Это действительно оказалось кровоизлияние в мозг, и прогноз был обнадеживающим. Кровоизлияние удалось остановить.

Из отделения в чемоданчике он достал компресс, сорвал этикетку, проследил, как раскрывается упаковка, а затем крепко прижал его к порезу. Когда он отнял руку, компресс плотно прилип к коже.

– Законом запрещена медицинская практика без лицензии, – медленно сказал он. – Мне придется сообщить об этом случае.

– Нужно было позволить ему умереть?

– Лечить должны врачи.

– Он вызвал врача. Вы добирались сюда полтора часа. Если бы он дожидался вас, был бы уже мертв.

– Я приехал так быстро, как смог. Найти такую дыру ночью непросто.

– Я вас не виню. – Она нащарила рукой кресло позади себя и легко, даже грациозно, опустилась в него, сложив белые ручки на коленях. – Вы спросили, почему я пустила ему кровь. Я ответила.

Флауэрс молчал. Рассуждения девушки, хоть и безупречно логичные, все равно были в корне неверны. Нет ни одного приемлемого оправдания нарушителям закона. Оказывать медицинские услуги должны исключительно тщательно обученные, прошедшие строгий отбор специалисты, руководствующиеся принципами старинной врачебной этики. Никто другой не имел права вмешиваться в этот наиболее сакральный из всех существующих процесс.

– Вам повезло, – наконец заговорил он. – Но был шанс ошибиться.

– А смерть не оставляет шансов.

Она встала, приблизилась к парню и, положив руку ему на плечо, перегнулась через него, чтобы пощупать лоб Шумахера.

– Нет. – Ее голос был тверд и полон странной уверенности. – Он скоро поправится. Он хороший человек. Мы не должны позволить ему умереть.

Близость девичьего тела обволакивала его теплым ароматом, волнующим и соблазнительным. Флауэрс почувствовал, что у него повысилось давление. *Почему бы и нет?* – мелькнула мысль. – *Она всего лишь горожанка.* Но он тут же прогнал ее, и дело было вовсе не в его профессиональной чести, и даже не в ее слепоте.

Он не сделал ни единого движения, но девушка, убрав руку, отстранилась, словно почувствовала, как кипят внутри него эмоции.

– Я должен отвезти его в госпиталь, – сказал Флауэрс. – Помимо кровоизлияния, может возникнуть инфекция на месте пореза.

– Я отмыла его руку с мылом, а затем протерла спиртом, – отчиталась девушка. – Я простерилизовала лезвие над пламенем и опалила повязку на стекле лампы.

На пальцах девушки вздулись заметные пузырьки ожогов.

– Вам *действительно* повезло, – холодно ответил Флауэрс. – В следующий раз дело может кончиться чьей-нибудь смертью.

Она повернулась на голос. Это движение казалось до странности трогательным.

– Но что же делать, когда ты нужен им?

Уж слишком это напоминало ответ врача на мольбу мира о помощи. Но у врача было право ответить на эту мольбу, а у нее – нет. Он резко отвернулся назад к Шумахеру, чтобы снять датчики и убрать их в сумку.

– Мне придется нести его в машину на себе. Не могли бы вы взять мой чемодан, чтобы осветить путь?

– Его нельзя забирать. Он не погасил задолженность по медицинским счетам. Вы знаете, чем это грозит.

Флауэрс замер над незакрытым чемоданчиком.

– Если он неплательщик... – начал он голосом, дрожащим от ярости.

– А что бы вы сделали, – тихо спросила девушка, – если бы умирали вот так, в одиночестве? Разве не позвали бы на помощь? Кого угодно? Или сначала подумали бы о правильности и законности? Когда-то у него была страховка, и платежи по ней разорили его, отняли его дом

за городом, оставив выживать здесь. Но, заболев, он вспомнил о божестве, которому когда-то принес в жертву все. Так умирающий католик зовет священника.

Такое сравнение заставило Флауэrsa вздрогнуть.

– Но он лишил других людей законного и, возможно, жизненно необходимого им внимания. Возможно, за спасение его жизни пришлось заплатить жизнью другого пациента. Затем и существуют законы. Чтобы те, кто платит за медицинские услуги, не страдали по вине тех, кто не в состоянии – или, и чаще всего, не имеет желания – их оплатить. Если Шумахер не может оплатить лечение, то его заберут.

Сказав это, он склонился над стариком.

Тут девушка с неожиданной силой дернула его назад и, скользнув между ними, отклонилась, закрыв одной рукой Шумахера, словно пытаясь его защитить. В свете лампы ее глаза сияли, как дымчатый янтарь.

– У вас ведь наверняка хватает и крови, и органов. Они просто убьют его.

– Их никогда не хватает, – возразил Флауэрс. – И потом, есть ведь еще и исследовательские группы.

Теряя терпение, он положил руку ей на плечо, чтобы оттолкнуть прочь. Под тканью платья ощущались тепло и мягкость ее тела.

– Вы, должно быть, из Антивив.

– Так и есть, но дело не только в этом. Я прошу за него, потому что он того стоит. Неужели вы настолько нестигаемый, настолько идеальный гражданин, что не можете просто... забыть?

Перестав отталкивать девушку, он секунду смотрел на свою руку, а затем отпустил ее. Не мог же он с ней сражаться за тело пациента.

– Хорошо, – прозвучал ответ.

Он поднял свой чемоданчик, тут же щелкнувший замком, и двинулся к двери.

– Постойте! – воскликнула девушка.

Флауэрс оглянулся. Она, вытянув руку, незряче двигалась к нему, пока ее пальцы не коснулись рукава его пальто.

– Хочу поблагодарить вас, – мягко произнесла она. – Я думала, у врачей в наше время не осталось сострадания.

В желудке у него на секунду словно образовался ледяной комок, но тут же волна гнева растопила его.

– Не поймите меня неправильно, – грубо ответил он, стряхивая ее руку. – Я сообщу о нем Агентству. И о вас тоже. Это мой долг.

Она уронила руку, словно извиняясь за то, как ошибалась в нем, а возможно, и во всем человечестве.

– У каждого из нас свои обязанности.

Она прошла вперед, подняла засов и обернулась к нему, прижавшись спиной к двери.

– Я думаю, вы совсем не такой суровый, каким хотите казаться.

Эти слова заставили его остановиться. Он не был суровым. Его обижало такое предположение; обижало, что медиков считают неспособными на понимание, лишеными сочувствия.

Тех, кто живет среди болезней и смерти, от чьих способностей и решений зависят здоровье, жизнь, а вместе с ними и счастье людей, не должны трогать житейские драмы, страдания и обывательские ценности. Это было бы невыносимо.

– Этажом ниже еще одному старику нужна помощь, – нерешительно начала девушка. – Не могли бы вы взглянуть?

– Даже не обсуждается, – резко ответил он.

На мгновение девушка вздернула подбородок. Гордость проснулась, подумал он. И тут она кивнула.

– Простите, – сказала мягко.

По ее словам, зажигать свет было опасно, поэтому она вызвалась проводить его. Ее рука была теплой, а пожатие – крепким и уверенным. Пройдя большую часть пути, они оказались на площадке, с которой лестница поворачивала налево. В правом ее конце, скрытом в темноте, внезапно распахнулась дверь.

Флауэрс высвободил руку и сунул ее в карман пальто, нащупав для большей уверенности рукоятку пистолета.

В темном дверном проеме бледно мерцало призрачное лицо.

– Лия? – последовал тихий вопрос. Голос был тонкий, как у маленькой девочки. – Так и знала, что это ты. Дай мне руку. На одну секундочку. Я думала, никогда уже не выберусь из темноты...

– Уже все, – успокоила девушку Лия, погладив ее по лицу. – Теперь у тебя все будет в порядке. Не смей даже думать по-другому.

Флауэрс щелкнул кнопкой фонарика на чемоданчике. Его свет ударил в дверной проем, заставив девушку застонать и отпрянуть, прикрывая рукой глаза.

Флауэрс выключил фонарик – он успел разглядеть достаточно. Девушка в тонкой, залатанной ночной сорочке походила на скелет, туго обтянутый бледной кожей. Не считая двух пятен лихорадочного румянца на щеках, в лице ее не было ни кровинки.

Она умирала от туберкулеза.

Туберкулез. Белая чума. Он снова атаковал человечество около века назад, когда у его возбудителей развилась нечувствительность к тем лекарствам, которые когда-то практически стерли болезнь с лица земли. Но в наше время! Почему они допускают такое!

– Иди наверх и побудь с Филом, – велела Лия. – Ему нужна поддержка. У него был инсульт, но теперь дело идет на поправку.

– Хорошо, Лия, – согласилась девушка. Ее голос словно стал сильнее, в нем прорезались уверенные нотки. Тенью скользнув мимо них, она поспешила наверх.

– Что с ними не так? – напряженным голосом спросил явно озадаченный Флауэрс. – Туберкулез сейчас не проблема. Есть антибиотики направленного действия, с помощью которых его легко вылечить. Почему они остаются умирать здесь?

Она остановилась напротив источенной жуками фанерной перегородки и подняла к нему лицо.

– Так дешевле. Все остальное им не по карману.

– Умирать – дешевле? – неверяще воскликнул Флауэрс. – Странное у них понятие об экономии!

– Уж какое есть! К такой экономии приучили их госпитали. Благодаря вам здоровье стало дорогим удовольствием. Пара месяцев постельного режима, – устало перечисляла она, – сотня граммов неодиgidрострептомицина, тысяча граммов аминосалицилата натрия, возможно, восстановительное лечение для легких или, при необходимости, резекция ребра. А эта девочка за всю свою жизнь не видела больше пятидесяти долларов разом. Доживи она до ста лет, все равно не смогла бы заработать на лечение. А ведь ей нужно заботиться о детях. Она не может бросить работу даже на день, не говоря уже о нескольких месяцах...

– Можно оформить медицинскую страховку, – нетерпеливо перебил Флауэрс.

– Она не покроет всю сумму, необходимую на лечение, – отсутствующе сказала Лия. Дверь позади нее открылась. – Доброй ночи, доктор.

С этими словами она исчезла.

Поддавшись порыву, он обернулся в дверях. С губ готовы были сорваться язвительные слова: *Если вас слишком мало, чтобы помочь всем, кого бы вы стали лечить – нищих или преуспевающих, расточительных или бережливых, тех, на кого силы и деньги уходят словно в бездонную яму, или тех, кто своей помощью приближает будущее, в котором будет больше врачей и здоровье будет доступно каждому?*

Но они так и не прозвучали. Дверь в перегородке осталась приоткрытой. Через щель можно было разглядеть комнату, а в ней обшарпанный старый шезлонг из алюминия – стиль модерн, двадцатый век. На нем расположился старик, полулежавший неестественно прямо и неподвижно, поэтому Флауэрс на секунду показалось, что тот мертв.

Было заметно, что этот человек очень стар. У Флауэrsa мелькнула мысль, что он никогда еще не видел настолько старых людей, хотя гериатрия и являлась одной из ведущих областей медицинского центра. Его густая шевелюра была снежно-белой, морщинистая кожа на скульптурно вылепленном лице – обвисшей.

На коленях рядом с шезлонгом примостилась Лия. Она прижимала костлявую руку старика к своей щеке, и ее незрячие глаза прятались за опущенными веками.

Стоя в дверном проеме, Флауэрс видел, как дверь бесшумно открывается внутрь комнаты. Что-то знакомое было в лице старика, но Флауэрс так и не смог понять, что именно. Размышляя над этим, он с удивлением заметил, что глаза старика распахнулись.

Это было похоже на воскрешение из мертвых. В выцветших водянисто-карих глазах сияло столько жизни, что даже морщинистая кожа на лице старика словно бы разгладилась. Тело тоже ожило и налилось силой, а на лице расцвела добродушная улыбка.

– Входите, господин студент, – прошептал старик.

Лия подняла лицо, распахнув незрячие глаза, и повернулась к нему. Она тоже улыбалась. Ее улыбка согривала, как солнечные лучи.

– Вы вернулись, чтобы помочь, – сказала она.

Флауэрс покачал головой, но затем вспомнил, что она не может этого увидеть.

– Здесь я ничем помочь не смогу.

– Здесь уже никто не сможет помочь, – по-прежнему шепотом произнес старик. – Даже без своих приборов вы, безусловно, видите, что со мной. Невозможно заменить все тело, какими бы невероятными ни были ваши умения и инструменты. Тело изнашивается. У большинства из нас это происходит постепенно. Но есть и такие, что стареют разом.

Вы могли бы пересадить мне сердце какого-нибудь несчастного неплательщика, но мои артерии так и будут изуродованы атеросклерозом. А если каким-то чудом, вы и их замените, не убив меня при этом, то останутся еще фиброз печени, рубцы на легких, дряхлые инкреторные железы, возможно, даже с раковыми образованиями. Но даже дав мне полностью новое тело, вы не сможете помочь, потому что глубоко внутри, там, куда не достанет ни один скальпель, я останусь тем же – дряхлым старикашкой. Этого не исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.